Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 19 15 ОКТЯБРЯ № 19

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„П Р А В Д А“

Главлит № А—23840 Тираж 75.000

Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

Ко всем членам московской организации ВКП(б).

Дорогие товарищи!

Развитие нашего народного хозяйства идет под знаком под'ема, под знаком роста производительных сил города и деревни, под знаком усиления социалистических элементов хозяйства.

Мы закончили процесс восстановления народного хозяйства. Мы вступили в период его реконструкции, в период непосредственного социалистического преобразования народного хозяйства на базе новой техники. Это преобразование немыслимо без все большего развертывания индустрии, как основы индустриализации страны. Лозунг индустриализации был и остается основным лозунгом социалистического строительства. Ключом же развития индустрии, а в известной мере и сельского хозяйства, является тяжелая промышленность, производство средств производства.

«Мы знаем,—говорит Ленин,—что спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве,—этого еще мало,—не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления,—этого тоже еще мало,—нам необходима также **тяжелая** индустрия»...

«**Без спасения тяжелой промышленности**, без ее восстановления **мы не сможем построить никакой промышленности. Без нее же мы вообще погибнем, как самостоятельная страна**».

Но период реконструкции, период преобразования промышленности и сельского хозяйства на базе новой техники имеет в наших условиях свои особые трудности, которые вызывают иногда колебания в некоторых звеньях партии, но которые нужно преодолеть во что бы то ни стало, чтобы добиться успеха.

В отличие от капиталистических стран, мы подымаем нашу индустрию, как тяжелую, так и легкую, без притока средств извне (без займов от капиталистов), на основе своих собственных внутренних ресурсов, на основе совместных усилий рабочего класса и крестьянства нашей страны. Но развивать индустрию при нашей техниче-

ской отсталости таким темпом, чтобы не оказаться в хвосте у капиталистических стран, а догнать их на деле и потом перегнать их экономически, как учил партию Ленин,—невозможно без огромного напряжения сил и средств страны, без величайшей выдержки и железной дисциплины пролетарских рядов. Вставшие на этом пути *трудности*—напряжение наших материальных средств, явления товарного голода и т. п.—порождают некоторые колебания как отдельных прослоек рабочего класса, так и некоторых звеньев в самой партии. На этой почве вырастают иногда настроения в пользу пересмотра основного курса партии,—настроения снизить темп развития индустрии вообще, тяжелой в особенности. Вместо большевистского преодоления трудностей получается таким образом бегство от них. Эти настроения ведут к потере перспективы социалистического строительства и обнаруживают непонимание того, что снижение темпа развития тяжелой индустрии обозначало бы нагромождение новых еще больших трудностей в ближайшем будущем, существенно ухудшило бы материальный и культурный уровень рабочего класса и обрекло бы страну на тяжелую зависимость от мирового капитала. Отстаивая нынешний темп индустрии, партия исходит, между прочим, из того, что *без систематического развертывания индустрии вообще, тяжелой индустрии в особенности, невозможно серьезное улучшение материально-культурного положения рабочего класса.*

Но индустриализация страны не исчерпывается развитием одной лишь промышленности, легкой и тяжелой. Она означает вместе с тем развитие сельского хозяйства на новой технической базе, снабжение индивидуальных крестьянских хозяйств новыми орудиями производства, поднятие их урожайности, постепенное об'единение их в общественные, коллективные хозяйства, создание и развитие мощных совхозов.

Если нельзя развивать сельское хозяйство без промышленности, без сельскохозяйственных машин, без тракторов, без минеральных удобрений, то и промышленность не может развиваться в должной мере без усиления темпа развития сельского хозяйства, дающего для промышленности сырье и продовольственные продукты. Между тем, темп развития сельского хозяйства чрезмерно отстает от роста промышленности и с трудом покрывает растущие потребности страны, не обеспечивая достаточной сырьевой, продовольственной и экспортной базы. Это, конечно, не значит, что сельское хозяйство у нас деградирует, падает или натурализуется, ибо сельское хозяйство, в том числе и зерновое хозяйство, *растет* у нас *из года в год, подымая* свою урожайность. Но это значит, что нынешний темп *роста* сельского хозяйства стал для нас совершенно недостаточным.

Поэтому постепенное преобразование сельского хозяйства на базе новой техники и массового производственного кооперирования

крестьянства и усиление таким образом темпа развития сельского хозяйства является боевой задачей советского государства.

Встающие на этом пути огромные трудности естественно вызывают колебания в наименее устойчивых прослойках нашей партии. Эти колебания находят свое выражение в недооценке роли совхозов и колхозов и в стремлении к пересмотру решений XV с'езда партии об усилении наступления на капиталистические элементы деревни. Эти колебания обнаруживают непонимание того, что *без преобразования сельского хозяйства на базе новой техники, кооперирования и коллективизма невозможно добиться мощного под'ема производительных сил деревни, освобождения миллионных масс крестьянства от нищеты и обеспечения победы социалистических элементов хозяйства над его капиталистическими элементами.*

Эти трудности, связанные с разрешением основных задач реконструктивного периода в области промышленности и сельского хозяйства, усугубляются обострением борьбы империалистических государств против первого в мире пролетарского государства. Это находит свое выражение в новых попытках международной буржуазии помешать всеми мерами социалистическому строительству путем подготовки экономической блокады и нападения на СССР, посредством подкупа командного состава промышленности (шахтинское дело) и так далее.

Все эти затруднения, как и само развертывание социалистического строительства на нынешнем его этапе, приводят к росту активности и борьбы капиталистических элементов страны (нэпман, кулак, буржуазная интеллигенция) против политики пролетарского государства. На теперешнем этапе социалистического строительства, ведущего в конечном счете к уничтожению классов, происходит обострение классовой борьбы, с особенной резкостью проявляющейся в деревне. Партия в своей политике исходит и не может не исходить из учета обострения классовой борьбы в стране, в частности нашедшей свое выражение в серьезной вылазке кулацких элементов против хозяйственного плана пролетарского государства во время прошлогодних хлебозаготовок. Между тем, неизбежное давление мелкобуржуазной стихии, представляющей, несмотря на рост обобществленного сектора, все еще огромную силу в нашей стране, нашло свое отражение в потере отдельными звеньями партийных организаций ясной классовой установки. Еще в своем письме от 13 февраля ЦК вынужден был отметить, что:

«В наших организациях, как в партийных, так и иных, народились в последнее время известные, чуждые партии, элементы, не видящие классов в деревне, не понимающие основ нашей классовой политики и пытающиеся вести работу таким образом, чтобы никого

не обидеть в деревне, жить в мире с кулаком и вообще сохраиить популярность среди «всех слоев» деревни».

В условиях обостреиия классовой борьбы эта недооценка роли классов в нашей стране является особенно опасной, ибо она обезоруживает партию и усыпляет бдительность рабочего класса.

Эта иедооценка моментов классовой борьбы представляет собой открыто-оппортунистический уклон, лазейку для буржуазно-демократических тенденций.

Другой уклон, порождаемый неверием в дело строительства социализма и капитуляитством перед трудностями, это—недооценка значения союза рабочего класса со средним крестьянством (троцкизм).

Против обоих уклоиов партия вела и ведет решительную борьбу. Как в своем февральском письме о хлебозаготовках, так и на своих апрельском и июльском пленумах ЦК подчеркивает необходимость решительной борьбы на **д в а ф р о н т а** против обоих уклонов.

«Партия в своей политике должна исходить из решительной борьбы как с теми элементами, которые являются выражеиием буржуазных тендеиций в нашей стране и пытаются обойти решение XV с'езда «развивать дальше иаступление иа кулачество», так и с теми элементами, которые стремятся придать чрезвычайным и временным мерам характер постояниого илн длительного курса и тем поставить под угрозу дело союза рабочих и основных масс крестьянства» (см. резолюции июльского пленума ЦК ВКП(б).

Ибо только на основе укрепления союза рабочих и крестьян, **п о д р у к о в о д с т в о м р а б о ч е г о к л а с с а**, можно завершнть победоносное социалистическое строительство.

Поэтому так же решительно, как боролась партия против троцкизма и будет бороться против его осколков, она должна и будет бороться против открыто-оппортунистического правого уклона, а значит и против прнмиренческого к нему отношения.

В этой борьбе партии против уклонов от генеральной большевистской линни, в том числе и против правого уклона, московская организация была и остается в первых рядах партии. Она была и остается твердой опорой ЦК в деле защиты и решительного проведения большевистской ленинской линии нашей партии. Она дала сокрушительный отпор троцкистской оппозицни, преодолев идейные шатания отдельных своих прослоек. Как до XV с'езда партии, так и сейчас московская организация во главе с Московским Комитетом стоит целнком и полностью иа линии партии, неуклонно борясь против всяких искривлений общепартийной линии. Выросшая политически, воспитаиная в большевистских традициях, московская организация проявляла и проявляет величайшую чуткость и требовательность в отношеиии принципиальной выдержаниости партийного руководства, давая решительный отпор всяким попыткам затушевать общепартийную установку.

Правда, отдельные члены МК и руководители некоторых районов проявили за последиее время известиую иеустойчивость и колебания в деле борьбы с правыми уклонамн от ленинской линии, допустив неприемлемое для большевистской партии примиренческое отношение к этим уклоиам. Этим обстоятельством и было вызвано иедавно недовольство известиой части партийиого актива московской организации, которое было направлено на исправление подобного рода ошибок. Недовольство это началось после сентябрьского пленума МК и МКК, в резолюции которого не иашли ясного отражения решения VI конгресса Коминтерна и пленума ЦК о борьбе с правыми уклонами и примиренческим отиошением к иим.

Однако, ЦК устанавливает, что МК уже принял все необходимые меры для исправления допущениых отдельных ошибок, что нашло свое выражение в письме МК от 2 октября.

ЦК заявляет, что МК в целом и его руководящее ядро проводил и проводит линию партии и безоговорочно осуществляет решения ее органов.

ЦК отметает разговоры о том, что МК противопоставляет себя Центральному Комитету партии, как не соответствующие действительности.

ЦК выражает поэтому твердую уверенность, что борьба московской организации, имевшая место за последнее время, будет немедленно ликвидирована.

ЦК призывает всех членов московской организации обеспечить полное единство большевиков на основе общепартийных решений и соответствующего письма МК о перевыборах бюро ячеек.

ЦК уверен, что перевыборы бюро ячеек и подготовка к партийным конференциям пройдут в спокойной товарищеской обстановке, под знаком широкого развертывания самокритики и мобилизации всей партийной и рабочей массы вокруг основных лозунгов нашей партии.

З а б е з у с л о в и о е с о х р а н е н и е и ы н е ш н е г о т е м п а р а з в и т и я и н д у с т р и и!

З а м а с с о в о е к о о п е р и р о в а н и е и с о ц и а л и с т и ч е с к о е п р е о б р а з о в а и и е д е р е в н и!

З а с о ю з р а б о ч и х и д е р е в е н с к о й б е д н о т ы с о с р е д н и м к р е с т ь я н с т в о м н а о с н о в е о б е с п е ч е н и я р у к о в о д я щ е й р о л и р а б о ч е г о к л а с с а!

З а п о д ' е м м а т е р и а л ь и о г о и к у л ь т у р н о г о у р о в н я р а б о ч е г о к л а с с а и т р у д я щ и х с я м а с с д е р е в н и!

П р о т и в к о л е б а н и й и ш а т а н и й в п о л и т и к е, з а т в е р д о е л е и и н с к о е р у к о в о д с т в о!

З а с п л о ч е н н о с т ь и б о л ь ш е в и с т с к о е е д и н с т в о м о с к о в с к о й о р г а и и з а ц и и!

18 октября 1928 г.

Л. Каганович.

Политические задачи кампании перевыборов в советы[1]).

Выборы в стране советов и в буржуазных странах.

Перевыборы в условиях диктатуры пролетариата—первая ступень и самая широкая форма вовлечения широчайших масс трудящихся в государственное строительство. И не случайно кампания оживления советов, развернувшаяся в 1924—25 г., практически началась в ряде губерний с отмены неправильных выборов в советы и назначением их перевыборов, на основе постановления ЦК. Не случайно потому, что нельзя было говорить об оживлении советов, не поставив резко вопрос об изменении самих методов перевыборов в советы, как первом реальном и ощутительном шаге в деле оживления советов. Назначенные тогда перевыборы вызваны были не только тем, что в ряде мест были допущены отдельные частные ошибки, а и тем главным образом, что ошибки, недостатки и абсентеизм, понизивший тогда в некоторых местах участие избирателей в выборах до 15—20%,—все это было связано с коренными недостатками самой работы советов и с недостатками практического руководства крестьянством.

Поэтому сейчас, говоря об избирательной кампании, мы естественно должны останавливаться на вопросе о работе самих советов.

Вся система и практика выборов не только у нас, но и в буржуазных странах, есть неотделимая часть всей системы данного государства; выборы (и система и практика) должны вести и всегда ведут к укреплению классового господства и аппарата этого классового господства — государственного управления.

Выборы в буржуазной стране целиком соответствуют самой буржуазной системе и целям управления: задаче правящего буржуазного класса—укрепить свое господство, обмануть широкие народные массы и обеспечить «большинство» для той буржуазной клики, которая управляет страной.

Буржуазное государство по своему существу стоит над массой, между управляемыми и управляющими лежит непроходимая пропасть.

Задача буржуазной демократии, а следовательно, и буржуазных выборов заключается в том, чтобы создать фикцию участия масс в государственных делах путем избирательного бюллетеня. Через этот бюллетень граждане данной страны, якобы, принимают участие в разрешении государственных дел этой страны. Но как только прошел день выборов, как только избиратель опускает свой бюллетень в ящик, даже эти его иллюзорные функции кончаются. Избранный депутат совершенно отрывается от избирателей. Оторванный от масс депутат, выбранный в муниципалитет или парламент, стоит над этими гражданами так же, как и весь буржуазно-чиновничий аппарат государственной власти.

Я не говорю уже о подкупах, подлогах и прочих преступлениях, являющихся системой принципиательной борьбы буржуазных партий. Здесь можно

[1]) Настоящая статья представляет сокращенную и переработанную стенограмму доклада автора на эту тему в Институте советского строительства, и на Всесоюзном совещании по перевыборам в советы.

было бы привести колоссальнейшее количество исторических примеров, фактов и иллюстраций, но я не буду затруднять ими.

Коренное различие представляет собой советская государственная система. Наше государство и наш аппарат государственного управления основаны на самодеятельности миллионов пролетариев и идущих за пролетариатом крестьян. Наш аппарат государственной власти по самой природе своей сливается во всех своих звеньях с избирателями, с массами. В наших условиях,—здесь я повторяю сказанное вначале,—выборы в советы есть первая и самая широкая форма вовлечения масс в государственное строительство. Их участие в управлении государством начинается именно с выборов в советы. Сама роль и значение советов, как органов государственного управления, определяет и нашу систему выборов, коренным образом отличающуюся от системы выборов буржуазии. Наша избирательная система развивает активность избирателей не только по линии участия в голосовании, но и путем решающего участия в обсуждении деятельности советов и в определении линии этой деятельности на будущее время во всех областях государственного управления и государственного хозяйствования и выдвижении новых пролетарских кадров для управления страной.

Вовлечение масс в работу советов.

Война неизбежно приводила к известному свертыванию советской демократии. Начало нэпа поглотило все наше внимание на восстановление хозяйства, восстановление в нем элементарных связей, на уничтожение голода и ужасающей нищеты, бывшей тогда у нас. Активность масс в начале нэпа была направлена главным образом на то, чтобы самим подкрепиться и оправиться физически.

Только в конце 1924 г. и в начале 1925 г., когда созрели необходимые хозяйственные, политические и культурные предпосылки, партией во всей остроте был поставлен вопрос об оживлении деятельности советов, об изменении практики командования, зажима, навязывания кандидатов при выборах, которая ранее наблюдалась.

Добились ли мы на этом пути известных успехов и достижений?

Безусловно, добились.

Перечислять здесь все наши достижения вряд ли нужно. Кампания оживления советов тогда была развернута нами не только в разрезе практической кампании, но и как кампания политическая, преследующая цели укрепления союза рабочего класса с крестьянством, улучшения форм руководства крестьянством, как кампания, приближающая нас к практическому осуществлению основной идеи Ленина о строительстве нового государства,—идеи постепенного сближения, слияния управляемых с управляющими, — такого слияния, при котором мы имели бы постепенное уменьшение постоянно действующего платного «чиновничьего» аппарата, с усилением государственных общественных функций избирателей, с увеличением участия в государственном управлении рабочих и крестьян, работающих на производстве.

Оживление советов имело и имеет именно эту основную задачу. Вернее, перед нами стояли две связанные между собой основные задачи: политическое укрепление диктатуры пролетариата и руководства пролетариата крестьянством, а с другой стороны, вовлечение широчайших масс в государственное управление.

Мы на этом пути добились известных достижений: создания секций, о которых мы так много писали, участия секций в обсуждении ряда вопросов, упорядочения заседаний советов, большей активности депутатов, увеличения количества избирателей на выборах и уменьшения абсентеизма,—мы имеем безусловно большие и серьезные достижения. Эти достижения являются не

только формальными достижениями, они являются достижениями и по существу. Но было бы непростительно нам, большевикам, никогда не боявшимся того, что враг использует нашу собственную критику (а враг ее уже использует и не только враг открыто классовый, но и ставшие в положение врагов диктатуры пролетариата троцкисты и сапроновцы),—было бы непростительным со всей резкостью не сказать сейчас, что в деле оживления советов, в деле проведения избирательной кампании и самих выборов мы еще не полностью достигли желаемого.

Конечно, причин этому имеется много.

Одной из крупнейших и важнейших причин является наш культурный уровень, который, как говорил Ильич, никакому закону не подчинишь. Имеется и ряд других факторов: недостатки нашей практической работы, зависящие часто от нашей собственной воли, от нашего напряжения в работе и т. п., факторов, мешающих активному, более решительному проведению курса оживления советов и улучшению проводимой кампании перевыборов.

Основным недостатком в работе советов является то, что советы еще не развернули в достаточной степени свою силу, как органов власти, что и оживление деятельности советов и кампания выборов часто понимаются у нас, как обычная кампания Осоавиахима и т. д. Ничего худого в Осоавиахиме нет (я стою за Осоавиахим), но это один тип массовой организации, а советы—государственная власть.

О практической работе советов.

В практической работе советов—с точки зрения участия в ней депутатов, их роли и роли советов в разрешении практических вопросов—мы наблюдаем огромные недостатки. У нас подчас чиновник того или иного наркомата имеет большее значение, чем выборный депутат совета. А ведь совет—это высший орган власти и в селе и в городе; ему подчинен ряд предприятий, он должен наблюдать за всей жизнью: и производственной, и культурной, и административной, и политической. Депутат, как частица этого совета, должен играть в этих функциях совета огромную роль, но он, к сожалению, этой роли еще до сих пор не играет.

Мы должны поднять авторитет избирателя, как источника власти, депутата, как проводника его воли, и совета, как коллективного выразителя воли своих избирателей. И потому при перевыборах советов нам нужно заострить внимание именно на этой стороне дела.

Нам нужно еще заострить вопросы революционной законности. Мы в 1924—25 году подняли жестокую кампанию против нарушений революционной законности. Совещанием по советскому строительству принято даже специальное постановление. Но мы должны неустанно за нее бороться, ибо стоит приостановить эту борьбу хотя бы на день, месяц или два, как некультурность, малограмотность, грубость, пьянство, элементы разложения и воздействия враждебных пролетариату классов (кулака и нэпмана) приводят вновь к возрождению извращений революционной законности. Я мог бы проиллюстрировать вам это на ряде примеров. Имеют место факты, если и не такие яркие, как, скажем, Лудорвайское дело, то все же достаточно серьезные: грубость и произвол в деревне и пр. Мы должны линию революционной законности в эту избирательную кампанию особенно усилить, особенно ее проводить и вести за нее неустанную борьбу.

Недавно ездила под председательством тов. Киселева комиссия в Семипалатинскую губернию и обнаружила ряд безобразнейших явлений. Если в отношении Центральной России, в отношении Украины и ряда других мест мы говорим об оживлении в них деятельности советов, то в отношении ряда национальных районов надо говорить о создании советов. Это хотя и печальный, но неоспоримый факт. Например, та же комиссия тов. Киселева в Семипалатинске и Казакстане обнаружила ряд безобразнейших явлений и извращений: старые полицейские чиновники работают в советских аппаратах, стоят во главе сельских советов, волостных исполкомов и т. д. (Само собой разумеется, что это не типичное явление для всего Казакстана).

Вывод из этого следующий: то внимание к низовому сельскому аппарату, которое мы уделяли до сего времени, недостаточно, надо уделять ему большее внимание, чем мы уделяем, особенно в последний период.

Наибольшее внимание надо обратить на то, чтобы в практической работе советов была связь с классовой политической линией партии, и это в первую очередь должно найти отражение во время наступающих перевыборов.

Сейчас совет на селе играет большую роль не только фискальную, не только в отношении налогов, но и в хозяйственном отношении: ему, например, постоянно приходится иметь дело с вопросами о том, кому передать в аренду землю и т. д. Часто борьба разгорается между крестпомом (беднотой) и кулаком, а сельсовет становится на сторону кулака. Есть десятки и таких фактов, когда ряд служебных лиц не только сельсоветов, но подчас и райисполкомов, оказывается в тесной связи с кулаками: приезжают на село, заезжают к кулаку, с ним пьянствуют, а после, естественно, делают для него его же дела. Конечно, я не считаю эти явления типичными для всего нашего советского аппарата. Наоборот, я считаю, что нельзя сравнивать нынешнее состояние нашего советского аппарата с тем, что было в 1923—24 году. Но в то же время я полагаю, что мы с вами должны сознательно заострить чутье и внимание всей партии и беспартийных на борьбе с такими явлениями, потому что они приводят к тому, что сто хороших дел смазываются одним плохим делом. Вот почему мы должны здесь, на этом фронте вести неустанную борьбу, работать, не покладая рук и не вешая головы.

Наша задача в том и состоит, чтобы в работе советов и во время избирательной кампании мы заострили все внимание на борьбе с произволом и бюрократизмом—и борьбе не только методами устранения того или иного случайно попавшегося чиновника, а борьбе более широкой, более массовой, путем большего вовлечения масс через советы в государственное строительство, выдвижения большего кадра новых людей, новых работников. А о чем, напр., говорят данные по Вотской области? Оказывается, что там в окрземуправлении сидели бывшие офицеры, заядлые враги советской власти, пролетариата и крестьянства. Спрашивается, почему же не были выдвинуты сюда рабочие и крестьяне? Почему не посадили сюда 100, а по всему Союзу тысячи новых кадровиков, которые у нас, несомненно, уже имеются, уже подросли? Теперь мы можем и должны это сделать.

Я не буду задерживать ваше внимание на оппозиционных глупостях. Оппозиция достаточно наболтала по вопросу об оживлении советов, утверждая, что оживление советов есть такое оживление демократии, которое имеет классово-вредный для нас характер; она твердила о «затоплении нижних этажей» и т. д. Но жизнь совершенно разбила эти оппозиционные утверждения.

В прошлые перевыборы была усилена роль пролетариата и бедноты, усилена активность бедноты и батрачества на перевыборах (хотя по сравнению с беднотой батрачество все же отставало).

Смешно и глупо толкование оппозицией оживления советов, как такого расширения демократии, которое меняет характер нашего государства, ибо кулака мы не пускаем ни в какие этажи—оставляем для него «подвалы»—

никакого «затопления нижних этажей» мы не допустим, с кулаком вели и будем вести борьбу и от этого не отступим, какие бы трудности у нас ни были.

Наш лозунг оживления советов мы противопоставляем кулацкому лозунгу о т. н. «крестьянском союзе». Наше оживление советов есть Ленинский лозунг, им выдвинутый с той целью, чтобы это оживление привело к переделке нашего государственного аппарата и к улучшению пролетарского руководства крестьянством.

Недостатки работы советов и выборы.

Недостатки работы советов наиболее резко сказываются при выборах. Взять, например, такой коренной и важный вопрос, как отчеты и наказы. Ведь, деловое и деятельное обсуждение избирателями отчетов и составление наказов—это, собственно, вся программа прошлой и будущей деятельности государственной власти. Что же мы наблюдаем в отчетной кампании? Как она у нас проводится? Касаться чисто технически-практических и организационных недостатков не буду.

Мы провели большую работу по оживлению советов и, с точки зрения формальной, выполнили ее не плохо: и секции есть, и в ряде советов, особенно городских, они не плохо работают, но отчетная кампания прошлого года была показателем недостаточности проведенного оживления советов.

Повторяю, оживление советов — это форма приближения аппарата к массам, усиления участия масс в управлении и приближения нашего государства к государству-коммуне; следовательно, при перевыборах нам нужна не форма регистрации процента поданных голосов избирателей—не это одно нам важно, а все существо, и таким существом прежде всего является активное участие избирателей в государственных делах при перевыборах.

Прошлые перевыборы советов показали, что, хотя процент участия избирателей при выборах сильно увеличился, поскольку мы начали практиковать систему повесток, поскольку мы вообще развернули работу по приближению масс к перевыборам, увеличивая количество участников, — все же процент участников при отчетных кампаниях продолжает быть очень маленьким, а в ряде мест этот процент совсем ничтожен. При советской системе избиратель должен не просто притти и проголосовать бюллетенем или рукой, а избиратель должен активно участвовать в обсуждении деятельности советов, органов государственной власти, исправлять их недостатки и недочеты. Ведь не для формы мы приглашаем массы к участию. Мы приглашаем их потому, что советскому государству по самой его природе нужна проверка сотен, тысяч, миллионов людей. Вот этой проверки, проверки по существу, к сожалению, мы, как показал опыт прошлой отчетной кампании, не имели. Возьмите вы и посмотрите, как готовятся у нас к отчетам советов, как у нас их проводят.

Как составляются у нас отчетность и наказы?

В значительной мере или как чисто «агитпроповский» документ, или как узко-практическое собрание предложений «с бора да с сосенки». Нужно, чтобы отчетность и наказы составлялись и прорабатывались, как акты государственного управления страной. Мы не ошибемся, если скажем, что, когда губисполком и горсовет пишут докладную записку, чтобы получить немного денег по смете или дополнительно к смете, когда они пишут докладную записку в Госплан или другой орган,—они пишут ее более тщательно, более обоснованно, чем составляют свой отчет для избирателей. Нельзя сказать, что это всюду и везде, есть места, где к этому делу подходят внимательно, но надо сознательно заострить этот вопрос, чтобы поставить его во всей широте на обсуждение самих советов и избирателей.

Если таково положение в ряде губисполкомов и горсоветов, то можно себе представить, что делается в отчетную кампанию в ряде сельсоветов.

Где же партийные организации, как решающая активно действующая сила, где профсоюзы? Они не обсуждают отчета-наказа по существу, и поэтому он и не становится решающим документом в работе советов.

Ведь совершенно ясно, что партия является основным стержнем всей нашей общественности советской, партийной и т. д. А отчеты советов и исполнительных комитетов, проводятся ли они через открытые собрания ячеек? Конечно, не обязательно, чтобы на собраниях ячеек обсуждалась вся отчетность, ибо она обсуждается на собраниях рабочих, но ячейки, как таковые — участвуют ли они в обсуждении по существу отчетов советов, наказов и в их составлении?

Надо, чтобы вся партийная организация участвовала в обсуждении отчетов и наказов, а не выхолащивала их существо, превращая их в чисто «беспартийное» обсуждение. Уж очень мы ударяемся в слишком «высокую» политику, забывая, что сочетание, например, местного бюджета с общими мероприятиями партии и правительства — это и есть высокая политика, а в ней участие парторганизаций, профсоюзов и широких масс очень слабо. Слишком уж мы сосредоточиваемся только на том, чтобы провести тех или иных кандидатов, а между тем главное не только в том, кого провести, а весь вопрос в том, как провести, как проведенного в совет связать с массами, как научить его работать, активно участвовать в управлении своим государством.

Нам надо на выборах поднимать политический уровень и избирателей и выбранных, поднимая вместе с тем и уровень власти, идущей к избирателям с отчетом. Надо самим советам усилить работу по проведению избирательной кампании, ибо нельзя выбирать советы без самих советов.

Нынешнюю избирательную кампанию мы будем проводить в условиях самокритики, поэтому в отчетах должно заострить ряд практических вопросов нашей работы. Когда мы идем с отчетом к избирателю, мы идем к нему, как к законодателю, как к источнику власти; это не то, что заслушали какой-нибудь общий доклад и этот общий доклад покритиковали. Отчет совета надо так критиковать и так развернуть прения по этому отчету, чтобы были даны практические указания для исправления недочетов и программа на будущее.

А возьмите вы наши наказы!

Надо сказать, что, во-первых, наказы, например, 1927 г. не намного отличаются от наказов 1924—25 г., во-вторых, наказы обычно составляются, либо как агитка, либо узко практически.

Как составляют план? Есть губплан, окрплан, и в горсоветах разрабатываются планы коммунального хозяйства и т. д.; когда составляется план в хозяйстве, то этот план обсуждается со всей тщательностью. А к наказу почему-то установилось совершенно иное, я бы сказал, слишком легкое отношение.

Каким должен быть наказ? Каким должен быть, идущий к избирателю отчет?

Он должен быть таким, чтобы избиратели по существу обсуждали результаты прошлой деятельности, практически выявляли недочеты и намечали план будущей деятельности.

Конечно, это вовсе не означает, что мы должны сводить уровень наказа, уровень выборов до уровня мелких текущих дел типа земских выборов прошлого времени, до уровня только бани или прачечной. Но все искусство большевиков, все искусство партии и политических руководителей должно заключаться в том, чтобы соединить вопросы строительства бани и прачечной с основными вопросами нашей политики, с основной линией нашей партии.

Уметь это соединить — вещь очень трудная. Поэтому над наказами, которые должны быть руководящими в работе совета на год, на два—до будущих выборов—нужно работать более политически, более деловито и основательно, а не мимоходом, либо погрузившись в узко-практические вопросы и забывши большие политические задачи, либо плавая по поверхности общих агитационных фраз. Надо всей нашей партийной организации на отчетных избирательных собраниях участвовать в обсуждении наказов и отчетов по существу. А иначе у нас получается, что член партии иногда думает: «Я на партийном собрании поговорю о контрольных цифрах и проч., а когда будет отчет совета, исполкома, когда будет приниматься наказ, пусть это делают беспартийные». В результате, выпадает самая активная, передовая часть при обсуждении этого вопроса. Вместо того, чтобы партиец был водителем, был авангардом, был инициатором постановки ряда конкретных, практических вопросов, он при обсуждении этих вопросов молчит и тем изолирует себя. Благодаря этому мы на ряде собраний избирателей имеем выхолащивание политического и делового содержания отчетов и наказов и их обсуждения.

Возьмите вопрос о системе выдвижения кандидатов; в этом отношении мы имеем значительное улучшение: у нас увеличилось количество беспартийных, налицо безусловное улучшение советской демократии — нет того произвола, назначенчества, которые были в 1921—22—23 г. Это совершенно бесспорно. Но на будущее время можно и должно здесь внести дальнейшие улучшения. Можно и нужно изменить самый способ выдвижения кандидатов: мы должны выдвигать кандидатов, больше прислушиваясь к мнению беспартийных о них. Мы должны придать этим кандидатам больший удельный вес, чтобы депутат сам по себе имел больший удельный вес в массах.

Подробно останавливаться на вопросе о соотношении коммунистов и беспартийных в советах не буду. Думаю, что здесь в основном мы уже нащупали правильную линию.

После оживления советов белогвардейцы особенно сильно напирали и раздували тот факт, что у нас уменьшился процент коммунистов в советах. Они никак не могут себе уяснить, что партия совершенно сознательно пошла на то, чтобы вовлечь новый беспартийный крестьянский и рабочий актив в советы. Отсюда вовсе не следует, что мы будем доводить эту линию до абсурда, что мы пойдем на дальнейшее уменьшение процента коммунистов. Мне кажется, что процент, которого мы достигли, является правильным соотношением, ниже которого спускаться не следует как по городским, так и по сельским советам, а в ряде советов количество коммунистов и комсомольцев полезно повысить, конечно, при правильном руководстве, без административного давления.

От работы советских органов и партийных организаций будет зависеть, пройдут ли выборы бюрократически, механически, когда работает аппарат и небольшая верхушка, или как массовая политическая кампания, т.-е. так, как нам это нужно. Вот почему мы, говоря об избирательной кампании, еще и еще раз подчеркиваем задачу улучшения работы советов, как массовой организации.

Генеральная проверка и борьба с бюрократизмом.

Перевыборы — генеральная проверка работы советов, работы всего госаппарата и даже руководства партии. Нужно добиться, чтобы эта проверка не ослабила, а усилила наше государство, усилила и популяризовала и линию партии в массах, вскрыла бы все болезни, мешающие успешно строить социализм и улучшать положение масс.

Советы, руководимые нашей большевистской партией, во всех успехах пролетарской борьбы и строительства в нашей стране сыграли решающую роль. Советы оказались наилучшими организующими центрами всех боевых и творческих сил пролетариата, сумевшего через советы и благодаря им легче всего осуществить свой союз с крестьянством. Советы не только разрушили старый аппарат государственного управления, но и сами оказались наилучшей формой нового государственного аппарата, вовлекающей миллионы трудящихся в государственное управление страной. Остатки прошлого, трудности переходного периода — экономические и культурные— и особые трудности периода гражданской войны возродили в значительной мере в этом новом советском государственном аппарате в новой форме одного из вреднейших врагов пролетариата — бюрократизм, громоздкость аппарата, элементы преступно - невнимательного отношения к нуждам масс, факты извращения классовой линии партии, тормозящие дальнейшее успешное вовлечение пролетарских и трудящихся масс в наше социалистическое строительство.

Оживление деятельности советов и полное восстановление советов, как наилучшего, единственного центра вовлечения масс в государственное строительство, и были задачами нашей партии в борьбе с тем злом. Партия и советы на этом пути добились значительных успехов, но они (успехи) еще недостаточны, особенно в сопоставлении с размахом и потребностями нашего социалистического строительства, наталкивающегося в условиях нэпа на бюрократизм, подрывающий наши достижения. И для успешной борьбы с бюрократизмом мы больше, чем когда-либо, должны усилить проведение в жизнь мер, указанных программой нашей партии:

> «Ведя самую решительную борьбу с бюрократизмом, ВКП отстаивает для полного преодоления этого зла следующие меры:
>
> 1) Обязательное привлечение каждого члена совета к выполнению определенной работы по управлению государством.
>
> 2) Последовательную смену этих работ с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления.
>
> 3) Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством.
>
> Полное и всестороннее проведение всех этих мер, представляя собой дальнейший шаг по пути, на который вступила Парижская Коммуна, и упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся, ведут к уничтожению государственной власти».

Последовательное проведение в жизнь этих пунктов и есть осуществление идей Маркса—Ленина о государстве-коммуне.

Под таким углом зрения мы и должны провести ближайшую избирательную кампанию.

В особенности необходимо подчеркнуть право отзыва депутатов, которое у нас, к сожалению, за последние годы слабо применяется избирателями, а там, где оно применяется, применяется механически. Отзыв депутата есть наиболее яркое выражение пролетарского демократизма нашего государства, ответственности депутатов перед избирателями. Усиление активности избирателей, подтягивание своих депутатов, усиление чувства ответственности депутатов перед своими избирателями,—вот одна из важнейших задач, которая должна быть заострена в нынешнюю перевыборную кампанию.

Перевыборы советов должны дать новые пополнения кадров строителей пролетарского государства из лучших пролетариев, бедноты, батраков, середняков, партийных и беспартийных. А выдвижением новых сотен тысяч новых строителей и руководителей, вовлечением миллионных масс в государ-

ственное и хозяйственное управление,— мы сумеем успешней строить социализм, улучшать государственный аппарат и бороться с кулаком и нэпманом и их союзником — бюрократизмом.

О нашей платформе к перевыборам.

Мы должны на практической деятельности наших советов, проводимой на основе ленинской линии нашей партии, мобилизовать массы, сплотить их еще теснее вокруг нашей партии.

Мы не идем на выборы с крикливыми многообещающими фразами и платформами, чем особенно отличаются выборы в буржуазных странах и чему так ловко уподобились троцкисты. У нас не буржуазная власть, которой бы мы пред'являли оппозиционные требования. У нас интересы масс и интересы государства одни и те же. Поэтому постановка вопроса об избирательной платформе у нас коренным образом отличается от постановки вопроса о платформе в буржуазных странах. Там, во-первых, буржуазия и радикальные социал-оппортунистические партии ловят голоса избирателей, обманывая их и давая широковещательные надувательские обещания. Коммунисты же противопоставляют там классовые требования пролетариата буржуазии и буржуазному государству. Коммунистические платформы — резко оппозиционны существующему режиму, требуют коренного изменения, и ряда таких на данной стадии революционных изменений, которые были бы ощутительны для пролетариата. Но основная задача наших зарубежных компартий при перевыборах заключается, конечно, не в том, чтобы надеяться, что путем такой платформы, путем выборов они смогут изменить существующий буржуазный строй, а в необходимости разоблачить существующий строй капиталистической диктатуры, разрушить иллюзии демократии, еще существующие у рабочих, вызвать у них решимость бороться за диктатуру пролетариата, за свержение буржуазии.

Совершенно иное положение и прямо противоположные задачи у нас. Государство у нас пролетарское, производственные отношения совсем иные, благосостояние масс наших избирателей зависит от общего роста социалистического хозяйства и укрепления советского государства и т. д., и т. п., и естественно, что пролетариат, как господствующий класс, не может выдвигать таких требований, которые противоречат существующему строю пролетарского государства, ибо политика и все усилия советского государства направлены на улучшение положения рабоче-крестьянских масс.

Поэтому наша избирательная кампания в основном сосредоточена, с одной стороны, вокруг вопроса переделки и улучшения государственного аппарата, вовлечения масс в государственное управление страной, с другой — вокруг вопросов под'ема социалистического хозяйства, в первую очередь индустриализации страны и дальнейшего улучшения на основе этого материальных и культурных условий жизни трудящихся.

Конечно, ассигновав значительные суммы на капитальное строительство при отсутствии какой бы то ни было поддержки извне, мы не можем с такой быстротой, как этого нам хотелось бы, улучшать положение рабочих и крестьян. Поэтому иногда приходится слышать из уст наименее сознательных, отсталых групп крестьян и даже рабочих: «Какая-де нам польза от роста социалистического хозяйства и от индустриализации страны». Мы должны приложить все силы к тому, чтобы на основе фактов и цифр доказать самым отсталым рабочим и крестьянам неправильность таких взглядов с точки зрения интересов пролетариата, с точки зрения укрепления завоеваний Октябрьской революции. Во всяком случае, партия и передовые пролетарии и крестьяне не должны плестись в хвосте таких взглядов, а, наоборот, должны вести за собой эти наиболее отсталые слои.

Несмотря на трудности, которые нам приходится сейчас переживать в области снабжения, в области темпа повышения зарплаты, в области жилищного строительства, в области облегчения положения бедноты и середнячества, мы все же не должны становиться в позу хныкающих и жалующихся на «судьбу», ибо, несмотря на вышеуказанные трудности, мы приходим к рабочим и крестьянам в общем с положительным балансом и в области экономики, и в области положения самих масс.

Взять хотя бы к примеру наш бюджет. Общегосударственный и местный бюджет за последние годы колоссально возросли. Рост же бюджета,— это наиболее яркий показатель роста хозяйства и роста материального благосостояния масс. Весь прирост бюджета за последние годы направлен по двум линиям—по культурной и хозяйственной. Особенно отрадно то, что в структуре бюджета мы уже имеем соответствующие изменения; растет удельный вес бюджета горсоветов, волисполкомов, т.-е. непосредственно местных, низовых органов власти; в составе бюджета заметно уже уменьшение удельного веса административных расходов и повышение удельного веса культурно-бытовых и хозяйственно-производственных расходов; налог все больше и больше превращается в базу местных бюджетов, переводится на местные рельсы и т. д.

Рост же бюджета дает наилучшую базу для оживления деятельности советов для борьбы с нищетой. Мы только должны суметь поставить этот бюджет перед массами в живом виде, вовлечь массы в обсуждение по существу его приходов и расходов, не ограничиваясь общими фразами «вообще» о бюджете. Надо не ограничиваться только об'яснением положительных сторон нашего роста, стремясь показать достижения в лучшем свете, а притти к своему избирателю, к своему родному классу, вскрывая со всей правдивостью все наши недочеты, недостатки и извращения во всех областях нашего строительства: и в больших государственных делах, и в конкретных малых делах, ударяющих по рабочему и крестьянину.

Мы имеем уже положительные итоги в деле проведения в жизнь прошлогоднего манифеста ЦИК, все более расширяется круг применения 7-часового рабочего дня. Несмотря на неурожай в отдельных районах, мы выходим уже сейчас из хлебных затруднений, за этот год гигантски возросла хозяйственная помощь пролетарского государства крестьянству, особенно семенная помощь, освобождено 35% бедняцких хозяйств от налога, все больше расширяется колхозное и кооперативное строительство в деревне, расширяется жилищное строительство для рабочих. Все это надо перед массами показать наглядно и живо в цифрах, фактах.

Конечно, эти успехи нас не могут удовлетворить. Мы отстаем в удовлетворении гигантски выросших потребностей масс, отстаем благодаря нищете, благодаря бедности нашего государства. На выборы можно было бы притти с многообещающей громкой платформой, с лозунгами большего повышения заработной платы, снижения налога и т. д. Но наша большевистская партия не уподобится парламентским партиям буржуазной Европы, развращенным буржуазной демократией, меньшевикам и эсэрам, выступающим с многообещающими платформами, а потом плюющих и на эти платформы и на избирателей. Мы идем к своему избирателю со всеми нашими радостями по случаю достижений и со всеми горестями по случаю недостатков, не смущаясь, не стыдясь, не защищаясь, как виноватые, а смело, твердо по-пролетарски вскрывая наши недостатки.

Мы должны перед рабочим классом и крестьянством развернуть свою положительную программу строительства и улучшения положения масс, намеченных партией и советской властью. Не блуждание в поисках каких-то новых путей, а проверка через многомиллионные массы, намеченных партией и советской властью мероприятий и глубокая разработка, на основе учета

2

предложений избирателей, мероприятий для успешного продвижения по намеченному пути. А путь этот—наша программа, это прежде всего дальнейшее развертывание индустриализации страны, под'ем и развитие тяжелой индустрии, дальнейшее энергичное осуществление ленинского плана развертывания кооперирования, об'единение бедноты в коллективные хозяйства и организация крупных хлебных фабрик, совхозов. И какие бы трудности перед нами ни стояли—не отступать от этого пути. Трудности же есть и будут.

Особое место должна занять наша работа по поднятию урожайности крестьянского хозяйства. Можно прямо сказать, если мы сумеем на избирательных собраниях направить активность рабочих по линии улучшения производства, рационализации производства и управления промышленностью, если на крестьянских избирательных собраниях мы направим активность на вопросы поднятия урожайности, развертывания агрикультурных мероприятий, на организацию колхозов, артелей по общественной обработке земли, машинных товариществ,—если мы сумеем перед крестьянством поставить во всей остроте перспективу, что десятина, дающая в настоящее время 40—50 пудов, может при правильной постановке хозяйства дать 75—100 и выше пудов, если мы наметим план действий советов в этой области, то я убежден, что избирательная кампания нас укрепит не только политически, но и хозяйственно, укрепит союз пролетариата с крестьянством и совместную работу бедноты и батрачества с середняком, и мы сумеем на этой почве легче всего разбить вдребезги наступление кулака.

Между прочим должен сказать, что в этом отношении особенную помощь должна оказать избирательной кампании кооперация, которая, к сожалению, на предыдущих избирательных кампаниях не была втянута, как активно-действующая сила. Мы должны в эту избирательную кампанию усилить роль и значение кооперации, ее помощь в деле проведения избирательной кампании.

Само собой разумеется, что рядом с этими крупнейшими вопросами на местах перед избирателями мы должны выступать с рядом вопросов, связанных с улучшением быта рабочих и крестьян, как, например: вопросы жилищного строительства (итоги, достижения и недостатки в строительстве, намечение плана будущего строительства, роль советов в этом жилищном строительстве), планы благоустройства городов, сел, строительство дорог, мостов, постановка школы—существующей сети и расширение школьной сети в будущем, вопросы здравоохранения, вопросы охраны труда, от которых, между прочим, советы в последнее время значительно оторвались; вопросы снабжения (постановка дела снабжения таким образом, чтобы устранить очереди), дальнейшая работа по снижению цен, выявление излишеств в государственном аппарате и дальнейшая работа по проведению режима экономии; одним словом, вся сумма практических вопросов рабоче-крестьянского быта, работы государственных, хозяйственных и кооперативных и других организаций должна быть затронута на избирательных собраниях.

Мне поэтому кажется, что отчетную кампанию надо было бы начать уже сейчас, не стремиться ее закончить сразу, а провести перед одними и теми же избирателями целую серию собраний, целую серию докладов с деловым конкретным обсуждением каждого из этих докладов.

Вся эта деловая работа—сугубо-политическая, она должна быть тесным образом увязана с общеполитической классовой пролетарской установкой, которая дается нашей партией.

Каждая цифра, каждый факт, каждый конкретный, практический вопрос, выдвигаемый нами на выборах, должны бить по нашему классовому врагу, должны разбивать всякие сомнения и укреплять в сознании масс уверенность в правильности политики нашей партии.

Классовая борьба и политическое значение кампании

У нас в стране политических партий нет; у нас не парламентская политическая демократия. У некоторых товарищей может возникнуть вопрос: зачем-де раздувать политическое значение избирательной кампании? Закон есть, особой борьбы не будет, проведем ее спокойно, аппаратным путем.

Такая постановка вопроса—чисто бюрократическая и самая вредная постановка.

Да, у нас политических партий нет, но у нас есть классы. И политические настроения отдельных классов, имеющихся в нашей стране, конечно, будут проявляться во время выборов в том или ином виде, в той или иной форме.

Мы за последние годы имеем и дальнейший рост социалистического хозяйства, количественный и качественный рост пролетариата, но на ряду с этим мы имеем рост дифференциации в деревне, рост враждебных нам классов (кулака и нэпмана), противоречия обостряются, а рост пролетариата и социалистического хозяйства не только не ослабляет сопротивления кулака, а озлобляет его, усиливает его наступление, обостряет классовую борьбу. В данный момент, хотели бы мы этого или не хотели,—но мы имеем несомненное обострение классовой борьбы. В городе пролетариату противопоставлены нэпманы, и не только нэпманы, а и часть буржуазной интеллигенции, которая идет вместе с нэпманами, которая во всяком случае будет брюзжать вместе с ними. В деревне мы имеем сельский пролетариат—батрачество, нашу опору на селе—бедноту и нашего союзника—середняка, который, между прочим, отнюдь не свободен от тех или иных колебаний, но мы имеем в ней озлобленного (т.-е. «до чортиков») классового врага—кулака, спекулянта, мироеда, которые жестоко сопротивляются всем нашим мероприятиям.

Мы должны провести избирательную кампанию таким образом, чтобы усилить и укрепить наши политические позиции, должны суметь политически разоблачить те классы и группы, которые будут выступать в той или иной форме против нас; разоблачить кулака и нэпмана (частью, как я сказал, поддерживаемых отдельными кругами интеллигенции), мы должны при перевыборах закрепить и повести всю основную массу среднего крестьянства за пролетариатом, как основной силой, руководящей страной.

Товарищ Сталин в своей книжке «Вопросы и ответы» дал ясный анализ того, в каких формах у нас классовая борьба протекает.

Классовая борьба в пролетарском государстве ведется по линии борьбы между кулаком, с одной стороны, беднотой и батраком—с другой, классовая борьба ведется пролетариатом в лице пролетарского государства с кулаком и нэпманом. Эта борьба идет главным образом по линии борьбы со спекуляцией сельскохозяйственными товарами, по линии цен, по линии налога, так как кулак стремится освободиться от основной тяжести налога, которую мы на него возлагаем, и т. д.

Известные противоречия (хотя не коренные) имеются между пролетариатом и середняком. Конечная цель, основная линия пролетариата — это борьба за некапиталистический путь развития нашей страны и укрепление социалистических форм нашего развития. Возврат к капитализму в нашей стране был бы жестоким ударом по середняку. С этой точки зрения у нас есть прочные основы для союза с середняком. Союз с середняком нерушим, но противоречия текущие имеются.

Пролетариат ведет сейчас решительный курс на индустриализацию страны. Вне индустриализации страны, вне развития производства средств производства, вне развития тяжелой индустрии наша страна не сможет удержаться на путях социалистического строительства, без этого мировой капитализм окажется сильнее нас. Крестьянство (основная его масса) заинтересовано в том же, поскольку оно заинтересовано в некапиталистическом

пути нашего развития, в успехах и победе социализма в нашей стране. Но есть противоречия текущие: ударяет, например, по середняку некоторая тяжесть налога и то, что мы сейчас не можем дать за хлеб цену, соответствующую ценам на промышленные товары, ибо это привело бы к полному подрыву нашей промышленности, а, значит, в конечном счете шло бы против середняка. Но середняк именно в этих вопросах поддается иногда влиянию кулака и проявляет недовольство, больше того, такому влиянию подпадают иногда отдельные товарищи и в рядах нашей партии. Этим настроениям мы должны дать самый решительный отпор. Уступки середняку возможны, иногда нужны, но мы никогда не может итти на такие уступки, которые означали бы коренной подрыв нашей индустрии, промышленности, ибо это было бы на руку иностранному капиталу, на руку внутреннему капиталу, на руку кулаку, ненавидящему советскую власть и весь нынешний строй. На такие уступки мы итти не можем,—значит известные затруднения в отношениях между нами и середняком неизбежны, но эти затруднения разрешимы. Политика нашей партии направлена как раз на то, чтобы основную массу крестьянства—середняка—не оттолкнуть от пролетариата в сторону кулака, всячески пытающегося привлечь его на свою сторону.

Кулаков поддерживает небольшая верхушка середняков, настроение которых неустойчивое. Но если поставить вопрос о всем среднем крестьянстве, об его отношении к партии, то должно сказать, что не только нет размычки, о которой говорили некоторые товарищи, что не только нет разрыва между пролетариатом и основной массой крестьянства, но имеется улучшение настроения середняка за партию, за пролетариат, за советскую власть. Особенно ярким показателем этого является успешный ход наших хлебозаготовок в последний период. Конечно, когда мы вынуждены были прибегнуть к чрезвычайным мерам, когда мы вынуждены были, в интересах пролетарского государства, крепко ударить по кулаку, мы затронули и текущие интересы середняка, но его коренные классовые интересы и связь с пролетариатом оказались гораздо крепче этого его временного колебания.

Колебания у середняка безусловно имеются и сейчас, но эти колебания отнюдь не означают разрыва с пролетариатом. Нельзя поддаваться паническим настроениям и кричать, что эти колебания уже означают разрыв или размычку. «При твердой пролетарской политике» и «колебания данного слоя не могут быть значительны» (Ленин).

На различных этапах нашего развития мы имели и имеем колебания в среднем крестьянстве, но сила союза пролетариата с крестьянством преобладает над силой колебания, она крепче этого колебания середняка.

Мы сейчас имеем трудности и трудности большие. Между прочим, эти трудности связаны с тем, что на ряду с ростом индустрии у нас низкий уровень сельского хозяйства (по отношению к которому мы ставим своей задачей во что бы то ни стало повысить его уровень). Трудности усугубляются и многими нашими благоглупостями, извращениями и ошибками.

Само собой разумеется, что мы не должны сводить все дело только к тому, что лишь об'ективные условия толкают середняка на колебание. Часто на колебание его толкают и наши ошибки и извращения при практическом проведении совершенно правильной политики партии.

Возьмите к примеру в о п р о с о н а л о г е. На будущих выборах он, безусловно, сыграет огромную роль. При абсолютно правильной классовой налоговой политике, при которой 35% бедноты совершенно освобождено от налога, низшая группа середняков, имеющая доходность до 350 руб., имеет стабилизацию обложения, а тяжесть налога падает в первую очередь на кулака и частью на зажиточного середняка,—мы на практике все же имеем ряд извращений. Это, конечно, вызывает недовольство середняков.

На основании этого у некоторых товарищей складывается такое впечатление, что положение у нас настолько тяжелое, что равного ему нет за все годы нэпа; например, в «Известиях» была напечатана статья т. Баранчикова, она начинается с того, что характеризует современное политическое положение именно так, как будто оно достигло таких пределов трудностей, каких мы не имели, начиная с введения нэпа, и даже в 1923—24 г. Это—ни на чем не основанное измышление. Нельзя сравнивать с положением 1924 г.

Конечно, колебания в крестьянстве отражаются на настроениях отдельных групп пролетариата и даже в среде отдельных членов нашей партии, впадающих в такое настроение, которое нельзя назвать иначе, как паникой в оценке политического состояния. Фактическое же положение дела дает нам полное право утверждать, что для такой оценки нет никаких оснований.

Мы не сомневаемся в том, что середняк в основной массе пойдет за нашей партией, за пролетариатом и беднотой, несмотря на жесточайшее сопротивление, которое мы в этих ближайших перевыборах советов будем иметь со стороны кулака, несмотря на то, что кулак развернет отчаянную работу за овладение значительным слоем середняков, стараясь либо повергнуть его в пассивность и неучастие в выборах, либо двинуть его на активное сопротивление в выборах.

Кулак попытается воспользоваться нашими текущими хозяйственными трудностями: нэпман, кулак, их подпевалы будут припирать наших докладчиков ядовитыми вопросами и пр.

Те же влияние проникают и в город, даже в среду отдельных групп рабочих (мы не стыдимся сказать это прямо, ибо знаем (это не раз подчеркивал Ильич), что рабочие не отделены китайской стеной от мелкобуржуазных влияний и потому и в рабочем классе имеются мелкобуржуазные влияния, нельзя льстить рабочим и говорить, что все рабочие свободны от этих влияний).

Повторяю, такие влияния могут быть и в среде рабочих, и здесь могут быть попытки отдельных злостных элементов, связанных с кулацкими верхушками села, использовать перевыборы для того, чтобы подрывать влияние нашей партии. Меньшевики и эсэры разбиты, но их жалкие остатки еще попытаются вылезть из своих подпольных нор.

Мы имеем сейчас безусловно обострение классовой борьбы между батраком и кулаком, между беднотой и кулаком. Это обострение идет по разным линиям, оно принимает различные формы. На ряду с организованной борьбой оно принимает форму убийства из-за угла, оно, наконец, принимает такие дикие формы, как в Вотской области в Лудорвайском деле, где кулаки истязали бедняков.

При выборах проявление классовой борьбы обозначится особенно резко. И несмотря на то, что враги л и ш е н ы и з б и р а т е л ь н ы х п р а в, они свою активность будут проявлять и будут ее усиливать по мере усиления нашего наступления на них. Вот почему от успешного проведения выборов зависит и усиление руководства пролетариата основной массой крестьянства, ибо советы в наших условиях—лучшая форма организации крестьянства и руководства им.

В отношении к кулаку, нэпману, спекулянту мы ни в коем случае не должны смягчать свою линию лишения избирательных прав. Мы должны сохранить тот курс, который взят нами в прошлом году, исправив по отдельным районам те недостатки, которые там обнаружились. Материал по этому вопросу говорит, что в некоторых местах наблюдаются факты, когда настоящий кулак избирательных прав не лишался. В ряде мест лишали избирательных прав формально, механически подходя к применению инструкции, лишали не только кулака, но и трудового крестьянина, который временно, случайно взял няньку, или из-за болезни члена семьи—временного работника; не обошлось при этом и без личных счетов.

Вот почему при нынешних выборах в советы необходим более тщательный подход к лишению избирательных прав, не меняя основной линии,

данной прошлой инструкцией, не давая кулаку возможности взять реванш, пробраться в советы, чего он так усиленно добивается.

Кулак применяет гибкую, активную тактику при выборах: действует угрозой увольнения, увольняет батрака, спаивает бедноту и через своих друзей-подпевал старается проводить свою линию, своих людей в советы.

В борьбе с его тактикой надо заниматься не общими фразами, а конкретно, в каждом отдельном случае фактически бороться с кулаком, бороться не только общими речами, а практическими мерами в отношении каждого злостного проявления кулацкой деятельности.

Наши задачи и лозунги.

Мы должны добиться, чтобы беднота на перевыборах ни в коем случае не была оттеснена, ибо сейчас в ряде сел и волостей, к сожалению, имеем в составе руководящих органов очень мало освобожденных от налога (бедняков и батраков). Мне самому в последние полгода пришлось об'ездить ряд деревень Украины, и там я видел, что в ряде мест позиции бедноты еще слабы. Надо прежде всего усилить организацию бедноты и тем самым усилить позиции бедноты и, особенно, батрачества. Это, конечно, не должно вылиться в форму устранения середняка, отталкивания его от советов, линия наступления на кулака, оттеснения его от руководства должна привести не к ослаблению, а к усилению наших связей с середняком.

Перевыборы должны усилить роль пролетариата. Мы длжны добиться, чтобы члены профсоюзов—рабочие—участвовали здесь не на 60, а почти на 100 процентов. Профсоюзы должны усилить политическую и практическую активность во время перевыборов. Надо провести побольше рабочих от станка в депутаты советов.

Для успеха избирательной кампании нужно развернуть активность всех членов партии, профсоюзов, депутатов самих советов и всех пролетарских, бедняцких общественных организаций, обеспечивая всестороннее руководство партии, усиливая активность и ответственность секций советов и исполкомов по практическому руководству перевыборами, по проведению советов и т. д.

Усиление активности всей партийной массы и передовых пролетариев, разворачивание самокритики будет способствовать уменьшению абсентеизма и увеличению активности избирателей.

Особую активность в текущей кампании надо проявить женщинам и комсомолу. Но эта активность должна быть политической активностью, должна носить характер не механического продвижения молодежи и женщин, а подлинного вовлечения новых кадров в государственное строительство.

Надо помнить, что нынешние перевыборы будут проходить в условиях трудностей при повышении активности масс, при их повышенных требованиях. Поэтому особенно важно эту избирательную кампанию провести с особенной подготовкой и наибольшим под'емом.

Мы должны придать предстоящей кампании массовый политический характер, вовлечь в это дело всю партию, все профсоюзы, всех депутатов советов, весь беспартийный актив рабочих и крестьян, а в деревне организовать бедноту и батрачество. Во всей подготовке и руководстве перевыборами парторганизации должны исходить из того, что на ряду с усилением общего партийного руководства необходимо привести в движение привода всех организаций, в первую очередь самих советов. Нельзя выбирать в советы без самих советов так же, как нельзя оживлять советы сверху, без самих советов и исполкомов. Если мы основательно подготовимся к перевыборам, теперь же сосредоточим все силы, как это умеет делать наша партия, подготовить материалы, правильно поставить вопросы, правильно составить отчеты, наметить наказы, сочетать основную линию нашей партии с теми конкретными, практическими вопросами, которые перед нами стоят, тогда мы справимся с стоящими перед нами задачами.

Мы гигантски выросли, и при мобилизации всех сил партия сумеет провести избирательную кампанию не только так, как в прошлом году (я думаю, что мы не должны даже оставаться на уровне прошлых достижений), но продвинуться вперед, на новую ступень по сравнению с прошлыми выборами.

Мы должны так развернуть свою работу, чтобы тому наступлению, которое мы сейчас развиваем в области социалистической экономики, полностью соответствовало и наступление политическое и организационно-административное. Это и должно стать нашим паролем в предстоящей кампании: перевыборы должны превратиться в мощное наступление на нашего классового врага: кулака, нэпмана, бюрократа и их подпевал,—в позицию не обороны от нападок кулаков и их подпевал как в деревне, так и в городе, а наступления как по общеполитической линии, так и по конкретным пунктам проявления кулацкой активности на селе. Не обороняться от кулака на собраниях надо, а так суметь организовать бедноту, батрачество и пролетариат, чтобы вместо обороны было организовано новое наступление на кулака, чтобы кулак был отодвинут еще дальше, а середняк полностью и целиком был на стороне пролетариата.

Необходимо глубоко и основательно раз'яснить массам и наши достижения и наши недостатки с тем, чтобы обсуждение этих вопросов подняло массу на новую ступень политической зрелости. Укрепить руководство партии массами и выборами не окриками и не командованием при проведении линии партии, а умелым руководством, не допуская кислятины, сохраняя лицо, достойное представителей партии и советской власти.

Нашими лозунгами в перевыборной кампании должны быть: еще большее сплочение масс вокруг задач социалистического строительства, дальнейшее оттеснение капиталистических элементов на основе индустриализации страны, дальнейшего развертывания кооперирования, об'единения бедноты в колхозы, организации совхозов и под'ема урожайности сельского хозяйства.

В области политической—еще большее усиление позиции пролетариата, бедноты и батрачества, укрепление союза с середняком на основе решительной, беспощадной борьбы с кулаками, спекулянтами и нэпманами.

Беспощадная война с бюрократизмом, косностью, невнимательностью и нечуткостью к нуждам пролетарских, бедняцких и середняцких масс. Шире дорогу сотням тысяч передовых рабочих, работниц, крестьян и крестьянок в государственный советский аппарат путем более энергичного проведения оживления советов и осуществления идеи Маркса—Ленина о государстве-коммуне!

Еще большее укрепление руководства большевистской партии массами и их органами—советами рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, ибо только под руководством этой партии советы были и останутся органами пролетарской диктатуры, организаторами великого исторического процесса—строительства социализма.

Важнейшей предпосылкой успешного осуществления вышеуказанных задач и лозунгов партии является максимальное привлечение рабочих и крестьянских масс на выборы и проведение глубокого делового обсуждения отчетов и наказов.

Таковы лозунги и основные задачи, стоящие перед нами на пороге новых выборов органов пролетарской диктатуры.

Международная обстановка, характеризующаяся агрессивным наступлением капитала, ставящая задачу укрепления мощи и обороноспособности Советского Союза, еще теснее сплотит массы вокруг партии.

Мы идем на перевыборы в твердой уверенности, что миллионные массы еще раз докажут свое доверие своей родной и близкой им Ленинской партии.

Г. Смолянский.

Социал-демократия эпохи „паузы“.

(К брюссельскому конгрессу Второго Интернационала).

В августе настоящего года, одновременно с VI конгрессом Коминтерна, заседал конгресс «международной соц.-демократии». Частью, одни и те же вопросы стояли на обоих конгрессах: мировое экономическое положение, опасность войны, колониальный вопрос. И если каждый конгресс есть выражение этапа в развитии рабочего движения, то оба конгресса—VI конгресс Коминтерна и брюссельский конгресс «Социалистического Рабочего Интернационала»—представляют собой действительно два ярко выраженных этапа на двух *противоположных полюсах* рабочего движения.

Оба конгресса происходили после длительного перерыва и являлись первыми после частичной стабилизации капитализма. Последний V конгресс Коминтерна имел место более четырех лет назад, когда еще только намечались контуры начинавшегося нового фазиса в развитии капитализма—фазиса частичной стабилизации. Со времени последнего марсельского конгресса II Интернационала тоже прошло уже более 3 лет. Если не самый факт частичной стабилизации капитализма, то во всяком случае мощная концентрация капитала, рост трестов, громадный прогресс техники в рамках капиталистической системы,—все это происходило уже *после* марсельского конгресса. Вот почему «оценка эпохи», проверка «генеральной установки» должны были занять главенствующее место на обоих конгрессах.

VI конгресс Коминтерна оценил нашу эпоху, как *третий фазис* в развитии мировой революции после войны: от непосредственно-революционного периода—через первый этап частичной стабилизации—к нынешнему положению. II Интернационал тоже прошел через ряд «этапов»: от непосредственного *спасения* капитализма—через *восстановление* капиталистического хозяйства—к открытому *служению* капиталистической стабилизации и рационализации. В этот последний этап происходит сращивание соц.-демократии с трестифицированным государственным аппаратом буржуазии и ее прямой переход в лагерь контрреволюции. Соц.-демократия становится органической частью современного капиталистического государства. «Мы стали столь сильны,—заявляет Вандервельде на конгрессе II Интернационала,—что эта наша сила запрещает нам оставаться долее в оппозиции». «Рабочая партия,—говорит *новая* программа «партии XX века»,—выступает не в качестве агента того или иного класса, но в качестве политического органа, созданного для выражения нужд и стремлений всех, кто вносит свою долю в *общечеловеческий труд*».

Вот этот новый этап получил свое выражение на брюссельском конгрессе II Интернационала. Соц.-демократия не выступила там, разумеется, как *одна сплошная масса*. Как полагается, на конгрессе II Интернационала были и центристы, и левые, и левейшие соц.-демократы: но смысл нового этапа заключается также и в том, что все бледные цвета австро-

марксистской и «левой» социал-демократической оппозиции растворились в сером океане реформистской ограниченности, перемешанной с глубоким пессимизмом центристов.

В порядке дня брюссельского конгресса стояли следующие вопросы: 1) мировое политическое положение и международное рабочее движение; 2) экономическое положение послевоенного периода и экономическое положение рабочего класса; 3) милитаризм и разоружение; 4) колониальная проблема; 5) отчет международной соц.-демократической женской конференции, и 6) организационные вопросы. Но центральной проблемой конгресса, вопросом всех вопросов—были, несомненно, коммунисты. Дикая, совершенно из ряда вон выходящая ненависть к коммунизму и советской республике,—вот что доминировало на этом конгрессе. Если прибавить к этому открытое, не скрываемое презрение империалистических цивилизаторов к цветным народам, непримиримые национально-империалистические противоречия, господствовавшие за занавесом в политической и военной комиссиях во время дебатов, то фон этого сборища «интернациональной социал-демократии» предстанет в законченном виде.

* * *

«Оценка эпохи» соц.-демократии заключается в первую очередь в признании ею *полной и окончательной* стабилизации капитализма. В этом согласны и правые, и «левые», и «ультра-левые» с.-д. Еще накануне конгресса в целом ряде специальных «теоретических» номеров «Кампфа» [1]), «Классенкампфа» [2]) и других создавался соответствующий эпохе идеологический материал, долженствующий *отбить нападение программы Коминтерна*. Австро-марксизм и «ультра-левое» крыло соц.-демократии усердно выполняют свое *историческое задание*, заключающееся в том, чтобы подносить рабочему классу в *наиболее удобоваримой для него форме* предательства открытых реформистов. Поэтому изобретаются сугубо тонкие блюда в виде «теории паузы», которая должна показать рабочему классу весь «романтизм», следовательно, всю тщетность революционной классовой борьбы коммунистов. «Международное рабочее движение находится в этапе паузы»,—пишет некий Оскар Поллак в передовой статье программного номера «Кампф». В этот период рабочее движение растет не вглубь, а вширь. Создаются своеобразные ножницы между *об'емом* движения и *глубиной* его возможных успехов. Создается новое рабочее движение в колониях. Вовлекаются новые отряды рабочего класса в орбиту социальной борьбы. Пролетариат Китая, Индии, Индонезии вырастает впервые, как класс для себя, и наша задача—*постепенная* организация этих новых отрядов мировой рабочей армии. В поставленном на ноги виде эта формула означает содействие прогрессивному шествию капитализма на Восток и отказ от революционной классовой борьбы на Западе. В откровенной форме это выразил вождь австрийской соц.-демократии Карл Реннер (занимающий ныне правый фланг в австрийской соц.-демократии). В статье в том же номере «Кампф»—«О мировых хозяйственных основах социалистической политики после войны»—он заявляет, захлебываясь от восторга: «Вся поверхность земного шара только ныне капитализируется. Только теперь весь свет становится капиталистическим, а не социалистическим»... И далее: «Рай, а не убежище для бедных должен унаследовать социализм от капитализма. А посему рабочий класс должен всемерно *поддерживать капитализм* в его попытках возродиться и справиться с кризисом. Рабочий класс должен помочь организовать капитализм как в пределах отдельных

---

[1]) «Кампф»—центральный орган австро-марксистов.
[2]) «Классенкампф»—орган «ультра-левых» социал-демократов.

предприятий, так и в государственном масштабе; а для этого нужна не классовая борьба, а сотрудничество между профсоюзами и предпринимателями».

Здесь именно зарыта вся собака! Второй Интернационал от спасения капитализма и восстановления капиталистической экономики переходит к «конструктивной» части, к прямому служению капиталистической рационализации и трестифицированному капиталу!

Соц.-демократы любят много писать о мощи своих организаций. Кстати, на конгрессе были представлены партии с числом членов свыше 6½ миллионов, получившие на последних парламентских выборах в общей сумме 25 млн. голосов. Эти партии располагают 19% депутатских мест в тех парламентах, где они имеют представительства. Эти партии имеют в своем распоряжении 354 ежедневных газеты. Правда, организационный отчет Адлера не обходится без курьезов. Так, например, профсоюзное влияние русских меньшевиков исчислено в... 4½ млн. человек, а парламентское влияние русских эсэров—в 20 млн. голосов, полученных ими... в 1917 г. во время выборов в Учредительное собрание. Армянская партия Дашнакцутюн насчитывает, по отчету Центрального Комитета «этой партии», 59.650 членов (!). Китайские соц.-дем., существующие только в Париже в кофейнях больших бульваров, представлены цифрою 3½ тысячи. Но в общем и целом партии II Интернационала, особенно крупные партии, имеют вполне обоснованную возможность блеснуть внушительными статистическими данными. Как некогда талантливые царские генералы, вожди II Интернационала грозят буквально шапками закидать ненавистных им европейских коммунистов. Но какова качественная ценность этого огромного аппарата соц.-демократии, показывают те бесконечные тяжелые кризисы, в которые соц.-демократия влезла именно после своих парламентских побед и после своего торжественного конгресса. «Сам» Абрамович вынужден был в последнем номере «Социалистического Вестника» признать, что броненосная германская соц.-демократия переживает большой кризис. Упомянутый уже выше Поллак с наивным цинизмом в своей передовой в «Кампфе» дает такую перспективу соц.-демократическим рабочим: «Весь Интернационал возлагал большие надежды на исход парламентских выборов. Что произошло от этих ожиданий? Во Франции социалистическая партия, несмотря на классовую измену (!) коммунистов, выросла; но еще более поднялся г-н Пуанкаре. В Германии соц.-демократия одержала большую избирательную победу, но... (слушайте, соц.-демократические рабочие!) через день после победы начались заботы, и результатом успеха, который тянулся через недели упорной борьбы и тысячи затруднений, является правительство, уже одно образование которого уничтожило все иллюзии и всякий энтузиазм... Это не прекращающееся противоречие между суб'ективным ожиданием и об'ективными возможностями успеха, это хроническое разочарование пролетариата в эпохе, в которой каждый малейший прогресс есть событие громадной важности, а каждая крупнейшая, с величайшим трудом добытая победа остается без длительного освободительного влияния—в этом именно заключается психологическая и политическая проблема паузы».

Вот где подлинная теория пессимизма! Адлер, Бауэр и К° перед конгрессом, во время и после конгресса бесконечно много говорили и писали о том, что ликвидация 2½ Интернационала не была капитуляцией перед Носке и Мюллерами, что это было лишь более ясное, чем у коммунистов, осознание начинающейся новой эпохи стабилизации капитализма. Австромарксизм, привыкший время от времени с проституированной целью применять формальную марксистскую методологию, здесь дает классический образец центристского двурушничества, которое на этот раз прикрывает не только трусость перед пролетарской революцией, но и глубочайший пессимизм, видящий рабочий класс лишь разбитым, раздавленным, нерешительным, как он сам.

В законченном виде эту теорию обосновывает политический отчет бюро II Интернационала. «Во время мировой войны,—говорится в этом отчете,—рабочий класс неоднократно переоценивал стабильность капиталистической системы. Когда милитаризм одной страны был разбит, то сначала в побежденных странах это настроение рабочего класса перешло в свою противоположность. Если во время войны капитализм казался незыблемым, то теперь возникло убеждение, что насильственный переворот, который принесла с собой война, также должен означать его последнюю минуту... Но все более становилось ясным, что капитализму удастся спастись из катастрофы мировой войны и что поэтому рабочему классу надо считаться с периодом стабилизации капиталистической системы. Учредительный конгресс Социалистического Рабочего Интернационала в Гамбурге был выражением признания, что все силы рабочего класса, которые проникнуты желанием использовать этот период для восстановления и под'ема, организации и д е е способности (не б о е способности! *Г. С.*) пролетариата, должны быть об'единены. Это признание одновременно означало, что должно вести борьбу против игры с надеждой, что мировая война, несмотря на противоположные тенденции развития, все же еще раз выявится в катастрофе, как с романтической мечтой, которая могла принести и принесла рабочему классу только поражения».

Такова философия «паузы» Фридриха Адлера—автора отчета. Такова «философия истории» всего «об'единенного» лагеря социал-империализма: бей коммунистов! Кто за капиталистическую стабилизацию, кто за капиталистическую рационализацию, кто за «паузу», кто против классовой борьбы и пролетарской революции—бей коммунистов! Как заявил в политической комиссии один чешский делегат: «Если мы не будем вести самой активной борьбы с коммунистами, то существование нашего Социалистического Интернационала теряет всякий смысл». Вся работа брюссельского конгресса происходила именно под знаком этого основного «смысла» международной соц.-демократии.

* * *

Империалистические противоречия в лагере социал-реформизма сказались с особенной силой во внутренней борьбе в политической комиссии. Внешне конгресс проходил под знаком поразительного «единодушия»; на деле же «за закрытой дверью» комиссии происходила поистине трагическая грызня империалистов, представлявшая собой непосредственное продолжение борьбы на женевской конференции миротворцев из Лиги Наций. При этом самым замечательным для данного конгресса и для данного этапа соц.-демократии является тот несомненный факт, что конгресс представлял о г р о м н ы й ш а г в п е р е д в процессе п е р е р а с т а н и я ц е н т р и з м а в о т к р ы т ы й с о ц и а л - р е ф о р м и з м и п о д ч и н е н и я «л е в о г о» к р ы л а с о ц и а л - д е м о к р а т и и о т к р ы т о м у с о ц и а л - и м п е р и а л и з м у. В этом действительно заключается «исторический смысл» брюссельского конгресса соц.-демократического Интернационала.

Грызня внутри социал-империалистического лагеря на этот раз пошла по несколько иным путям, чем это имело место раньше, на предыдущем конгрессе II Интернационала. Марсельский конгресс 1925 г. явил картину немецко-французского единого фронта внутри «Рабочего Социалистического Интернационала». Это был тогда единый фронт двух наиболее реакционных партий II Интернационала против англичан, в частности—против английской независимой рабочей партии, переживавшей тогда период наибольшего под'ема пацифистско-демократической «левизны». Своего наивысшего пункта единый франко-немецкий фронт достиг во время люксембургской межсоциалистиче-

ской конференции в ноябре 1926 г. С марта 1927 г. постепенно немецко-французский блок внутри II Интернационала стал распадаться. Основной причиной расхождения франко-германских соц.-империалистов явилось усиление активности англичан внутри II Интернационала, которые после разгрома рабочего класса в Англии в 1926 г. и последовавшего за этим разгромом нажима на левое крыло в рабочем движении решительнее и активнее выступили против внешней политики французской соц.-демократии и, в частности, против деятельности Поля Бонкура. Это им было тем легче сделать, что английская рабочая партия находится в непримиримой оппозиции к английскому правительству консерваторов и давало еще ту выгоду, что привлекало на сторону англичан симпатии континентальных центристов. Именно Фридрих Адлер явился автором резолюции по поводу разоружения, в которой совершенно точно и ясно оправдываются все существующие военные системы и только делается предупреждение против одной системы, «которая связывает сильное ядро постоянной армии с возможностью быстрого использования больших масс для наступательных действий». Этот острый пункт резолюции направлен единственно против Франции с ее известным военным законом Поля Бонкура, милитаризирующим всю нацию. Международный женский с.-д. комитет поставил—при отчаянном сопротивлении французов—вопрос о мобилизации женщин в случае войны в порядок дня женской соц.-демократической конференции, происходившей одновременно с брюссельским конгрессом. На этой конференции была принята всеми голосами против одних только французов резолюция против мобилизации женщин в случае войны.

Таким образом, мнимая борьба между правым и левым крылом соц.-демократии на брюссельском конгрессе открыто уступила место борьбе между представителями крупных империалистических стран. Застрельщиком в оппозиции выступили англичане. Их наступление развивалось в трех направлениях. Лозунги, брошенные англичанами в политической коммиссии, были: за пакт Келлога, за немедленное освобождение Рейнской провинции и за честное присоединении к предложениям Литвинова о разоружении. Что означали эти три предложения? Уже само перечисление этих вопросов говорит об этом. Требование немедленного очищения Рейнской провинции должно было опять-таки ударить по французскому социал-империализму, а требование одобрить выступление Литвинова рассчитывало на привлечение симпатий европейского центризма. Но все три атаки английских «радикалов» были блестяще отбиты. И не только отбиты, но главноуговаривающий конгресса, Отто Бауэр, привел даже англичан к «присяге», т.-е. заставил их голосовать единодушно, вместе со всем конгрессом, за резолюцию социал-империалистов.

Правда, в некоторые моменты положение руководителей конгресса было чрезвычайно затруднительным. Особенно больших усилий стоило внедрить в головы французских социал-империалистов необходимость принятия хотя кое-какой резолюции об эвакуации Рейнской области, от которой те скандально отказывались. В резолюции, предложенной исполкомом II Интернационала, говорилось: «Интернационал обязан заставить правительства выполнять их обещания относительно обязательного применения третейского суда, всеобщего разоружения народов и полной ликвидации войны, а особенно—освобождения Рейнской провинции и восстановления немецкого управления в Саарском бассейне». В политической комиссии, где происходила дискуссия по этому вопросу, немецкая «левая» соц.-демократка Тони Зендер (жена умершего Роберта Дисмана) внесла предложение о прибавлении слов—«немедленного» и «безусловного» (освобождения Рейнской провинции). Это предложение вызвало резкий ответ известного пуанкариста и друга Поля Бонкура, Грумбаха, который в чрезвычайно раздражительной форме ответил, что, «конечно, французы за освобождение Рейнской провинции», но, ведь, вопрос гораздо более сложный! Нельзя же ставить в «невыносимое» положение французских социал-империалистов, находящихся под тяжелым обстрелом буржуазных партий и националистической печати Франции! Этот открытый империалистический конфликт был ликвидирован при помощи гроссмейстера маклерского искусства, Отто Бауэра, который «доказал» центрально-европейским соц.-демократам, что нельзя в таком серьезном вопросе «навязывать» постановление Интернационала французской делегации, с чем охотно согласилась и «левая» Тони Зендер. «Левые» соц.-демократы, как известно, любители «свободы духа». Макс Адлер черпает не только от Маркса, но и от Канта. «Свобода личных убеждений», как известно, одно из неот'емлемых и неоценимых качеств культурного европейского соц.-демократа—в противовес азиатскому деспотизму партии большевиков. Сошлись на характерном компромиссе: во-вне—широкий политический жест, а по существу—обычное предательство. Поль Фор от имени французской делегации сделал заявление, что французская делегация остается, как и раньше, на позиции постановлений люксембургской межсоциалистической конференции, согласно которой очищение Рейнской провинции не ставится в зависимость от предварительного разрешения какой бы то ни было другой проблемы. Одновременно же французская делегация считает создание гражданского контроля органов Лиги Наций над всеми государствами, в первую очередь над Германией, действительным средством для того, чтобы принудить французское правительство к скорейшему очищению Рейнской провинции. «В интересах Франции и Германии и мира, чтобы репарационный долг был коммерциализирован, но мы желаем избегнуть, чтобы финансовые затруднения, разрешение которых часто зависит от иностранных капиталистов, явились препятствием к скорейшему очищению Рейнской провинции, которого, не прекращая, требует международный социализм. Социалистические партии всегда признавали, что очищение Рейнланда практически было связано с удовлетворительным разрешением вопросов разоружения и безопасности. Следует надеяться, что оно будет принято без беспокойства и задних мыслей французским общественным мнением, значительная часть которого видит в военной оккупации все еще гарантию безопасности. На место иллюзорной гарантии можно было бы установить действительное «удовлетворение» путем введения международного контроля». Этот ловкий маневр французов был принят германскими социал-демократами, которые сделали вид, что удовлетворились. Интернационализм торжествовал. Единство европейского социализма было обеспечено.

* * *

Еще более резко сказался империалистический характер брюссельского конгресса в вопросе о разоружении. Орган германских «левых» социал-демократов, «Классенкампф», в статье Эрнста Рейнгардта, подводящей итоги брюссельскому конгрессу, вынужден был признать: «дипломатия Лиги Наций имела внушительное слово в подготовительной комиссии, и Интернационал целиком попал в ее фарватер». Пожалуй, это единственный вопрос на конгрессе, который действительно остро волновал аудиторию конгресса, в остальном чрезвычайно инертную и равнодушную ко всему, что на конгрессе происходило. Даже во время речей самых крупных ораторов, даже во время речи Вандервельде зал больше чем наполовину был пустой. Лишь вопрос о разоружении привлекал наибольшее внимание и вызывал наиболее острую дискуссию в рядах социал-империализма. Оно и понятно, ибо с этим вопросом социал-демократические партии, участвующие в буржуазных правительствах, являющиеся органической частью современного буржуазного государства, сталкиваются конкретно в своей

практической жизни. Все другие вопросы, как, например, колониальный, вопрос о рационализации, т.-е. о стачечной борьбе и т. д., принесены были на конгресс как бы извне. Эти вопросы должны были составлять как бы традиционный фон традиционного социалистического конгресса. Здесь же бился пульс подлинной жизни современного правительствующего и не правительствующего социал-империализма.

Это было достойное продолжение женевской комедии о разоружении. Затеяна была эта постановка широко, как импозантная демонстрация «воли» социалистического Интернационала к борьбе против войны. В резолюции говорилось в совершенно ортодоксальном марксистском стиле об общих тенденциях капитализма к войне и о применении даже революционных форм давления в случае отказа какого-нибудь буржуазного правительства от подчинения арбитражу. Говорилось и о демократизации армии, которая должна быть передана парламентам, и об упразднении фашистской милиции. Но как раз именно в этом вопросе с особенной силой сказалось социал-империалистическое нутро современного II Интернационала. На самом конгрессе резолюция была принята с исключительным единодушием. Между тем, за закрытым занавесом комиссии происходила отчаянная империалистическая грызня. Представитель британской независимой рабочей партии требовал приветствия советского правительства за его предложение о разоружении. «Рабочий социалистический Интернационал,—говорилось в этой резолюции,—утверждает, что опыты комиссии Лиги Наций по разоружению и неудача англо-американо-японской морской конференции ясно выявили невозможность добиться разоружения частичными мероприятиями, которые не исключают войну целиком. Он приветствует русское советское правительство за его предложение полного разоружения»... В специальном пункте эта резолюция требует также, на ряду с уклонением от воинской службы, уклонения от работы по военной промышленности. «Настало время,—говорит дальше резолюция,—чтобы социалисты заняли безоговорочную позицию против войны, чтобы они во всем мире вели единую борьбу за полное разоружение, организуя рабочий класс к сопротивлению угрожающей войне—даже при помощи приостановки основных отраслей производства и уклонения от военной службы и поставки амуниции». Резолюция независимых требовала дальше также и отказа в военных кредитах. Рабочая партия поддержала всю пацифистскую часть этих требований, но не выставила пункта об отказе в военных кредитах. В комиссии разыгралась буря в стакане воды. Единым фронтом выступили против этих предложений Ренодель и Брейтшейд, австро-марксист Юлиус Дейч и представители фашистской ППС и чешской соц.-демократии. Почти единодушно это предложение клеймилось, как «безумное» и «безответственное». Ибо нельзя ведь отказать государству в его обороне!—рассуждали умудренные житейским опытом и побелевшие в парламентских боях государственные мужи «Интернационала», переживающего уже третье поколение.

Столь же единодушно было отвергнуто предложение приветствия советского правительства за его проект разоружения и, наконец, отвергнуты все радикальные практические предложения независимцев по борьбе с опасностью войны. Резолюция Исполкома, предусматривающая равную свободу в выборе военной системы и не обязывающая свои партии ни к какому действительно активному действию против войны, была принята единогласно. Центристы сделали свое дело. Они внесли свои радикальные резолюции для того, чтобы тут же единодушно поднять руки за реакционные предложения руководителей Исполкома Интернационала. Это единодушие социал-милитаристов пришлось как раз в то время, когда в Германии соц.-демократические министры ставили вопрос о броненосце, а между Англией и Францией был заключен новый военный союз, возвещающий наступление новых кровавых империалистиче-

ских авантюр. Поведение центристов и в данном случае показало, что в основном современном международном вопросе, в вопросе о войне, соц.-демократия выступает единым фронтом—от Поля Бонкура и Мюллера до Отто Бауэра и Макса Адлера—на службе у наступающего воинствующего империализма.

* * *

Но своего кульминационного пункта социал-империалистический характер брюссельского конгресса достиг в колониальном вопросе. Мы опять-таки прибегнем к свидетельству соц.-демократа, участника конгресса: «Нельзя резолюцию этой комиссии (колониальной),—пишет в упомянутой выше статье Рейнгардт,—читать без известного потрясения, ибо нигде так ясно не видно, как необычайно сильно проникла империалистическая идеология вплоть до голов социалистов». Характерно, что в этом вопросе отступили на задний план не только противоречия между правыми и левыми соц.-демократами, но и империалистические противоречия между крупными партиями. Это был единый фронт животной боязни представителей европейской рабочей аристократии против поднимающегося восстания колониальных рабов. Это были дикая ненависть, злобное презрение презренных цивилизаторов к вдвойне и втройне эксплоатируемым европейским капитализмом и европейской рабочей аристократией рабочим массам цветных народов. Если в комиссии по разоружению можно было говорить еще об известной борьбе каких-то «принципов», то в колониальной комиссии борьба фактически шла между теми, которые открыто защищали европейский колониализм, и теми, которые эту защиту маскировали. Колониальные дебаты, которые должны были явиться торжественной демонстрацией со стороны II Интернационала, главнейшая забота которого сейчас—проникновение на Восток, где, как признает даже «Классенкампф», «крепко на ноги стал большевизм», потерпели еще более жалкое фиаско, чем все остальные дебаты. По существу говоря, никакой колониальной дискуссии не было. С докладом выступил специалист по порке цветнокожих, бывший губернатор острова Ямайки и министр по делам Индии, «рабочий» лорд Оливье. Представители колониальных стран к дебатам допущены не были и, кроме одного мадагаскарского чиновника, проживающего в Париже, произнесшего низкопоклонническую речь перед белыми покровителями, никто больше по колониальному вопросу не выступал. Характерно, что почти вся английская делегация во время обсуждения колониального вопроса отсутствовала. Затеянная внушительная манифестация превратилась в жалкий, позорный фарс.

Но совсем не фарсом выглядит колониальная резолюция брюссельского конгресса. Это действительно потрясающий документ «цивилизаторской» наглости и цинизма. Левая соц.-демократическая «Фолькс-Цейтунг» по поводу позорных тезисов брюссельского конгресса II Интернационала, устанавливающих различную градацию—зрелых, полузрелых и совсем незрелых к самостоятельной национально-государственной жизни—колониальных народов, говорящих об «общественной отсталости» целых народов, сравнивает тезисы конгресса со штутгартскими тезисами 1907 года, считая, что «Брюссель опередил Штутгарт». Это утверждение особенно характерно в устах «левой» соц.-демократической газеты по поводу самой гнусной самой реакционной резолюции, которую когда-либо принимал II Интернационал после войны. Резолюция штутгартского конгресса имела свои недостатки, но она была проникнута духом солидарности международного рабочего движения с угнетенными колониальными народами. В этой резолюции говорилось, что «капиталистическая колониальная политика, соответственно своему внутреннему содержанию, должна вести к порабощению, рабскому труду и

выхолащиванию туземных народов колониальных территорий. Цивилизаторская миссия, на которую ссылается капиталистическое общество, служит прикрытием для завоевательных и эксплоататорских вожделений. Капиталистическая колониальная политика вместо того, чтобы поднимать коллективные силы, уничтожает естественные богатства стран путем порабощения и пауперизации туземцев и жестоких опустошительных войн»... Эта резолюция для «левой» «Лейпцигер Фольксцейтунг» мало прогрессивна. Прогрессом для нее является резолюция колониальной комиссии II Интернационала, которая *прямо и непосредственно оправдывает колониальную эксплоатацию.*

Скандальная резолюция II Интернационала, вызвавшая бурный протест представителей колоний, покинувших зал конгресса, устанавливает три категории колониальных народов соответственно их «культурному уровню развития». II Интернационал для народов с «неразвитой культурой» заявляет, что для них «немедленное освобождение от государственного господства не будет являться прогрессом в их национальной культуре, но отступлением назад в их прежнее варварство». Поэтому социал-империалисты на конгрессе заявили, что они будут поддерживать освободительное стремление *только тех* колониальных народов, у которых имеются для этого *соответствующие предпосылки*. Что значит эта поддержка народов, подготовленных к самостоятельному национально-государственному бытию, видно из резолюции в отношении Индии. Резолюция предусматривает для Индии не независимость, о которой не говорили даже представители независимой рабочей партии Англии, а «самоуправление», т.-е. фактическое сохранение господства империалистической метрополии под «демократической» маской. Когда эта резолюция не удовлетворила присутствующих индусов,—отнюдь не радикальных вообще по своим убеждениям (один из них, Гаман Лаль, бывший председатель профсоюзного конгресса; другой—секретарь союза текстильщиков, Бахале),—«независимцы» внесли свои поправки: слово «самоуправление» заменить «самоопределением». Эта поправка была принята конгрессом, но индусов она, конечно, успокоить не могла. Присутствовавшие в качестве гостей представители Индии требовали изменения резолюции, но, не добившись его, покинули конгресс.

Таков этот колониальный перл современного социал-империализма. Говорят, что это—творчество все того же Отто Бауэра. Как бы то ни было здесь социал-империализм показал свое *настоящее лицо*. Социал-демократическая «Пепль» сама должна была признать в своем сообщении о заседаниях колониальной комиссии: «Каждый оратор, естественно, говорил *с точки зрения своих колоний*. Так, например, Кремер (Голландия) не понимает, что можно эмансипировать Яву. Он заявляет: «нужно считаться с фактами»... То же самое Франция по отношению к «своим» колониям. На национальном совете французской социалистической партии, предшествовавшем конгрессу и специально разбиравшем основные вопросы конгресса, проблема французских колоний сводилась к тому, чтобы бороться за предоставление туземцам права представительства во французском парламенте. И, конечно, культурные французские социалисты не могли обойтись без градаций на культурные ступени эксплоатируемых ими колониальных народов. Речь шла о предоставлении избирательных прав *только грамотным туземцам*, а таковые составляют лишь маленькую аристократическую группу в первую очередь лиц, занимающих известные посты на службе у французских колонизаторов. Нужно сказать, что вообще вопрос о вовлечении в парламентскую жизнь метрополий верхушки колониальных народов будет, очевидно, выдвинут в ближайшее время на *первый план* социал-империалистами, ибо это будет для них одним из путей, обеспечивающих им, в связи со сращиванием с буржуазным государственным аппаратом метрополии, проникновение в рабочее движение подвластных им колониальных стран по каналам империалистического государственного аппарата.

Но даже это вызывает боязливую оппозицию со стороны наиболее реакционных представителей социал-империализма. На национальном совете французской социалистической партии бывший социалистический депутат Фонтанье мотивировал свое голосование *против предоставления избирательных прав* туземцам следующим «радикальным» образом: «Социализм не выступает за поглощение колоний метрополией, но только за помощь метрополии развитию и прогрессу колоний, которые позволили бы впоследствии колонии конструировать в самостоятельные нации. Парламентское же представительство связывает колонию с метрополией и явилось бы препятствием к конституированию независимой колониальной нации».

На брюссельском конгрессе затевалось также *принятие Гоминдана* в ряды «социалистического» Интернационала. На приеме в Интернационал кровавых палачей Чан Кай-ши особенно настаивали близкие им по духу кровавые псы германской соц.-демократии. Но тут на сцену выступил Отто Бауэр, который отвел кандидатуры чанкайшистов, но все же был назначен комитет для переговоров с делегацией Гоминдана. На конгрессе присутствовал также единственный китайский делегат, фиктивный представитель фиктивной китайской соц.-демократии, которая состоит из нескольких парижских студентов и которая нашла в себе все-таки мужество выступить с резким разоблачением чанкайшистских палачей.

После скандала с индусами и ухода даже с галлереи последних представителей колониальных народов конгрессу ничего не оставалось, как завершить «блестящую» колониальную дискуссию выступлением маргаринового негра с Мадагаскара, являющегося на деле французским чиновником и проживающего с давних пор в Париже, который с дрожью в голосе благодарил высокое собрание за то внимание, которое оно уделяет бедным туземным народам—не в пример большевикам, которые требуют какой-то независимости и этим «хотят бросить дикие, некультурные колониальные народы на произвол судьбы».

Круг остался бы незавершенным, если бы социал-империалисты обошли молчанием «русскую проблему». В этом отношении, пожалуй, более, чем в каком-либо другом, во всей полноте разоблачила себя роль центризма, который взял на себя задачу *главного удара*.

По заявлению самого Отто Бауэра сочиненный им манифест должен представлять собой «ответ» на программу Коминтерна. Англичане хотели ограничиться опубликованием *политических тезисов*. Но Отто Бауэр настаивал именно на манифесте для того, чтобы в наиболее торжественной форме представить отравленную, подлую клевету, что *«большевики всю свою надежду ставят сейчас на новую войну»*. Этот лозунг станет теперь, несомненно, лейтмотивом в клеветнической работе международной социал-демократии против коммунистов.

«Русская дискуссия» показательна в двух отношениях: с одной стороны, она вскрыла *новый этап* в наступлении на большевизм, именно: заострение кампании против СССР под маской борьбы с «военным авантюризмом» (на деле—подготовка войны против СССР). С полным правом мог Дан в «Соц. Вестнике» писать потом, что формулировка русской проблемы является «громадным подспорьем в нашей работе». С другой стороны, она полностью вскрыла роль центристов и всяких «левых», позиция которых в этом вопросе была поистине изумительна («всемирно-историческое значение манифеста»,—пишет в заключение своей статьи в «Классенкампф» Рейнгардт).

Замечательно было распределение ролей на конгрессе в этом вопросе. Главные действующие лица будущей интервенции в СССР сидели, словно воды

в рот набрали, предоставляя «работу» центристам. Для открытых социал-империалистов Англии, Франции, Германии противопоставление социал-демократического пацифизма «советскому милитаризму» и «военному авантюризму» большевиков есть простая подготовка к войне. СССР наступает, нужно защищать мир и обороняющееся отечество.

В рядах центристов этот вопрос вызвал было в первый момент мнимый раскол. Против первоначального проекта Бауэра выступили в политической комиссии представители английской независимой рабочей партии. Мослей упрекал Отто Бауэра, что вопрос о большевизме занимает почти половину места во всем манифесте и что о большевизме говорится в три раза больше, чем о фашизме. Эта позиция английских центристов, несомненно, исходит из невозможности для них выступить открыто против советского пролетариата. Это же обстоятельство, повидимому, предопределяет сдержанное молчание представителей рабочей партии (молчание Макдональда на только-что состоявшемся с'езде рабочей партии о возобновлении сношений с СССР!), обходящих этот вопрос и соблюдающих внешнюю корректность по отношению к советскому государству. В гнуснейшей речи, произнесенной Отто Бауэром в ответ в политической комиссии, Бауэр ссылался на то, что он «ближе стоит к большевикам, чем другие товарищи» и поэтому, мол, знает их адские военные замыслы.

«Большевистская» часть в «Манифесте» была сокращена с сохранением, конечно, всей принципиальной части. «Всемирно-исторический» манифест был принят единогласно. Центристы, «левые» и «левейшие» голосовали единодушно. Свою главную миссию — по обделыванию дел открытых социал-империалистов—они выполнили блестяще.

Такова социал-демократия эпохи «паузы». Так выглядит конгресс социал-империалистов в эпоху, насыщенную империалистическими противоречиями и подготовкой нового нападения империалистов на первую пролетарскую республику.

Г. Зиновьев.

Буржуазные рабочие партии в балансе сил империализма.

I.

Одной из важнейших новых черт современности является известное «возрождение» и усиление социал-демократии. 9¼ миллионов голосов, поданных за германскую социал-демократию на выборах, есть факт серьезный.

Было бы крайне вредно как с точки зрения непосредственной работы Коминтерна, так и с точки зрения ближайших интересов нашего государства, скрывать от себя вновь возросшую роль социал-демократии, в частности, преуменьшать значение недавней избирательной победы германской социал-демократии.

Особенно важным становится вопрос о нынешней иностранной политике социал-демократии, ибо это тесно связано с вопросом об опасности новых войн. Надо понять самим и об'яснить массам причины новых побед социал-демократии, надо попытаться предусмотреть вероятные их последствия для всего международного пролетарского движения и, в частности, для нашего государства.

Современная социал-демократия есть буржуазная рабочая партия эпохи войн и пролетарских революций. По своему составу большинство с.-д. партий современности продолжают «внизу» оставаться в основном рабочими партиями — хотя и все больше разбавляются в ряде стран мелкобуржуазными элементами. Но политически с.-д. партии превратились в прямое орудие буржуазии. Буржуазии удалось достигнуть этого важного для нее результата при помощи сложной системы мер, выросшей и давшей особенно большой эффект с расцветом империализма.

Буржуазии удается вести за собой социал-демократию,—а через нее значительные слои рабочих и иногда даже большинство рабочего класса—при помощи: 1) создания до некоторой степени привилегированного положения для верхушки рабочих—рабочей аристократии; 2) прямого подкупа, деморализации, втягивания в свою орбиту (сращение профсоюзной и партийной бюрократии с органами буржуазного государства и предпринимательскими организациями) «руководящих» слоев с.-д. организаций—рабочей бюрократии; 3) использования того давления, которое оказывают на социал-демократию мелкобуржуазные и просто буржуазные элементы, прямо проникающие в с.-д. партию, голосующие за нее и т. п., т.-е. использования «попутчиков».

Все это — на фоне обмана самых широких масс населения вообще методами буржуазной демократии: «свобода печати», «равенство перед законом», «свобода труда» и т. п.

Было время, когда II Интернационал отражал — в основном — силу рабочего класса, растущую борьбу пролетариата против капиталистического

владычества. Теперь, когда громадное большинство с.-д. партий превратилось в «буржуазные рабочие партии», II Интернационал на деле отражает общий баланс сил буржуазии, степень прочности капиталистического господства над рабочим классом, успехи буржуазной политики в рабочей среде, данный этап борьбы капитализма против будущего своего могильщика—пролетариата. Сила современной социал-демократии есть отраженная сила буржуазии.

Только поняв это, мы можем понять и «успехи» нынешних с.-д. партий, можем понять тот факт, что главнейшие с.-д. партии Европы, находившиеся несколько лет назад, казалось, чуть не при последнем издыхании, «выжили» и теперь вновь иногда кажутся даже «могущественными».

Историческая передышка, полученная капитализмом — частичная и временная стабилизация капитализма — неизбежно становится передышкой и для социал-демократии. Раз устояла—пока-что—вся буржуазная система, неизбежно должна была удержаться на поверхности и «буржуазная социал-демократия», составная часть этой системы. За реформистом стоит капиталист. За реформизмом—империализм, со всей его мощью, богатством, властью. Вот откуда «сила» реформизма.

Большинство с.-д. партий уже к началу войны «вызрели» в буржуазную рабочую партию. Когда же всемирная война привела вплотную к революционному кризису, большинство с.-д. партий показали уже себя не просто «буржуазными рабочими партиями», но «буржузными рабочими партиями контрреволюции». Они помогли буржуазии физически разгромить подымавшуюся революцию пролетариата. В дальнейшем, в эпоху частичной стабилизации капитализма, большинство с.-д. партий стали лучшими помощниками капиталистов в деле рационализации хозяйства за счет рабочих, стали срывать борьбу рабочих, превращать профсоюзы в придаток к союзам предпринимателей и т. п. В то же время при каждой новой вспышке пролетарского революционного движения (всеобщая стачка в Англии, восстание в Вене, китайская революция) именно с.-д. партии брали на себя задачу подавления движения и били по голове рабочих раньше, чем движение успевало встать на ноги.

В общем и целом с.-д. партии, начиная с 1914 года, выполняют именно ту задачу, которая в каждый данный момент является очередной злободневной для буржуазии: 1) 1914—1918—«защита отечества» в империалистической войне; 2) 1918—1923—активная борьба с оружием в руках против подымающейся пролетарской революции; 3) 1923—1928—активная помощь восстановлению капиталистического хозяйства за счет рабочих. Ближайшая очередная задача, которую возложит империалистическая буржуазия на с.-д., вероятно, будет заключаться в помощи делу экономического и политического «окружения» СССР, а затем и прямого нападения на него.

II.

Как именно социал-демократия сложилась в буржуазную рабочую партию?

До мировой войны европейская социал-демократия[1]), как целое, была социалистической рабочей партией—лишь отдельные ее отряды и слои были заражены буржуазными взглядами. К моменту войны и в ходе ее (1914—1918 гг.) социал-демократия стала буржуазной рабочей партией.

[1]) Английская рабочая партия уже тогда составляла исключение. См. нашу статью «Сколько марксизмов существует на свете», «Большевик» № 16, 1928 г.

Положение это, конечно, не следует понимать слишком упрощенно. Это превращение произошло, конечно, не «вдруг», не за одну ночь. Внутри социал-демократии и до войны жили, складывались и укреплялись элементы буржуазной рабочей партии, уживаясь до поры до времени в одной организации с элементами будущих подлинно-пролетарских партий. К концу 90-х годов прошлого столетия элементы оппортунизма—будущая буржуазная рабочая партия—стали особенно сильно крепнуть внутри старой социал-демократии.

Ленин любил напоминать предсказание Плеханова, сделанное в старой «Искре» в 1902 году (когда Плеханов был еще революционным марксистом), о том, что рабочее движение будет иметь свою Гору и Жиронду, как обнаружила их Великая французская буржуазная революция. Конечно, Гора и Жиронда и в Великой французской революции тоже родились не «вдруг». А с другой стороны, борьба между Горой и Жирондой рабочего движения неизбежно должна стать—и уже стала—более глубокой, более содержательной, более определяющей судьбы человечества, чем борьба Горы и Жиронды в буржуазной революции, ибо само нынешнее историческое действие глубже, содержательнее, более решающе для судеб человечества.

Оглядываясь теперь назад, можно с известным правом сказать, что оппортунизм, как международное направление в рабочем движении, сложился и оформился примерно тогда же, когда сложился и оформился империализм: как раз конец 90-х годов является началом «расцвета» бернштейнианства и оппортунизма вообще во всем мировом рабочем движении. Взаимозависимость и параллелизм развития здесь—вне всякого сомнения.

Это утверждение тоже не следует понимать слишком упрощенно. «Пролетариат есть детище капитализма мирового, а не только европейского и не только империалистского» (Ленин). Оппортунизм имел, разумеется, свои индивидуальные черты, скажем, в Англии и в России, в Германии и в Америке и т. п. Оппортунизм складывался и складывается—по разному в каждой стране, в зависимости от целого ряда обстоятельств. В Англии в силу ряда исключительных обстоятельств—о чем речь ниже—оппортунизм в рабочем движении родился, возмужал и стал «вызревать» в буржуазную рабочую партию на десятилетия раньше, чем в остальной Европе. В России оппортунизм, как «законченное» буржуазное течение в рабочем движении, сложился окончательно, пожалуй, позднее других стран и в особо своеобразных формах, что заложено 1) в громадном запоздании буржуазной революции в России, 2) в быстром перерастании ее в социалистическую, 3) в особой роли крестьянства в русской революции и т. п. В общем, можно сказать, что оппортунизм в мировом рабочем движении складывается с конца 90-х годов прошлого столетия параллельно с тем, как складывается империализм, и превращается в буржуазную рабочую партию к 1914—1917 гг., когда империализм приводит к первой всемирной войне.

Как складывались «буржуазный пролетариат» и буржуазное рабочее движение в Англии — это об'яснили еще Маркс и Энгельс, ставившие, как известно, это явление в связь с промышленной монополией Англии.

Как складывается буржуазная рабочая партия в современной Англии, потерявшей промышленную монополию, но сохранившей монополию колониальную, — это особенно подробно об'яснил Ленин (ср. наши ссылки на Ленина в статье «Сколько марксизмов существует на свете» — «Большевик» № 16). Но Ленин продолжил работу Маркса и Энгельса и в этой области. То, что Маркс с Энгельсом (а после смерти Маркса один Энгельс) прослеживали в отношении старой Англии с 1858 до 1892 г., Ленин с крахом II Интернационала особенно тщательно прослеживает в отношении четырех крупнейших и богатейших и решающих капиталистических стран: Америки, Англии, Германии и Франции.

Ленин, конечно, прекрасно знает, что между империализмом французским и американским или германским и английским существуют черты различия. Лучше, чем кто бы то ни было, Ленин умеет диференцировать, улавливать особое и частное в общем. Но прежде всего ему необходимо установить именно общее: найти генеральную связь между оппортунизмом и империализмом, установить общий закон, по которому империалистическая стадия капитализма сопровождается рождением *буржуазных* рабочих партий, а первая всемирная империалистская война приводит к выделению из единого доселе рабочего движения *двух партий*: *буржуазной* рабочей партии на одном полюсе, *коммунистической* (или большевистской) рабочей партии—на другом.

«В 1848 — 68 гг. и частью позже монополиею пользовалась только Англия; *поэтому* в ней мог на десятилетия победить оппортунизм... Последняя треть XIX века была переходом к новой, империалистической эпохе. Монополией пользуется финансовый капитал не одной, а нескольких, очень немногих, великих держав... Тогда рабочий класс одной страны можно было подкупить, развратить на десятилетия. Теперь это невероятно, пожалуй, даже невозможно, но зато *меньшие* (чем в Англии 1848—68 гг.) прослойки «рабочей аристократии» подкупить может и подкупает *каждая* великая держава. Тогда «*буржуазная рабочая партия*», по замечательно глубокому выражению Энгельса, могла сложиться только в одной стране... Теперь «*буржуазная рабочая партия*» *неизбежна и типична для всех* империалистических стран, но в виду отчаянной борьбы за дележ добычи, невероятно, чтобы такая партия могла надолго победить в ряде стран». Так пишет В. И.

Итак, в Америке, Англии, Франции и Германии империализм породил *буржуазную рабочую партию*. Разновидность этого мы имеем, однако, также в таких странах, как Россия, Япония (Ленин).

В итоге:

«Буржуазия уже родила, вскормила, обеспечила себе буржуазные рабочие партии социал-шовинистов во всех странах» (Ленин).

Так обстояло дело *во время* первой всемирной империалистической войны.

Посмотрим теперь, что произошло в этом отношении по окончании империалистической войны, как сложилось дело в течение десятилетия, протекшего со времени окончания мировой войны, как отразилась на судьбах буржуазных рабочих партий победа пролетарской революции в России.

III.

В надвинувшихся к 1917 году решающих боях официальные верхушки с.-д. все более безоглядно, все более откровенно связывали свою судьбу с контрреволюционной буржуазией и ее вооруженной силой, ее контрреволюционным офицерством и т. д.—против «красного призрака» социалистической революции, который на этот раз и впрямь «бродил» почти по всей Европе. В огне революционных событий страшно быстро «созревали» все эти Носке и Эберты, Либерданы и Церетелли, Реннеры и Бауэры. Лучший пример — «наши» русские меньшевики и с.-р. Русские меньшевики издавна были партией мелкобуржуазного реформизма. Но как быстро в огне революционных событий эти «добродетельные» мещане «дозрели» до *прямой контрреволюционной борьбы с оружием в руках* против революционных рабочих и солдат!

В марте 1917 г. совершилась «великая», «бескровная» буржуазная революция в России, и наша «революционная демократия» мирно овладела Советами, эксплоатируя «добросовестное оборончество» масс. А уже в июле 1917 г. вожди меньшевиков открыто сотрудничали с кандидатами в русские

Кавеньяки в деле подавления питерских рабочих, революционных матросов Кронштадта и примкнувших к ним революционных полков пулеметчиков. А еще через несколько недель—уже с энтузиазмом защищали и проводили смертную казнь для революционных солдат на фронтах.

Столь же быстро «созревали» Эберты, Носке, Шейдеманы и К° в Германии, как только там началась революция. Автор недавно вышедшей примечательной книги «Марксизм и немецкое войско в мировой войне», майор Фолькман, с откровенностью прямо брутальной заявляет, что от поведения с.-д., с одной стороны, и основных кадров офицерского корпуса, с другой стороны, зависел ход и исход войны для Германии; что хотя «пути социал-демократии, партнерши в великой игре, в которой (игре) решалось будущее Германии, не были столь же прямыми, как пути офицерского корпуса», но это только потому, что «раскол с самого начала вносили сторонники строгого интернационализма и учения Маркса». Тот же майор с похвальной откровенностью формулирует суть дела, когда заявляет: «Радикалы (будущие коммунисты) рвались (в 1918—19 гг.) вперед, добиваясь присоединения к Москве и работая за мировую революцию. Умеренные с.-д. *с помощью офицеров старой армии* сломили этот натиск» (названная книга, стр. 13—15). Разве не с тою же помощью «офицеров старой армии» вожди социал-демократии убили Карла Либкнехта и Розу Люксембург!

«Форма крушения прусской идеи во второй половине 1918 г. была беспримерной,—жалуется майор.—На арене внешней борьбы Пруссия держалась стойко до самых последних дней войны, отбиваясь от целого мира врагов. А вот внутри страны Пруссия вынуждена была капитулировать перед какими-нибудь несколькими тысячами бунтующей матросни» (стр. 12). Но, как известно, и с этой «бунтующей матросней» Носке с Эбертом расправились опять-таки «с помощью офицеров старой армии». Если с такой же «бунтующей матросней» в октябре 1917 г. не удалось расправиться русским меньшевикам и эсэрами, то это уж не по их вине.

Через несколько лет после окончания войны, когда буржуазии при помощи с.-д. удалось на время отсрочить свою гибель, когда непосредственно-революционная ситуация на время уступила место частичной стабилизации капитализма, вожди с.-д. в полемике против коммунистов всегда выдвигали тот «довод», что коммунисты оказались-де неправы в главном и основном, так как международная революция еще не произошла. «Где же ваша международная революция?»—потирая руки от удовольствия, говорят с ехидством эти люди. Сначала сами помогли буржуазии разбить передовые отряды рабочих в решающих пунктах, а затем вопрошают: «где же ваша международная революция?» Они поступают так же, как самые злостные штрейкбрехеры, которые, прямо продавшись капиталистам, сначала срывают рабочую стачку, а потом пытаются издеваться над пролетариями, оставшимися верными этой стачке: «Но почему же вы не бастуете дальше? Много ли помогла ваша стачка?»

Вернейшие слуги буржуазии, вожди «буржуазных рабочих партий», превратили в 1918 — 1920 гг. эти партии в организации *прямой контрреволюции*, вступив в тесный союз с Людендорфами и другими Корниловыми. И в то же время эти господа пытаются попрежнему слыть «социалистами» и даже «марксистами».

Не только сами вожди «буржуазных рабочих партий», но и их хозяева из лагеря империалистов понимали—и иногда высказывали это открыто,—что именно для успешного выполнения своей контрреволюционной роли социал-демократы должны сохранять вывеску «социализма», должны на словах сохранять верность «социалистическим идеалам». Один из умнейших органов германских консерваторов еще в разгар мировой войны писал, что «характер рабочей партии с социалистическими идеалами она (социал-демократия)

должна сохранить, ибо в тот момент, когда она откажется от этого, возникнет новая партия, которая восприм ет программу, от которой прежняя партия отреклась, и придаст ей еще более радикальную формулировку» («Прусские ежегодники», 1915, IV, стр. 50—51). В этих словах твердою и умелою рукой начертана вся та программа, которую диктует своей социал-демократии буржуазия, и которую вожди «буржуазной рабочей партии» и стараются проводить по мере сил и разумения.

В моменты, когда волны революционного прибоя вздымались особенно высоко, буржуазии приходилось итти на самую рискованную игру и «изловчаться» всячески. В центральном органе германской социал-демократии («Форвертс» от 24 апреля 1919 г.) была помещена статья Фрейгерра Карла Шенка фон-Швейнсберга, который писал: «Если мы хотим спасти Германию от русской советской системы «вся власть Советам», то нам остается только одно: мы должны сами дать германским рабочим разумную советскую систему—такую систему, при которой Советы были бы второй палатой рядом с Национальным Собранием... Таким образом, нам удалось бы установить известное равновесие сил».

Эту «программу», начертанную наиболее дальновидными представителями буржуазии, как известно, с «ученым видом знатока» защищали немного позже Гильфердинг, Каутский и другие вожди тогдашних «независимых» с.-д., не говоря уже о Шейдеманах. И именно под этим флагом с.-д. вожди на деле саботировали Советы и срывали рабочую революцию.

В той или другой форме, применяясь к конкретной обстановке в данной стране, эту же роль ударных колонн против назревающей революции сыграли в ту пору с.-д. партии в Италии, Чехо-Словакии, на Балканах и даже в такой стране, как Голландия.

Без с.-д. партий буржуазия не могла бы в этой обстановке победить революционное движение рабочих и солдат. Чем сильнее была официальная с.-д., тем легче—при прочих равных условиях — буржуазия справлялась с революционным движением «низших» классов. Через социал-демократию, через «доверенных людей» с.-д. партий, через ее депутатов, профсоюзных чиновников, газетчиков, ораторов, через весь аппарат с.-д. буржуазная контрреволюция проникла в самую сердцевину рабочего движения, разлагала массы посулами, лаской, обещаниями и в то же время запугиваниями, внесением колебаний и раскола в ряды борцов, а в решающий момент и прямыми расстрелами.

С началом мировой войны оппортунизм не мог не превратиться в социал-шовинизм. С началом пролетарской революции оппортунизм не мог не перерасти в прямую контрреволюцию.

Так элементы «буржуазной рабочей партии», до поры до времени гнездившиеся в недрах II Интернационала в полудремлющем состоянии, к началу эпохи пролетарской революции превратились в «буржуазные рабочие партии контрреволюции». И не было у буржуазии орудия против пролетарской революции более «подходящего», более «целесообразного», более соответствовавшего ее потребностям в данную историческую эпоху, как эта контрреволюционная социал-демократия.

IV.

Был момент—особенно в первую победоносную полосу германской революции—когда естественно было думать, что песенка социал-демократии окончательно спета, что рабочий класс разорвет сейчас же путы буржуазии и социал-демократии, что вместе с буржуазией будет разбита вдребезги и «буржуазная рабочая партия». Памятно, что свою работу «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин оборвал, когда пришла весть о победе германской революции. 10 ноября 1918 г. Ленин писал: «В ночь с 9 на 10 получены известия из Германии о начавшейся победоносной революции сначала в Киле и др. северных и приморских городах, где власть перешла в руки Советов Рабочих и Солдатских депутатов, затем в Берлине, где власть тоже перешла в руки Совета. Заключение, которое мне осталось написать к брошюре о Каутском и о пролетарской революции, становится излишним».

В статье против Макдональда, «товарищески» уговаривавшего большевиков не рвать с «центром» и не строить своего особого Интернационала (как далеко ушли мы от тех времен!), Ленин 14 июля 1919 г. писал: «Массы пролетариев и полупролетариев—за нас, и переходят к нам не по дням, а по часам. Бернский Интернационал—штаб без армии, который развалится, как карточный домик, если разоблачить его перед массами до конца».

В речи, посвященной первой годовщине Коминтерна, Ленин говорил: «Учитывая положение дел, можно сказать, что II Интернационал убит и массы рабочих в Германии, Англии и Франции переходят на сторону коммунистов». Даже в «Детской болезни «левизны» (весна 1920 года) Ленин говорит о II Интернационале, что он «ныне уже фактически убит» (том XVII, стр. 177).

Весной 1920 года Ленин пишет, что «Второй Интернационал отныне уже фактически убит». А между тем известно, что на выборах в учредительный рейхстаг в 1919 году германская социал-демократия, одна из важнейших партий II Интернационала, получила 11½ миллионов голосов (с.-д. плюс независимые с.-д.), что составляло 37,8% всех поданных голосов. Этого факта не мог не знать Ленин. Как же понять его слова, что Второй Интернационал уже убит? Нет ли тут противоречия?

Ссылаясь на эти и подобные заявления Ленина и всех большевиков, теоретики с.-д. Отто Бауэр, Каутский и К° не раз с апломбом и указывали на то, что-де анализ Ленина не подтвердился, что с.-д. оказалась «непобедимой» и т. п. Конечно, поскольку ход мировой революции оказался более затяжным, поскольку капитализму удалось еще на время «закрепиться», непосредственная гибель с.-д. тоже задержалась. Буржуазия и меньшевики в России, как известно, считали, что они «непобедимы», даже тогда, когда до победы пролетарской революции над ними оставалось всего несколько недель. Судьба русских партий II Интернационала (меньшевиков и с.-р.), так сказать, «в обратном порядке» подтверждает особенно наглядно то, что мы говорили выше о связи между реформизмом и империализмом. Победа рабочего класса СССР над своей буржуазией означала через совсем короткий срок радикальную ликвидацию меньшевиков и эсэров. А если бы в 1917 г. удержалась буржуазная демократия в России,—о, сколь «непобедимыми» считали бы себя меньшевики и эсэры в России!

Да, некоторую отсрочку «буржуазные рабочие партии контрреволюции» получили вместе с их буржуазными хозяевами. Это мы, большевики, должны признать.

И все-таки Ленин был прав, когда еще 1 ноября 1914 г. писал: «II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом».

Оппортунизм, реформизм, буржуазная рабочая политика исторически обречены. В этом смысле они мертвы. Но это отнюдь не значит, что реформизм уже сейчас не играет никакой роли в руках буржуазии, что его не смогут использовать империалисты против рабочих. Реформизм исторически мертв. А все-таки он, пока-что, очень и очень годится еще для срыва германской революции в 1918—19 гг., для срыва всеобщей забастовки в Англии в 1926 году, для помощи империалистам в деле удушения китайской революции в 1927 году. «Классическими» образцами контрреволюционной роли реформистов в будущем, вероятно, будут считаться роль германских с.-д. в германской революции 1918—19 гг. и роль Генсовета в

английской всеобщей забастовке 1926 г. Два крупнейших примера—*покуда* крупнейших!—того, как «социалистические» агенты буржуазии «возглавляют» рабочее движение, чтобы в должный момент *обезглавить* его. И все-таки буржуазный «социализм»—или, что то же, реформизм—исторически обречен и мертв как в Германии, так и в Англии.

Европейский рабочий зачастую все еще верит в возможность через социал-демократию *мирными средствами* добиться улучшения своего положения. Он все еще надеется избегнуть жертв, с которыми связан путь революции. «Передовая» европейская буржуазия и ее спутник—социал-демократия—всеми силами поддерживают эти настроения у рабочих. Но в то же время вся *практика* буржуазии делает все, чтобы постепенно освободить рабочих от мирных иллюзий. Новый «под'ем» социал-демократии, новый опыт коалиционных и чисто социал-демократических правительств освободит от этих иллюзий новые большие слои рабочих. Например, правительственная деятельность кабинета Германа Мюллера, несомненно, излечит от мирных реформистских иллюзий не одну сотню тысяч немецких рабочих, которые перейдут от с.-д. к коммунистам. Опыт с голосованием с.-д. министров за постройку броненосца говорит об этом достаточно красноречиво.

Что «массы рабочих в Германии, Англии и Франции *переходят* на сторону коммунистов»—это оказалось верно только *как тенденция*, а еще не как совершившийся факт.

Когда коммунистическая партия Германии, при наличии сильной социал-демократии, в мае 1928 г. получает 3¼ миллиона голосов, это значит, что массы рабочих «переходят» (но еще не в достаточной степени) на сторону коммунистов. Напомним, что в 1912 году (последние выборы перед войной) германская социал-демократия, будучи единственной рабочей партией в стране, получила 4½ миллиона голосов. И это считалось громадным успехом.

Когда весною 1928 г. французские коммунисты получают свыше миллиона голосов (против социалистов, хотя и собравших 1.640.000 голосов, но не по своим чистым спискам, а в ряде округов по «картельным» спискам с буржуазией), это значит, что массы «переходят» к коммунистам, но еще далеко не в достаточной степени.

В Англии мы не имели больших избирательных успехов, и там переход масс к коммунистам особенно труден по причинам, которые в свое время были достаточно раз'яснены Марксом, Энгельсом, Лениным.

Избирательные парламентские успехи вообще не могут считаться сколько-нибудь исчерпывающим критерием, чтобы судить о том, насколько массы переходят к коммунистам, ибо социал-демократия, тысячами нитей связанная с буржуазией, имеет на этой арене бесчисленные преимущества перед коммунистами.

Коммунисты не имеют права чрезмерно обольщаться избирательными успехами и тогда, когда они налицо. В Чехо-Словакии компартия получает на выборах миллион голосов и больше. А когда она недавно призвала рабочих на запрещенную правительством антимилитаристскую демонстрацию, она собрала только несколько тысяч человек. Только в горниле классовых битв, только через действительные классовые бои познается подлинная сила компартий.

Несомненно, что в вопросе о *сроках* перехода к нам масс от с.-д. партий все мы в первые годы нашей революции были слишком оптимистичны. Это стояло в тесной связи с нашей ошибкой в вопросе о *сроках* победы пролетарских революций в Европе вообще [1]).

---

[1]) Такие ошибки бывали и у Маркса и Энгельса. В частности, ошибались они и относительно германской с.-д. Маркс и Энгельс достаточно часто и решительно предупреждали против оппортунизма в германской с.-д., тогда еще молодой партии, в которой оппортунизм только еще прокладывал себе дорогу. Энгельс

Ленин писал по другому поводу:

«Капитализм уже много десятилетий тому назад можно было, и с полным правом, об'явить «исторически изжитым», но это нисколько не устраняет необходимости очень долгой и очень упорной борьбы на почве капитализма. «Исторически изжит» парламентаризм в смысле всемирно-историческом, т.-е. эпоха буржуазного парламентаризма кончена, эпоха диктатуры пролетариата началась. Это бесспорно. Но всемирно-исторический масштаб считает десятилетиями. На 10—20 лет раньше или позже, это с точки зрения всемирно-исторического масштаба безразлично, это с точки зрения всемирной истории — мелочь, которую нельзя даже приблизительно учесть» (XVII. 146).

То же можно сказать о реформизме, о социал-демократии. Эпоха реформизма кончена, эпоха коммунизма началась. Эпоха второго Интернационала кончена. Эпоха Коминтерна началась. Но это нисколько не устраняет необходимости долгой и очень упорной борьбы с социал-демократией. Исход этой борьбы—вне всякого сомнения. 10 — 20 лет раньше или позже — это, однако, немаловажный вопрос для рабочего класса, для данного поколения борцов его. Борьба идет именно за то, чтобы максимально сократить остающиеся еще—в историческом масштабе, несомненно, очень уже короткие,—сроки существования буржуазного строя, а вместе с ним и буржуазных рабочих партий.

В таком вопросе, как «10 — 20 лет раньше или позже», громадное, решающее значение имеет именно *суб'ективный фактор*, роль организованности, роль партии.

В 1917—1920 гг., в годы кризиса, непосредственно связанного с мировой войной и ее окончанием, об'ективные предпосылки для низвержения капитализма в ряде стран созрели вполне. Но, чтобы он упал, нужно было его «уронить». Нужна была максимальная организованность рабочих и революционных солдат. Нужна была сильная большевистская партия в Германии, Англии, Франции и т. д. А ее-то и не было. Мало того. В то же время в этих государствах существовали старые и сильные реформистские профсоюзы и с.-д. партии, целиком перешедшие на сторону буржуазии и использовавшие против революции всю свою многолетнюю организованность, рабочие связи, знание рабочей среды, знание слабых сторон бедного люда, использовавшие вывеску социализма. Организованной большевистской партии, которая могла бы «уронить» падающий капитализм, не оказалось. А организованных с.-д. партий и реформистских профсоюзов, которые со всех ног бросились «поддерживать» и «поднимать» пошатнувшийся капитализм, оказалось более чем достаточно. «Суб'ективный фактор» оказался на стороне буржуазии. И благодаря этому через некоторое время смогло до известной степени перемениться и само об'ективное положение,—вплоть до того времени, как назреют новые изменения в соотношении сил борющихся классов.

Чтобы «уронить» капитализм в послевоенном революционном кризисе 1917—1920 гг., нужны были сильные и серьезные коммунистические партии на Западе. А между тем, как показал ход событий, коммунистические партии на Западе могли в этом кризисе только *родиться*.

Рождение коммунистических партий на Западе, это, конечно,—результат несравненно более скромный, нежели полная победа над капитализмом,

---

умер на 12 лет позже Маркса. Он видел уже явственный рост оппортунизма в германской с.-д., против которого он предупреждал особенно настойчиво в ряде частных писем к тогдашним вождям германской с.-д. (Бебелю и др.). И, тем не менее, Энгельс умирал (см. документы, собранные в брошюре «Политическое завещание Энгельса»), будучи совершенно уверен, что германская с.-д. все же в основном останется революционной пролетарской партией и выполнит свою историческую миссию.

на которую мы рассчитывали. Но все же это—результат не малый. Вспомним, с каким трудом складывалась большевистская партия в России и какой длинный срок прошел, пока она окончательно сложилась. Новые революционные кризисы в Европе,—а они не за горами,—если мы не будем делать чрезмерных ошибок, застанут уже серьезные коммунистические партии в Европе, переболевшие ряд слабостей, освободившиеся от многих ошибок и готовые к выполнению своей исторической миссии.

За плечами молодых, только еще рождающихся коммунистических партий в Европе, в годы послевоенного кризиса стояла и стоит великая пролетарская революция в России. Эта революция является источником сил, источником вдохновения для всех коммунистических партий мира. Но за плечами с.-д. партий, быстро оправившихся от первого испуга, причиненного им революционными событиями, стоит вся мировая буржуазия, весь империализм, вся сила капитала, его богатства и связей.

Отношение руководящих слоев с.-д. партий к пролетарской революции в России глубоко враждебно — как ни маскируют иногда, по понятным соображениям, свою непримиримую ненависть к русской революции эти руководящие слои. Эти слои отбрасываются все больше направо каждым успехом мирового коммунизма, в частности, каждым крупным успехом СССР. Революция порождает контрреволюцию. Борясь против пролетарской революции, современные чиновники с.-д. партий, профсоюзов и т. п., борются уже прямо за свое дело, за свои интересы. Они прекрасно отдают себе отчет в том, что, если гром пролетарской революции разразится вообще, он разразится и над их головами, что полетят их привилегии, что придет конец теплым местечкам, политическому влиянию, насиженным гнездышкам, спокойной жизни. Они не могут не помнить слова Ленина, что «вожди II Интернационала это — собрание подлых убийц. От суда революционных рабочих им не уйти». Они знают, что такие слова живут уже теперь в сердцах сотен тысяч рабочих, горящих законной ненавистью к тому слою «социалистов», который превратил рабочие партии в буржуазные рабочие партии.

V.

Ленин ожидал более быстрой гибели социал-демократии. Однако, надо иметь в виду, что и в годы наибольшего упадка социал-демократии Ленин не уставал указывать на то, что оппортунизм в обстановке империализма имеет под собой пока-что серьезную социальную базу.

В предисловии к французскому изданию своего «Империализма» Ленин пишет 6 июля 1920 г.: «...Вывоз капитала дает доход 8—10 миллиардов франков в год, по довоенным ценам и довоенной буржуазной статистике. Теперь, конечно, много больше.

«Понятно, что из такой гигантской сверхприбыли... можно подкупать рабочих вождей и верхнюю прослойку рабочей аристократии. Ее и подкупают капиталисты «передовых» стран, подкупают тысячами способов, прямых и косвенных, открытых и прикрытых.

«Этот слой обуржуазившихся рабочих или «рабочей аристократии», вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию, есть главная опора II Интернационала, а в наши дни главная социальная (не военная) опора буржуазии... В гражданской войне пролетариата с буржуазией они неизбежно становятся, в немалом числе, на сторону буржуазии, на сторону «версальцев» против «коммунаров» (том XVII, стр. 248, 249).

На втором всемирном конгрессе Коминтерна Ленин 19 июля 1920 г. говорил:

«Тут мы должны поставить вопрос, чем об'ясняется прочность таких направлений в Европе и почему этот оппортунизм в Западной Европе сильнее, чем у нас. Да потому, что передовые страны создали и создают свою культуру возможностью жить за счет миллиарда угнетенных людей. Потому, что капиталисты этих стран получают много сверх того, что они могли бы получить, как прибыль от грабежа рабочих своей страны.

«До войны считали, что три богатейших страны, Англия, Франция и Германия, от одного только вывоза капитала за границу, не считая других доходов, имеют 8—10 миллиардов франков в год дохода.

«Понятно, что из этой милой суммы можно бросить хотя бы полмиллиарда на подачку рабочим вождям, рабочей аристократии, на всякие виды подкупа. И все дело сводится именно к подкупу. Это делается тысячами разнообразных путей: повышением культуры в наиболее крупных центрах, созданием образовательных учреждений, созданием тысячи местечек для вождей кооперативов, для вождей трэд-юнионов, парламентских вождей. Но это делается везде, где есть современные цивилизованные капиталистические отношения. И эти миллиарды сверхприбыли есть экономическая основа, на которой держится оппортунизм в рабочем движении. Мы имеем в Америке, в Англии, во Франции неизмеримо более сильное упорство оппортунистических вождей, верхушки рабочего класса, аристократии рабочих; они оказывают более сильное сопротивление коммунистическому движению... Болезнь эта затянулась, излечение ее затянулось дольше, чем оптимисты могли надеяться. Оппортунизм наш главный враг. Оппортунизм в верхах рабочего движения это — социализм не пролетарский, а буржуазный. Практически доказано, что деятели внутри рабочего движения, принадлежащие к оппортунистическому направлению — лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа. Без их руководства рабочими буржуазия не смогла бы держаться» (том XVII, стр. 266).

В тезисах «о тактике РКП» (к III конгрессу Коминтерна—12 июля 1921 г.) Ленин говорил о социал-демократии в следующих словах:

«Мелкобуржуазная демократия капиталистических стран, представленная в ее передовой части Вторым Интернационалом и Интернационалом 2½, является в данный момент главной опорой капитализма, поскольку под ее влиянием остается большинство или значительная часть промышленных и торговых рабочих и служащих, которые боятся в случае революции потерять свое сравнительное мещанское благополучие, созданное привилегиями империализма» (том XVIII, ч. 1, стр. 312).

В Германии особенно сильно влияние рабочей бюрократии, разросшейся количественно до очень большой цифры. Официальные данные германской с.-д. называют цифру должностных лиц (депутатов рейхстага и ландтагов, редакторов, платных «вождей» профсоюзов и пр.) свыше 50.000 человек.

Весною 1928 г. органы германской социал-демократии называли следующие цифры:

с.-д. депутатов в рейстаге, ландагах, муниципалитетах и т. д.	41.799 чел.
партийных функционеров	7.000 „
профсоюзных функционеров	7.000 „[1]

В Англии и, в особенности, в Америке более сильное влияние имеет рабочая аристократия. «По отношению к Англии,—писал Ленин в 1921 году,—нельзя забывать, что если в ней особенно малочисленен класс мелких землевладельцев-арендаторов, то в ней зато исключительно высок процент живущих по-мелкобуржуазному среди рабочих и служащих,

[1]) Ср. эти данные с довоенными данными, приведенными нами в брошюре «Корни оборончества», написанной еще в 1915 году и прошедшей через редакцию Ленина. Эта брошюра вошла главой в нашу книгу «Война и кризис социализма».

вследствие фактического рабства сотни миллионов людей в колониях, «принадлежащих» Англии» (том XVII, стр. 314).

Во Франции особенно сильно влияние на социалистическую партию мелкобуржуазных попутчиков. При отсутствии во французской политической традиции больших рабочих организаций, многочисленных профсоюзов, сильных партий — парламентский характер социалистической партии особенно дает себя знать, а роль мелкобуржуазных попутчиков на парламентских выборах особенно велика. Во Франции трудно даже сказать точно, сколько же «чистых» социалистических голосов получает французская социалистическая партия на выборах, ибо на деле она уже в первом туре в ряде департаментов идет рука об руку с буржуазными кандидатами. Настолько «переплелась» уже французская социалистическая партия с «демократическими» слоями буржуазии.

В живой действительности, конечно, рабочая бюрократия, рабочая аристократия, с.-д. попутчики не отделены друг от друга китайской стеной. В разных комбинациях эти три фактора действуют в каждой из крупных с.-д. партий одновременно.

Аппараты с.-д. партий и реформистских профсоюзов чрезвычайно разрослись. Реформистские профсоюзы и с.-д. партии тысячами путей «срашиваются» с государственными аппаратами буржуазии и ее хозяйственными и «культурными» органами. Теперь реформистский чиновник проникает не только в парламент и муниципалитет, но и в полицию, и в школьные советы, и в органы рационализации промышленности, и в комиссии Лиги Наций, и в «Национальные Экономические Советы» (Франция), и в промышленные советы, и страховые органы, и трется около банковских учреждений, продопольственных органов и т. д., и т. п. Там, где до мировой войны была тысяча чиновников «рабочего» движения, теперь будет минимум десять тысяч. И эта орава растет не по дням, а по часам, все больше разлагаясь и все больше озлобляясь на все то, что может им хоть отдаленно напомнить о грядущем «судном дне» — о социалистической революции. Ибо ее «общественное положение» может поколебаться только в результате революции. Именно этот, ныне очень уже многочисленный слой делает политическую погоду в современных европейских с.-д. партиях и реформистских профсоюзах. Он очень силен, ибо 1) за его спиной стоит буржуазия и 2) он действует сейчас на фоне погрома, учиненного над рабочими массами силами буржуазии и с.-д. в последнее десятилетие.

И замечательно, что этот рабочий бюрократ ненавидит СССР, ненавидит коммунизм еще более ожесточенно, чем сама буржуазия. Лакей не только старается перед своим барином. Он больше всего боится за свое собственное дрянненькое существование. Он знает и чувствует, что живительная гроза надвигающейся пролетарской революции не оставит камня на камне от его благополучия. Основная «профессия» с.-д. чиновника и «теоретика» — злопыхательство против СССР. Весь смысл его существования теперь — борьба против пролетарской революции и пролетарских партий. За это его содержит буржуазия. Современный с.-д. вождь и с.-д. чиновник воюют против русской революции, против коммунизма в своей стране и против Коминтерна в целом, не только как винтики буржуазного государства, но и как члены обуржуазившейся рабочей партии, непосредственно конкурирующей с коммунистической партией в борьбе за влияние на рабочих.

VI.

Внешняя политика современных с.-д. партий носит теперь откровенно буржуазный характер. С.-д. вожди уже почти не скрывают того, что их внешняя политика есть внешняя политика «своей» буржуазии. Все кровавые уроки первой мировой империалистской войны как бы пропали даром. Ни один здравомыслящий человек не может теперь сомневаться ни на одну минуту, что в случае новой войны с.-д. вожди вновь выступят откровенными агентами буржуазии—только еще более озлобленными (ибо умудренными опытом) против пролетарской революции.

Вожди империалистов совершенно правы, когда они сравнивают роль с.-д. кадров с кадровым офицерством буржуазных армий. Действительно, без с.-д. кадров, загоняющих рабочих под знамена Людендорфов и Фошей, империалисты так же не могут обойтись, как без комсостава из числа кадрового офицерства. В некоторых отношениях с.-д. кадры для империалистов еще ценнее, чем кадры офицерства, ибо социал-демократия делает общественное мнение в массах, поставляет массовое «сырье» для армии, деморализует и разоружает рабочий класс, который мог бы войну использовать как раз для себя—если бы не социал-демократия.

Виднейший теоретический вождь II Интернационала, Гильфердинг, уже давно заявил в «Ди Гезельшафт», что «старый тезис: капитализм есть война, социализм есть мир, — стал неверен в обеих своих частях». Капитализм уже не означает войну, ибо, видите ли, «конкуренция преодолевается благодаря общности интересов. Державы взаимно гарантируют друг другу их владения». А социализм потому, видите ли, не означает мира, что внешняя политика большевиков пытается использовать национальные противоречия и освободительные стремления для их целей, которые являются своеобразной смесью реалистической русской политики экспансии с мировой революционной романтикой».

Тот же Гильфердинг в секретном заседании комиссии рейхстага уже намечал (незадолго до последних парламентских выборов) «план», сводящийся к тому, что «в интересах рабочего класса» (сокращение безработицы, приобретение нового рынка, завоевание «демократии») именно социал-демократия имеет-де моральное право и должна высказаться за выступление против СССР.

Редактор международного отдела «Форвертса» (Шифф) едет на свидание с Пуанкарэ и после интервью с ним заявляет на весь мир, что Пуанкарэ произвел на него «прекрасное впечатление», что с ним можно договориться, что Пуанкарэ хочет мира и готов итти навстречу Германии, что его обещания «солидны», что германская социал-демократия должна держать курс на сотрудничество с Пуанкарэ.

Тот же «Форвертс» доходит до такой подлости, что пишет: «Пусть нам положение вещей не изображают так, будто Россия представляет собою овечку, которая не способна замутить воду. Русские шпионские и заговорщические методы являются бичом для всего света».

То ли дело внешняя политика гинденбурговской Германии! То ли дело постройка броненосцев для германской буржуазии!

Поль Бонкур, вождь французских социалистов (он же представитель французской республики в Лиге Наций), приглашает Социалистическую Партию Франции к «бескорыстной» поддержке правительства Пуанкарэ, который, спасши франк, «спас отечество». Новая палата депутатов с громадным большинством пуанкаристов выбирает Поля Бонкура председателем комиссии по иностранным делам. Тот же Бонкур играет видную роль в заключении империалистского военного соглашения между Англией и Францией.

Вандервельде одобряет Французскую Социалистическую Партию, призывая ее бросить «предрассудки» и вступить (если позовут) в министерство Пуанкарэ.

В Англии вожди Рабочей Партии и трэд-юнионов расходятся с консерваторами в каких угодно вопросах, только не в вопросе о борьбе против СССР. Придет ли после выборов вновь к власти «чистое» правительство кон-

серваторов, или последуют какие-либо перемены, английские реформисты будут всеми силами помогать империалистам против СССР. Правительство Макдональда громило Индию. Английская Рабочая Партия и Генсовет профсоюзов поддерживали посылку войск в Китай и фактически дали согласие на разрыв с СССР.

В Польше ППС является важнейшим слугой буржуазии, поскольку дело идет о борьбе против СССР.

На недавнем конгрессе II Интернационала в Брюсселе социал-демократы окончательно закрепили политику поддержки Лиги Наций. Целый ряд самых больных вопросов, от которых больше всего зависит война и мир, II Интернационал торжественно «передает на разрешение» Лиги Наций. А уж пакт Келлога, конечно, об'является «священными скрижалями». Социал-демократия поддерживает во всем мире буржуазную армию. Едва ли найдется теперь хоть одна с.-д. партия, которая хотя бы в парламенте голосовала против военного бюджета буржуазии.

Одной рукой поддерживая «свои» правительства в деле создания вооруженных сил и подготовки войны, с.-д. вожди другой рукой щедро сеют пацифистские иллюзии. Несравненным идеалом миролюбия изображаются САСШ. Америка и американский империализм—источник вдохновения всей современной социал-демократии. Американский капитал, сыгравший такую огромную роль в деле восстановления Германии, попутно «посадил в седло» и германскую социал-демократию. (В скобках заметим, что тот же американский капитал, оплодотворив Италию, укрепил в седле и фашизм).

В момент, когда подготовка империалистами войны против СССР обрисовывается с полной ясностью, Брюссельский конгресс в специальном манифесте обвиняет Коминтерн в том, будто принятая им программа есть программа войны, будто в СССР господствует «диктатура войны». Это ли не выполнение «социального заказа» буржуазии? Когда буржуазия готовит войну против пролетарского государства, конечно, ей в высшей степени выгодно кричать, будто войну готовит и войны хочет пролетарское государство. «Доказать» это поручается именно социал-демократии.

Во всех главных пунктах, откуда буржуазия непосредственно угрожает сейчас СССР, — Англия, Польша, Франция, Германия, — социал-демократия является ныне крупнейшей силой. Но больше всего вредить нам в ближайшее время будет германская социал-демократия в силу той перемены, какая произошла в положении Германии, и в силу того, что гегемония во II Интернационале, повидимому, вновь переходит к германской социал-демократии.

VII.

«Буржуазия уже родила, вскормила, обеспечила себе «буржуазные рабочие партии» социал-шовинистов во всех странах»,—писал Ленин в конце 1916 года.

Если перед 1914 годом социал-демократия была еще до известной степени загадкой и для буржуазии и для пролетарских революционеров, то теперь сомнений быть не может. Первым всемирно-историческим испытанием для с.-д. была мировая война. Вторым—русская революция. Третьим—ряд полуреволюций в европейских странах. Четвертым—эпоха частичной стабилизации капитализма. Во всех этих испытаниях социал-демократия все больше складывалась и «закалялась», как агентура контрреволюционной буржуазии.

Роль с.-д., без сомнения, лишь служебная роль. Но в то же время ход классовой борьбы вплотную подвел к тому, что без с.-д. буржуазия удержаться уже не может. «Без опоры внутри пролетариата (через буржуазных агентов Второго и 2½-го Интернационала) буржуазия в Западной Европе и Америке удержать власть не в состоянии» (Ленин).

Ныне социал-демократия верой и правдой обслуживает буржуазию 1) по линии саботирования революционной борьбы рабочего класса; 2) по линии ее попыток разгромить все усиливающееся и разрастающееся национально-освободительное движение в колониальных и полуколониальных странах; 3) по линии подавления малейших элементов революционного движения крестьянства; 4) и главное—по линии подготовки войны против СССР.

Не каждый отряд социал-демократии (напр., с.-д в небольших захолустных странах) есть отряд сознательных помощников империализма. Но взятая в целом нынешняя социал-демократия—мы говорим об ее руководящей части, определяющей политику с.-д. — есть агентура империализма, есть «третья партия» буржуазии. И это—несмотря на то, что многие рабочие с-д. искренно ненавидят буржуазию и буржуазный строй.

Поскольку капитализм переживает сейчас нечто в роде «бабьего лета», благами этого «сезона» пользуется и социал-демократия. «Отцы» социал-демократии, согревающие свои старые кости в последних лучах закатывающегося капиталистического солнца, разнежились настолько, что им стало казаться, будто дело идет не к осени, не к закату социал-демократии, а к ее весне. Престарелый Каутский во введении к только-что вышедшей двухтомной работе «Материалистическое понимание истории» следующим образом живописует нынешнее политическое положение и ближайшие судьбы с.-д.:

«Возбуждение, созданное мировой войной, начинает успокаиваться. Экономические ненормальности, принесенные войной, начинают вновь уступать место нормальным экономическим отношениям, в которых вновь находят выражение экономические законы. Одновременно постепенно сходит на-нет раскол в среде трудящихся масс. Несмотря на господствующую еще пока реакцию, сила социал-демократии вновь стала расти, и с.-д. опять вступает на путь победоносного развития, которое было прервано на время. Но это развитие не есть простое продолжение того, что было до 1914 года.

«Революция не прошла бесследно. Она создала новый политический базис, на котором классовая борьба пролетариата может вестись более успешно, чем до сих пор. И она пролетаризировала несметные массы мелкой буржуазии, пробудила интерес к политическим и социальным вопросам и внушила сознание своей силы бесчисленным массам прежде индиферентных и робких людей. Как только эти новые массы людей будут в должной мере организованы и просвещены, их вступление в ряды с.-д. сделает последнюю непобедимой и отдаст ей в руки всю политическую власть. Социал-демократия завоюет власть при таких экономических обстоятельствах, которые позволят ей сделать далеко идущие шаги в направлении к освобождению труда» («Матер. понимание истории», стр. XIV).

Вот какие идиллические перспективы:

«Экономические ненормальности», созданные войной, уступят место «нормальным экономическим отношениям». Капитализм, слава всевышнему, вновь окрепнет, и социал-демократия вновь станет «победоносно» расти! На основе «нормальных экономических отношений» она завоюет мелкобуржуазных избирателей, придет «нормальными» путями к власти и сделает далеко идущие шаги «в направлении к освобождению труда»

«Гладко писано в бумаге!»

Беда только в том, что это столь же мало похоже на действительность, как нынешние писания Каутского на революционный марксизм...

«Европа идет к революции не так, как мы пришли к ней, но Европа по существу проделывает то же самое. Каждая страна должна по-своему проделать и уже начала проделывать внутреннюю борьбу и против своих мень-

шевиков, и против своего оппортунизма и эсэрства, которое существует под другим названием и в большей или меньшей степени во всех странах» (Ленин).

Нынешний рост влияния с.-д. через некоторое время неизбежно диалектически перерастет в полную потерю влияния, в полное бессилие с.-д. Не забудем, что в трех главнейших странах Европы — Англия, Германия, Франция — число рабочих составляет 54 миллиона; что, в конце - концов, реформисты охватывают своей организацией лишь меньшинство рабочих; что даже за последние «спокойные» 1 — 2 года «стабилизации» в Европе ощущались такие подземные толчки, как всеобщая стачка в Англии, восстание в Вене, могучие демонстрации по поводу казни Сакко и Ванцетти и т. п.

Коммунизм неизбежно победит в Европе и во всем мире. Одной из важнейших предпосылок ускорения этой победы является правильная оценка социал-демократии. Из всей совокупности обстоятельств вытекает, что социал-демократия есть теперь буржуазная рабочая партия контрреволюции, т.-е. по составу своему партия еще в значительной мере рабочая, но искусно направляемая буржуазией и имеющая главной задачей борьбу против мировой пролетарской революции.

Социал-демократия есть уже теперь партия буржуазная. Кто это забыл, тот неизбежно наделает ошибок (правых). Социал-демократия есть еще и теперь партия в значительной мере по составу рабочая. Кто это забыл, тот неизбежно наделает ошибок (ультра-левых). Чтобы избежать и тех и других ошибок; чтобы суметь стать не на словах только, а на деле единственной рабочей партией во всем мире; чтобы суметь, в частности, по-ленински применить тактику единого фронта снизу,—словом, чтобы суметь проложить большевизму широкую дорогу во всем мире, — нам нужно научиться правильно оценивать современные с.-д. партии, как буржуазные рабочие партии контрреволюции.

Каждый вершок, приближающий нас к победе над с.-д., приближает нас и к окончательной победе над буржуазией.

А. Блюменталь.

Первый опыт массовой контрактации зерновых культур.

Проведенная системой Хлебоцентра в текущем 1928 году весенняя и осенняя контрактации были первым опытом широкой контрактации зерновых культур. До XV с'езда партии мы имели опыт массовой контрактации технических культур, которым противостоит на рынке не распыленный потребитель, а об'единенная государственная промышленность. Сейчас мы имеем опыт массовой контрактации продовольственных культур, где распыленному производителю противостоит на рынке еще недостаточно организованная масса потребителей. Поэтому будет чрезвычайно ценным подвести всесторонние итоги проведенной системой хлебной с.-х. кооперации весенней и осенней контрактации зерновых культур и сделать на основании их надлежащие выводы для новой кампании по контрактации зерновых культур в 1929 году, которую правительство наметило значительно расширить и подготовку к которой необходимо начать немедленно.

Как проводилась весенняя контрактация?

Какие задачи поставила партия перед хлебной с.-х. кооперацией в связи с весенней контрактацией? Эти задачи можно кратко изложить так:

1) Всемерное расширение посевных площадей под продовольственными и техническими зерновыми культурами.

2) Дальнейшее повышение производительности мелкого и среднего крестьянского хозяйства, увеличение его урожайности и товарности.

3) Широкая производственная помощь бедняцким и маломощным середняцким хозяйствам.

4) Массовое производственное кооперирование единоличных крестьянских хозяйств.

5) Всемерное укрепление зернового хозяйства существующих колхозов и простейших производственных об'единений.

6) Массовый перевод крестьянских хозяйств на рельсы планового производства и сбыта зерна по заказам хлебной с.-х. кооперации.

Система Хлебоцентра провела четыре вида контрактации зерновых культур: 1) контрактация сортовых посевов селекционными семенами госсортфонда в целях создания сплошных массивов односортного, высококачественного товарного зерна, 2) контрактация рядовых крестьянских продовольственных и кормовых культур в целях расширения посевов бедняцких и маломощных середняцких хозяйств в районах недовосстановленной посевной площади, 3) контрактация технических зерновых культур в целях обеспечения промышленности сырьем и 4) контрактация специальных зерно-

вых культур в целях создания высококачественного экспортного товара и развития его вывоза.

Все эти виды контрактации обязывали посевщиков не только к организованной сдаче товарной части урожая с законтрактованной площади, но и к существенной рационализации производства зерна. Договоры о контрактации, как правило, заключались с индивидуальными крестьянскими хозяйствам, организующимися в простейшие производственные об'единения или в коллективные хозяйства. Договоры предусматривали обязательное введение посевщиками агрикультурных улучшений, способствующих под'ему урожайности и товарности крестьянских хозяйств, как-то: своевременная и достаточная вспашка земли, очистка и протравливание семян, своевременный и, по возможности, рядовой посев, полка сорных трав и т. д.

Главными стимулами для заключения договоров о контрактации служили следующие мероприятия системы Хлебоцентра:

1) снабжение посевщиков чистосортными семенами, обеспечивающими высокий и устойчивый уровень урожая (при чистосортной контрактации),

2) гарантия посевщикам надбавки к конвенционной цене за сортность в размере 10—15% (при чистосортной контрактации),

3) выдача посевщикам денежной ссуды под будущий урожай на обработку земли и посев (при контрактации рядовых, технических и специальных культур),

4) усиленная производственная помощь бедняцким и маломощным середняцким хозяйствам (денежный аванс сверх семян при чистосортной контрактации, увеличенная денежная ссуда при остальных видах контрактации).

5) льготное снабжение товариществ посевщиков сложными машинами для организации общественной обработки законтрактованных площадей.

План контрактации и его выполнение.

К весенней контрактации посевов зерновых культур надо было готовиться еще с осени прошлого года, чтобы захватить зяблевую вспашку. Между тем, решение о контрактации было принято правительством только весною 1928 года (9 февраля). Средства на проведение весенней контрактации были отпущены еще позже (начиная с 15 марта). Вся работа проводилась в ударном порядке.

Тем не менее, план контрактации яровых посевов был выполнен системой хлебной с.-х. коперации с громадным превышением. Вместо предположенных полутора миллионов гектаров законтрактовано было в пределах РСФСР 2.284.187 гектаров, что составляет 149,5% плана. Из этого количества на пшеницу падает — 796.056 гектаров или 35%, на подсолнух—1.024.160 гектаров или 44,8%, на ячмень—103.500 гектаров или 4,5%, на овес—115.784 гектаров или 5%, на кукурузу—132.837 гектаров, или 5,8%, на бобовые—42.150 гектаров или 1,4% и на просо, гречиху—остальное. По отдельным культурам выполнение плана получилось еще большее. Особенно большое превышение плана мы имеем по подсолнуху (на 334%).

Всего весенняя контрактация охватила около миллиона крестьянских хозяйств. На каждое крестьянское хозяйство пришлось в среднем по 2 гектара законтрактованной площади.

Значительное превышение планов весенней контрактации об'ясняется тем, что бедняцко-середняцкое большинство деревни встретило контрактацию зерновых культур очень хорошо. Если бы было больше семян и если бы подготовка к контрактации яровых началась более своевременно, то, несомненно, удалось бы законтрактовать еще больше.

Расширение посевных площадей и массовое агрикультурное воздействие.

Привела ли весенняя контрактация к расширению посевных площадей под яровыми зерновыми культурами? Точных цифр об этом у нас еще нет. Но по общим впечатлениям с мест—безусловно привела. Особенно много сделали в смысле расширения посевов колхозы и зерновые товарищества посевщиков. Многие бедняки удвоили свои посевы. Колхозы местами расширили посевную площадь на 25—30% и больше.

Зерновые товарищества в ряде случаев обработали большие залежи. Можно считать, что в контрактованном весною секторе крестьянского зернового хозяйства мы получили расширение посевных площадей примерно на 10—15%.

Что дала весенняя контрактация в смысле под'ема урожайности крестьянских хозяйств? Насколько она была контрактацией производственной, а не только товарной? Мы уже говорили, что подготовка к ней сильно запоздала, что она проводилась в ударном порядке. К этому надо прибавить, что система хлебной с.-х. кооперации весной 1928 г. только начала создавать свой агрономический аппарат и не была в состоянии обеспечить посевщиков надлежащим агрономическим обслуживанием. Все это не могло, конечно, не умалить производственного содержания весенней контрактации. Тем не менее, влияние весенней контрактации на крестьянское зерновое производство было крупным. Во-первых, контрактация имела своим результатом значительное расширение площади посевов чистосортного зерна—на 686 тысяч гектаров. Около одной трети миллиона крестьянских хозяйств заменили беспородный посевной материал высококачественным и породистым семенным материалом, способным дать повышенный урожай высокоценным зерном. Такое широкое распространение высокосортного семенного материала имеет место впервые в крестьянском зерновом хозяйстве.

Чистосортные семена засевались сплошными массивами. Местами на чистосортные посевы перешли целые волости, почти целый кантон (Немреспублика), целый округ (в Терском округе), где вся площадь под подсолнухом засеяна в этом году чистосортными семенами. В Тульской губернии 40% всей посевной площади под овсом засеяно в этом году чистосортным шатиловским овсом. Произведенное летом органами Наркомзема обследование сортовой чистоты законтрактованных посевов (апробация посевов) дало за небольшим исключением положительные результаты.

Во-вторых, весенняя контрактация вызвала широкую очистку и протравливание семян. Массовая очистка и протравливание семенного материала, увеличение его всхожести является одним из наиболее верных способов повышения урожая и имеет также первостепенное агрикультурное значение.

В-третьих, весенняя контрактация зерновых культур обязывала товарищества посевщиков более тщательно подготовить участки земли к посеву, своевременно и достаточно вспахивать и бороновать землю, произвести посев тоже своевременно, с достаточной густотой, глубиной и равномерностью заделки семян и, во всех возможных случаях, рядовым посевом, надлежащим образом убирать и хранить урожай с законтрактованной площади. Несомненно, что в известной части эти агрикультурные улучшения получили массовое применение.

В-четвертых, законтрактованная весною площадь получила немало машин. Характерно, что 35% всех вновь возникших в связи с весенней контрактацией простейших производственных об'единений—машинные товарищества (2.585). А если взять все вновь возникшие

с весенней контрактацией производственные об'единения, не только простейшие, но и колхозы, которые получили машины в первую очередь, а также охваченные контрактацией ранее существовавшие простейшие производственные об'единения и колхозы,—то окажется, что значительная часть законтрактованной весной площади была обеспечена машинами.

Наконец, большое производственное значение имеет проведенное в связи с контрактацией укрупнения посевных площадей и переход на общественную обработку земли. Весенняя контрактация охватила целиком 902 земельных общества, преимущественно землеустроенных, из которых 142 перешли в полном составе на устав посевного (зернового) товарищества. Это имело место прежде всего при контрактации чистосортных посевов. Охват контрактацией целых земельных обществ и селений приводит к массовому, почти поголовному кооперированию крестьянского населения. При контрактации сортовых посевов товарищества посевщиков обязывались выделять посев чистосортных семян в общий клин. Все вновь образованные в связи с весенней контрактацией коллективные хозяйства и не малая часть посевных (зерновых) товариществ ввели у себя общественную обработку земли.

Мы еще не получили исчерпывающих сведений о том, каков урожай на законтрактованных полях. Но все дает основание полагать, что он будет в среднем выше, чем на незаконтрактованной земле. Особенно значительное превышение урожайности дадут чистосортные посевы.

Производственная помощь бедноте.

Производственная помощь бедняцким и маломощным крестьянским хозяйствам была оказана в процессе проведения весенней контрактации очень большая. При чистосортной контрактации беднота получила семена и, кроме того, денежный кредит на обработку земли (в размере 5 рублей на гектар). При контрактации рядовых посевов или технических культур беднота получила усиленный денежный аванс на обработку земли.

Система Хлебоцентра проводила при контрактации диференциацию авансов в зависимости от мощности хозяйств посевщиков. Как правило, беднота получала вполтора раза больше.

Практика выявила весьма важную роль весенней контрактации в освобождении бедноты от кулацкой зависимости. Получение беднотой семян и значительных денежных ссуд под будущий урожай, об'единение в товарищества, введение в хозяйство агротехнических улучшений,—все это вытесняло кулацкую аренду земли у бедняков, кулацкую семссуду, машинопрокат, денежный кредит, позволяло бедняцким хозяйствам своими силами справиться с яровой страдой и повысить товарность своего хозяйства. Беднота получила возможность освоить землю без помощи кулаков. Контрактация зерновых культур содействовала в очень значительной мере организации бедноты для противодействия кулачеству и помогала ей хозяйственно подняться.

Охват простейших производственных об'единений.

Хлебная с.-х. кооперация широко использовала все виды контрактации для производственного кооперирования индивидуальных крестьянских хозяйств. Договоры о контрактации, как общее правило, заключались не с отдельными хозяйствами, а с группами посевщиков, об'единенными в простейшие производственные об'единения. В связи с контрактацией возникло

7.368 простейших производственных об'единений (4.783 уставных зерновых товариществ и 2.585 машинных товариществ) и около 4.100 коллективных хозяйств. Особого внимания заслуживают зерновые товарищества посевщиков. Зерновые товарищества посевщиков, или просто посевные товарищества, это—новый тип простейших производственных об'единений, впервые возникший в связи с весенней контрактацией зерновых культур. Как правило, зерновые товарищества посевщиков выгодно отличаются от всех других простейших производственных об'единений более многочисленным составом членов, более рациональной постановкой зернового хозяйства и большей плановостью производства и сбыта зерна. Всего у зерновых (посевных) товариществ законтрактовано 367.800 гектаров.

Помимо вновь возникших об'единений договоры о контрактации широко охватили также и уже ранее существовавшие простейшие производственные об'единения. По последним данным в пределах РСФСР насчитывается около 32.000 простейших производственных об'единений. А весенней контрактацией охвачено, вместе с вновь организованными об'единениями, около 23—24 тысяч простейших производственных товариществ, т.-е. 73% их общего количества. Всего у разного вида простейших производственных об'единений законтрактовано 1.038.800 гектаров или 45,4% всей законтрактованной площади.

Часть об'единений посевщиков, заключивших договоры о контрактации, благодаря ударному характеру кампании не удалось еще перевести на устав. Контрактация рядовых посевов бедняцких и маломощных хозяйств в районах недовосстановленной посевной площади дала 42% посевщиков, не об'единенных в уставные производственные об'единения. Контрактация подсолнуха дала 41% посевщиков, не об'единенных в уставные производственные об'единения. Наименьший процент договорных об'единений дала контрактация чистосортных посевов — 11%.

Таким образом, контрактация показала себя могучим фактором производственного кооперирования крестьянского зернового хозяйства.

Охват колхозов.

На ряду с массовым охватом индивидуальных хозяйств яровая контрактация зерновых культур широко охватила коллективные хозяйства. У последних законтрактовано 488.816 гектаров или 21,4% всей законтрактованной площади. Контрактация посевов чистосортных семян охватила 5.166 колхозов, контрактация рядовых посевов—5.252 колхоза, контрактация подсолнуха—4.852 колхоза и контрактация ячменя—1.399 колхозов. Всего весенней контрактацией зерновых культур охвачено и вовлечено в ряды хлебной с.-х. кооперации около 10 тысяч колхозов. Из них 4.100 колхозов, вновь образованных в значительной мере в связи с весенней контрактацией. В среднем на каждый колхоз приходится по 25,4 гектара чистосортных посевов, по 27,9 гектара рядовых посевов, по 11,9 гектара масличного подсолнуха, по 6,4 гектара ячменя и т. д.

По сведениям Колхозцентра, яровая посевная площадь колхозов под зерновыми культурами охвачена контрактацией в пределах РСФСР на 52,7%. Посевная площадь под яровыми культурами увеличилась в колхозах на 76,5%. Посевы чистосортных семян составили 21,7% общей площади ярового клина, в то время как у единоличников они составляют всего 5% ярового клина. 90% посевного материала колхозов было отсортировано.

Всего колхозов в пределах РСФСР насчитывается около 21.800. Из них не менее 80% находятся в хлебопроизводящих районах и должны быть причислены к зерновым колхозам, так как зерновое хозяйство в них преобладает. Таким образом, весенняя контрактация зерновых

культур охватила не менее 50% всех колхозов и не менее 57% всех зерновых колхозов в пределах РСФСР.

Охват вновь возникших нынешней весной колхозов немного мотстает от охвата старых колхозов. Из 10 тысяч охваченных весенней контрактацией колхозов 4.100, как уже отмечено выше, новых колхозов. Контрактация показала себя, как могучий фактор роста колхозного движения и его вовлечения в общую систему с.-х. коперации. Охват хлебной с.-х. кооперацией половины всех колхозов является, несомненно, крупнейшим достижением весенней контрактации зерновых культур.

Укрепление союза рабочего класса с бедняцко-середняцкими массами крестьянства.

Какое политическое значение имела весенняя контрактация зерновых культур? Практика показала, что производственная контрактация зерновых культур является одним из самых действительных средств дальнейшего укрепления союза рабочего класса и бедноты с середняцким большинством деревни. Контрактация зерновых культур показала себя, как наилучшая форма широкой производственной помощи бедняцким и маломощным середняцким хозяйствам.

Успешное проведение контрактации в особо ударных условиях говорит о росте доверия к советской власти со стороны бедняцких и середняцких масс. Кулачество всячески пыталось предупредить контрактацию, заблаговременно опутывая бедноту своими сделками. Кулачество выступало против засева той или иной культуры в общем клину (при чистосортных посевах), противодействовало организации новых зерновых товариществ. Но беднота и большинство середняков в общем дали кулачеству дружный отпор.

Главный недочет—запоздание.

Первый опыт массовой контрактации зерновых культур не мог пройти без существенных недочетов. Основной недочет весенней контрактации, источник всех других ее недочетов, это—отсутствие заблаговременной подготовки к ней. Можно законтрактовать будущий урожай накануне самого посева или даже после посева, но это будет в основном товарная, а не производственная контрактация. Контрактация зерновых культур только тогда может быть в полном смысле этого слова производственной контрактацией, когда она охватывает и предпосевную подготовку: снабжение семенами, инвентарем, обработку земли и т. д.

Запоздалое проведение контрактации иногда становится почти вовсе невозможным также и потому, что кулачество своевременно заключает с беднотой и маломощными середняками предпосевные сделки на аренду земли, кредит, машинопрокат и т. д. В практике контрактации отмечены случаи отказа бедноты и маломощных середняков от контрактации по той причине, что кулаки связали их всевозможными сделками эа счет будущего урожая.

Отсутствие своевременной подготовки к весенней контрактации зерновых культур, ударный характер ее проведения сказались на участии в ней агрономического персонала. Хлебная с.-х. кооперация начала создавать свой агрономический аппарат только зимой и сколачивала его в самый разгар весенней контрактации. Руководство кампанией по весенней контрактации сплошь и рядом было в руках универсальных союзов с.-х. кооперации. Агрономов на местах было очень мало, агрономов, понимающих значение контрактации, было еще меньше, не было твердой финансовой базы для агроработы хлебной с.-х. кооперации. Агроаппарат Наркомзема и Колхозцентра был недостаточно привлечен к проведению контрактации зерновых культур.

Ударный характер проведения весенней контрактации зерновых культур имел своим последствием также почти полное отсутствие организованной увязки весенней контрактации с плановым машиноснабжением законтрактованных хозяйств. Происшедшая в процессе проведения весенней контрактации довольно широкая стихийная увязка ее с машиноснабжением еще более подчеркивает отсутствие организованной увязки, как недостаток весенней контрактации. Совершенно не был использован в весеннюю контрактацию опыт организации тракторных колонн.

Весьма существенным недочетом весенней контрактации необходимо признать также и отсутствие какой-либо организационной увязки массовой контрактации зерновых культур с мероприятиями Наркомзема в области землеустройства, мелиорации, борьбы с вредителями, снабжения крестьянских хозяйств тяговой силой, скотом и т. д.

Совершенно отсутствовало в весеннюю контрактацию зерновых культур использование в целях расширения контрактации направляемых в деревню общих кредитов.

Значительным недочетом весенней контрактации необходимо признать также все-таки далеко не полный охват зерновых коллективных хозяйств.

Охват контрактацией простейших производственных об'единений тоже нельзя признать достаточным. Огромная часть производственных об'единений охвачена контрактацией только по линии подсолнуха без участия основных зерновых культур.

Существенным недостатком весенней контрактации зерновых культур необходимо признать также слабое организационное обслуживание вновь возникших в связи с контрактацией производственных об'единений. Система Хлебоцентра не могла перенапрягаться весною этого года в самый разгар хлебозаготовок и только летом этого года взяла курс на решительную специализацию системы хлебной с.-х. кооперации. А универсальные низовые с.-х. кооперативы, обремененные самыми разнообразными кредитными, снабженческими и заготовительными функциями, не были в состоянии уделить много внимания вопросам организационного и агрономического обслуживания всех производственных об'единений своего района.

Опыт весенней контрактации зерновых культур наглядно свидетельствует нам о том, что контрактация зерновых культур призвана сыграть крупнейшую роль в классовой борьбе деревни. Между тем, мы не можем сказать, что деревенские общественные организации уделяли достаточно внимания контрактации. Дело это новое и местами даже партийные организации не знали, как его проводить. С собраниями бедноты весенняя контрактация почти не была увязана. Комитеты взаимопомощи почти не принимали в ней организованного участия. Ячейки ВЛКСМ, избы-читальни, учителя тоже сделали очень мало для контрактации. Во всяком случае практического подхода к нуждам законтрактованных хозяйств, вновь возникших товариществ было чрезвычайно мало. Слабая мобилизация деревенской общественности—один из существенных недочетов весенней контрактации зерновых культур.

Наконец, одним из недочетов весенней контрактации зерновых культур нельзя не признать ее краткосрочный, сезонный характер. Опыт весенней контрактации со всей силой поставил в повестку дня вопрос о переходе к долгосрочной контрактации. Трехполка является сильнейшим тормозом развития крестьянского зернового хозяйства. Основным путем к культурному зерновому хозяйству является избрание правильного, рационального севооборота. Землеустройство может дать полный производственный эффект

только при введении правильного, рационального севооборота. Такие задачи, как задача под'ема урожайности крестьянских зерновых хозяйств, не могут быть разрешены в один сезон или год. Социалистическое переустройство зернового хозяйства требует долгосрочных капитальных вложений (машины, скот, мелиорация, здания и т. п.). Разрешение задачи удвоения урожайности зернового хозяйства в течение ближайшего десятилетия, задачи коренного переустройства распыленного, дробного, технически отсталого крестьянского хозяйства и создание крупного кооперативного зернового хозяйства будет в огромной мере облегчено и ускорено с применением долгосрочной контрактации зерновых культур, тесно увязанной с введением улучшенных севооборотов, с проведением рационального землеустройства, с капитальным строительством в зерновом хозяйстве и его долгосрочным кредитованием.

Озимая контрактация.

Озимая контрактация зерновых культур запоздала еще более, чем весенняя. Решение о контрактации озимых посевов зерновых культур было принято правительством только 21 июля. Средства для финансирования контрактации были разассигнованы на места спустя 10 дней. Практически к организации кампании было приступлено только в августе.

Нормальному развитию озимой контрактации помешали также неблагоприятные метеорологические условия. Промежуток времени между уборкой и озимым севом весьма незначителен и в обычных метеорологических условиях. А в этом году благодаря непрерывным дождям, вызвавшим значительное запоздание в созревании урожая и сильно затянувшим уборку, промежуток времени между уборкой и севом в ряде районов еще более сократился. Население находилось почти все это время в поле и его трудно было собрать для обсуждения вопросов контрактации и для заключения договоров.

Все это обусловило недостаточную организационную и хозяйственную подготовку кампании, отсутствие увязки плана контрактации с планом машиноснабжения, крайне слабое использование ее для внедрения агрикультурных улучшений в контрактуемые хозяйства и т. п.

Постановление правительства о контрактации не содержало никаких указаний о цене, по которой будет производиться оплата законтрактованной продукции. Это положение использовало кулачество, распространяя слухи, что законтрактованная продукция будет забираться впоследствии по низким ценам. Преимущества, которые были установлены правительственным декретом для законтрактованных хозяйств (надбавки за партионность и срочность сдачи), имели слишком неопределенный характер и не могли служить достаточным стимулом для перехода к новым формам производства и сбыта. Авансы, выдаваемые посевщикам, были значительно снижены, по сравнению с весенней контрактацией.

Несмотря на указанные затруднения и недочеты кампании, план контрактации, намеченный по РСФСР в количестве 3.600.000 гектаров, выполнен Хлебоцентром, по сведениям на 1 октября, следующим образом:

Наименование культур.	План.	Выполнено.	% выполнения.
Чистосортная пшеница	233.473	277.047	118,9
„ рожь	83.741	73.024	87,3
Итого чистосортных	317.214	350.071	110,3

Наименование культур.	План.	Выполнено.	% выполнения.
Рядовая пшеница	1.505.500	1.403.436	93,3
„ рожь	1.625.000	1.374.218	84,7
Рядовой ячмень	42.000	19.693	46,8
Итого рядовых	3.172.500	2.797.347	88,1
Всего	3.489.714	3.147.418	91,9

Озимая контрактация дала громадное увеличение законтрактованной площади по сравнению с яровой контрактацией этого года (на 37%). Совершенно несомненно, что озимая контрактация будет иметь еще более громадное значение, чем яровая. Она охватила около полутора миллионов крестьянских хозяйств. Она охватила новые районы, где раньше контрактация не проводилась. Она застала системы Хлебоцентра и Колхозцентра все-таки более подготовленными. Она, вероятно, охватит количественно больше колхозов и простейших производственных об'единений. Она, вероятно, даст больше в смысле вытеснения кулацкой аренды и производственной «помощи» бедноте. Но сколько-нибудь значительных качественных улучшений по сравнению с яровой контрактацией от озимой контрактации ждать не приходится. Озимая контрактация зерновых культур проводилась в еще более ударном порядке, чем яровая. Не было никакой возможности в достаточной мере увязать озимую контрактацию с проведением агрикультурных улучшений, с машиноснабжением и производственным кооперированием законтрактованных хозяйств. Чрезвычайно запоздавшее созревание и уборка хлеба нового урожая почти не оставили времени для очистки и протравливания семян. Машиноснабжение, как правило, было проведено ранее декрета об озимой контрактации. Далеко не все законтрактованные новые производственные об'единения крестьянских хозяйств удалось перевести на устав.

Однако, даже в таких трудных условиях озимая контрактация сыграет громадную роль. Она была неразрывно связана с организацией широкой производственной помощи бедноте. По всем сведениям с мест, она дала значительное расширение посевов в бедняцких и маломощных середняцких хозяйствах и вытеснение кулацкой аренды.

Озимая контрактация, несомненно, содействовала также введению агрикультурных улучшений в крестьянские зерновые хозяйства. В частности, в связи с контрактацией созданы новые массивы чистосортных озимых посевов на площади 386 тысяч гектаров.

Выводы.

Какие выводы можно сделать из опыта двух первых кампаний по массовой контрактации основных культур сельского хозяйства? Выводы можно и должно сделать совершенно определенные:

1) Несмотря на громадные недостатки в организации и практике проведения ее, контрактация зерновых культур в яровую и озимую посевные кампании вполне оправдала ту оценку контрактации, как «одного из важнейших средств кооперирования самого крестьянского производства», какую ей дал XV с'езд партии. Весенняя контрактация зерновых культур перевела первый миллион крестьянских хозяйств на рельсы планового производства и сбыта зерна. Осенняя контрактация вовлекла в плановое производство и сбыт зерна уже полтора миллиона крестьянских хозяйств. Опыт контрактации зерновых культур наметил новые пути сбыта крестьянского зерна, которые должны в корне изменить современные методы хлебозаготовок и характер

хлебоснабжения страны. Он выявил новые пути массового переустройства распыленных, дробных и технически крайне отсталых крестьянских хозяйств на началах крупного обобществленного зернового производства. Опыт контрактации зерновых культур еще раз подтвердил, *что контрактация есть уже практически провереиная форма осуществления леиинского кооперативного плаиа и является одним из основных каналов проведения в жизнь решения XV с'езда партии о «вовлечении в кооперацию в течение ближайшего периода всей бедноты большинства середняков»*.

2) Контрактация зерновых культур наметила *новые формы смычки между социалистическим городом и деревней*, новые плановые формы тесного экономического союза рабочего класса и деревенской бедноты с центральной фигурой современного земледелия—с середняком.

3) Контрактация зерновых культур является *лучшей формой широкой производственной помощи бедноте* и проведения в жизнь директивы XV с'езда партии—«усилить борьбу за высвобождеиие маломощных, безынвентарных крестьянских хозяйств из-под зависимости от кулацких злементов».

4) Контрактация является одной из *наиболее действительных форм организованного экономического наступления на кулачество* путем вытеснения кулацкой земельной аренды, замены кулацкого машииопроката и кредита; охватывая целые селения, контрактация подчиняет кулацкое зерновое производство и сбыт продукции государственному контролю.

5) *Контрактация зерновых культур наметила пути массовой рационализации зернового хозяйства колхозов и простейших производствеиных об'единений и является мощным рычагом дальнейшего роста колхозов и простейших производственных об'единений крестьянских хозяйств.*

6) Контрактация зерновых культур, охватывающая целые селения и районы, а в особенности долголетияя коитрактация, *создает наиболее благоприятную обстановку для применения методов массового и комплексно-гнездового воздействия на крестьянское хозяйство.*

7) Отпуск государствеиных средств на под'ем крестьянского зернового хозяйства может дать наибольший производствеиный эффект *при условии максимальной увязки его с контрактацией*, которая обеспечивает использование этих средств *под контролем и по планам государства.*

Народнохозяйственное значение контрактации.

XV с'езд партии отметил чрезмерное отставание сельского хозяйства от темпа индустриализации страны и постановил предусмотреть в пятилетнем плане развития народного хозяйства обеспечение растущих потребностей страны в товарном зерне. Июльский пленум ЦК признал, что крайне низкий уровень сельского хозяйства, особенио его зерновой отрасли, «таит в себе опасность разрыва между социалистическим городом и мелкокрестьянской деревней» и что «зерновая проблема является одной из серьезнейших проблем хозяйственной политики». Массовая контрактация зерновых культур имеет решающее значение для разрешеиия зерновой проблемы.

В текущую хлебозаготовительную кампаиию государство получает 0,8—1,0 млн. тонн закоитрактованного хлеба. Положительное влияние контрактации сказалось на громадном росте удельного веса с.-х. кооперации. В плановых заготовках страны, удельный вес хлебной с.-х. кооперации обнаружил в эту кампанию бурный рост. Хлебозаготовки с.-х. кооперации увеличились по сравнению с прошлогодней кампанией в $2\frac{1}{2}$ раза. Об этом говорит нижеследующая таблица:

Заготовки за первые кварталы 1927/28 г. и 1928/29 г. по РСФСР (в тоннах).

Заготовители	1927/28 г.		1928/29 г.	
	Загот.	Удельн. вес.	Загот.	Удельн. вес.
Союзхлеб	560.639	46,3	557.833	31,9
Центросоюз	320.543	26,4	420.392	24,1
Хлебоцентр	330.871	27,3	769.756	44,0
Всего	1.212.053	100,0	1.747.981	100,0

Этот рост удельного веса с.-х. кооперации об'ясняется специализацией системы и в особеиности контрактацией посевов.

В будущую яровую кампанию опыт контрактации нынешнего года должен быть полностью учтеи и недостатки ее устранены. Система Хлебоцентра уже приступила к контрактации яровых посевов 1929 года. Яровая контрактация 1929 г. будет первым опытом *своевременно* подготовленной *производственной* контрактации зерновых культур. План яровой контрактации намечается на громадной площади в 10 млн. гектаров в пределах СССР (в пределах РСФСР в 7 млн. гектаров). План чистосортных посевов установлен Хлебоцентром около 3 млн. гектаров, в пять раз больше, чем в яровую кампаиию нынешнего года. *Согласно плану контрактации чистосортных посевов договоры будут заключаться исключительно с целыми земельными обществами, организованными в производственные об'единеиия, и во всех возможных случаях с целыми группами смежных друг другу земельных обществ.* Своевремеиное проведение коитрактации обеспечит возможность непосредствеиной увязки ее с плановым машиноснабжением и с осуществлением широких мероприятий по расширению посевных площадей и поднятию урожайности крестьянских зерновых хозяйств. В частности, на всей закоитрактованной площади чистосортных посевов проводится зяблевая вспашка. Выполнение намеченного плана контрактации зерновых культур обеспечит плановое поступление в распоряжение государства 3,3—5 млн. тоин закоитрактованного хлеба, что явится крупным шагом к оздоровления хлебного рынка.

В. Яковлев.

За качество руководящей работы.

Нас не может удовлетворять та практика руководства со стороны партийных комитетов, какую мы сейчас имеем. Как мы ведем руководящую работу аппаратами партийных комитетов?

Беру конкретный пример из работы Хамовнического РК. Мы, в свое время рассмотрев предложения треста Пестроткань, согласились на закрытие красильно-отделочного отдела Москворецкой ф-ки. На это предложение треста о закрытии половины фабрики было получено согласие и губотдела текстилей. Мотивы этого предложения трест выдвинул достаточно веские: «Несоответствие между прядильно-ткацкой и отделочной частью производственного аппарата треста, что удорожает продукцию». Начали разбирать машины, но фабричные организации подняли вопрос на пересмотр, «зашумели» рабочие. Работники РК пошли на фабрику, разобрались, и оказалось, что не учли только-что проведенной рационализации, стоящей свыше 100.000 руб., и того обстоятельства, что суровье можно получить со стороны. Отменили свое прежнее постановление, ф-ка работает до сих пор и хорошо.

Другой случай: за месяц до обследования комиссией МК ф-ки им. Свердлова Хамовнический РК обследовал состояние на ней массовой работы и признал, что массовая работа развертывается удовлетворительно, а спустя еще месяц то же бюро РК по докладу комисси МК признало слабость массовой работы, недостаточное привлечение к ней актива и т. д. Нашей прежней комиссией недостаточно внимательно было изучено состояние, все отрицательные факты не были освещены перед бюро РК. Комиссия состояла из тт., которые постоянно не занимаются массовой работой.

Третий пример: при рассмотрении итогов колдоговорной кампании, мы признали ее результаты удовлетворительными, а на самом деле мы имеем недостатки (хотя общий политический итог и является безусловно удовлетворительным: рост заработной платы, активность масс и т. д.). Некоторые статьи общей части колдоговора можно толковать и так и этак, — даже сами спорящие стороны никак не могут растолковать (ф-ка Ливерс, раздел «Коммунальные услуги»), а рабочим они безусловно непонятны. Такое важнейшее дело, которое поднимает значение колдоговора для рабочих масс, как его популярное изложение, его понятность массам, мы проглядели. Были жалобы, что обсуждение колдоговора широкими рабочими массами проходило вяло, а до причины не дошли. Можно было бы для иллюстрации привести еще факты, свидетельствующие о качестве нашей повседневной руководящей работы, они не специфически хамовнические, они найдутся в каждом партийном комитете.

При заслушании в партийных комитетах докладов о состоянии и работе целой организации, редки, почти совсем отсутствуют оценки работы, как «неудовлетворительной», слабой, тем паче, плохой, хотя такая работа кое-

когда имеет место. Как правило, пишут «работу признать (да еще «в общем и целом») удовлетворительной», после чего начинаем дальше резолюцию, как сказал тов. Коганович на Всесоюзном совещании по партийной информации: «констатируя известные достижения, необходимо отметить рядом с этим определенные недочеты. Попробуйте разобраться, что над чем превалирует — недочеты или достижения. Он (секретарь ячейки) вам и недостатки свои признал, и достижения признал, и об'ективные условия изложил». Происходит это потому, что мы, не изучив, не можем сказать, что главное, определяющее в работе этой организации, в чем именно основной стержневой недостаток или ошибка, устранение которой поднимет и двинет всю работу; вместо этого мы хотим сказать «все», стесняемся дать прямую оценку и выносим расплывчатую резолюцию: нельзя не признать, но нельзя и не отметить и т. д.. Это говорит за то, что аппараты парткомитетов работают еще плохо.

Качество работы недостаточно высоко. Дело изучения отдельных отраслей работы, вопросов, изучение опыта у нас не поставлено так, чтобы в результате вырастала директива, которая была бы высоко авторитетна, была бы ведущим началом, на которой можно настаивать до конца и проверять ее проведение.

Как мы работаем в бюро партийных комитетов? Вносят доклад, докладывают, обсуждаем, принимаем на основе прений внесенную резолюцию «за основу», создаем комиссию, которой поручается разработать директиву. Фактически решает не бюро, а комиссия, а бюро обсуждает, подрабатывает, чтобы в комиссии был материал. Нужно от этой практики решительно отказаться, нужно установить следующий порядок: проработка (с привлечением актива, который имеет отношение к решаемому вопросу), изучение, комиссия, а потом бюро парткомитета. Этим путем мы достигаем привлечения партийного актива не только к «проработке», но и к «разработке» партдиректив.

Как неоднократно указывал на это тов. Угланов, нам в партийных комитетах нужно изучать вопросы на основе большей специализации, знать самим обсуждаемый вопрос, подготовлять для решения на основе большего разделения труда. Каждому работнику партаппарата быть специалистом своей отрасли работы, чтобы в результате выработать директиву, ведущую к под'ему работы.

Как ведет работу партаппарат? Беру инструктора РК,—он еще продолжает «работать ногами». Сокращение партаппарата привело к тому, что на каждого инструктора стало ячеек больше. Посещениями ячеек он свою базу физически обслужить не может, а если он это делает, то «работа ногами» усиливается до отказа. Правда, тут помощью служат помощники инструкторов в порядке добровольного инструктажа, но и это пока не облегчает положения. Для того, чтобы держать связь со своими ячейками и обслужить текущую работу, сейчас инструктора РК вызывают больше секретарей и тт. из ячеек к себе в райком и меньше бывают сами в ячейках.

Нужно подчеркнуть, что на обслуживание текущих вопросов уходит больше половины работы всего партаппарата. Прием товарищей в РК больше всего происходит по мелочам и вопросам, которые могут быть решены в ячейках или самими товарищами, которые приходят за разрешением того или иного вопроса. Нельзя быть против обслуживания текущей работы и приемов в РК,—необходимо это делать, это одна из форм связи партаппарата с массой,—но на практике это принимает такие размеры, что идет в ущерб работе по руководству, постановке и разработке основных вопросов. Текущая работа, эти мелочи нас забивают, подавляют работу аппарата по руководству. Усиленная текущая работа партаппарата есть

следствие того, что работники в ячейках боятся решать самостоятельно вопрос, нехватает смелости, но это в свою очередь происходит потому, что мы много решаем за них, что превращается в опеку.

Мне возразят: такая точка зрения есть непонимание необходимости Держать связь с массами. Наоборот, я хочу найти форму работы партийного комитета, усиливающую связь с массами. То, что мы имеем в интенсивном обслуживании текущей работы, это есть связь с низовым партаппаратом, но мы недостаточно проверяем ту работу в массах, которую он ведет на местах, недостаточно руководим этой важнейшей для нас работой. Совершенно правильно сказал тов. Молотов на пленуме МК (сентябрь 1928 г.): «В настоящих условиях связь партии с массами, прежде всего и главным образом, должна выразиться в том, чтобы как можно более широкие слои, именно новые слои рабочих, обязательно широкие слои беспартийных рабочих действительно бы участвовали в социалистическом строительстве, которое мы проводим». Нам надо ставить так руководство партаппарата, чтобы мы на деле умели вовлекать бо́льшие массы в дело социалистического строительства, надо думать и работать над этим, сделать это основой в работе партаппарата, а не обслуживание низовых органов в текущей работе, что необходимо, но не в той форме, когда оно превращается в опеку. Нам нужно добиться лучшего руководства массами на предприятиях со стороны ячеек, чтобы росло влияние партии в массах, воспитывать, «подымать их до уровня большой политики, больших вопросов», как указал тов. Угланов, учить пролетарской организованности. Нужно и самим руководящим работникам парткомитетов быть больше на предприятии, больше соприкасаться с рабочей массой, «чтобы руководителя знала масса,—тогда только он будет политическим руководителем» (Угланов). Наладить работу партаппарата, который обеспечивает успешное проведение отмеченных выше задач и будет укреплением связи с массами.

Не опекать по всем вопросам ячейки под видом решения текущих вопросов, не решать все в райкоме за ячейку, а решительно переложить на них самих решение текущих вопросов, не бояться, что на первых порах раз—другой ошибутся и даже испортят, зато научатся. Мы частенько забываем правило, что «на ошибках учатся». Ячейки должны развить больше самостоятельности в решениях своих вопросов, в каждой парторганизации и каждом члене партии должно быть развито чувство ответственности. Надо разгрузить парткомитеты, решительней переложив часть руководящей работы на фракции, на низшие звенья партаппарата с тем, чтобы в парткомитете сосредоточивались важнейшие дела, определяющие линию работы, чтобы руководство парткомитета было больше ведущим началом. В этом сейчас гвоздь вопроса.

Повысить качество работы—это значит ввести еще большее разделение труда в работе аппарата. Нужно прежде всего с этой целью вести распределение инструкторов орготдела не по базам ячеек (определенное число ячеек за каждым), а по видам работ. Орготдел ведет работу во многих областях: в хозяйственной, массовой, внутрипартийной и т. д., и его инструкторский аппарат сейчас должен быть разделен по основным отраслям работы, именно: один инструктор ведет изучение, суммирует опыт, подготовляет решения в области хозяйственной, другой — внутрипартийной, третий массовой работы, четвертый вузовской и т. д. Партийное просвещение, агитация, работа среди работниц, давно существует, как отрасль работы, имеющая свою часть аппарата, исключительно этим занимающуюся. Такое построение поведет к тому, что основные отрасли работы, будут охвачены большим руководством. Каждый работник аппарата будет иметь свою отрасль работы, на которой он будет постоянно сидеть, изучать, знать ее хорошо.

Связь партийного комитета с ячейками и обслуживание текущей работы должны быть обслужены кадром добровольных инструкторов, которые непосредственно должны быть связаны с одним лишь работником орготдела (зам. зав. орготделом). Кадр добровольных инструкторов установился, распределен он по ячейкам: 2—3 ячейки на каждого. Опыт их работы вполне оправдался. Значит, кадр добровольных инструкторов будет связан с инструктором парткомитета только по той отрасли, в которой он ведет работу. Инструктор парткомитета непосредственно не об'единяет вокруг себя добровольных инструкторов, вокруг инструктора парткомитета должен быть актив, состоящий из работников той отрасли, в которой он ведет работу. Пример: если инструктор ведет изучение массовой работы, то он располагает и опирается на актив массовых организаций—работников фабкомов, производственных совещаний, клуба, добровольных обществ, совета, кооперации. Инструктор по хозяйственным вопросам об'единяет, располагает и использует партийцев-директоров, их помощников, руководителей учреждений. Но этим нельзя ограничиться. По этому принципу должен делиться и актив ячейки (общезаводской, фабричный), будучи привлечен к работе партаппарата по своей отрасли.

Нам сейчас крайне необходимо, чтобы актив как-то специализировался, а не был беспредметным, работая «скопом» по всем отраслям. Это относится не только к кадрам актива в масштабе района, но и к крупным, во всяком случае, ячейкам. Этим путем мы добьемся при обсуждении вопросов более квалифицированной критики и выработки более действительного, авторитетного решения.

Предлагаемое здесь разделение труда в аппарате парткомитета даст возможность вести лучше учет опыта, иметь строгую преемственность в нем. А то у нас один и тот же вопрос изучается в разное время, разными комиссиями, в разном составе. Кончила работу комиссия по определенному поручению, разошлись работники, и добытый ими опыт теряется, и часто раз сделанную работу начинаем сначала. Это не только в области изучения вопросов, проработки их, но и в области проверки проведения директив. Мы иной раз, забывая директивы, выносим вторично аналогичную директиву, повторяемся и т. д. Нужен порядок, гарантирующий строгий и последовательный контроль в проведении директив.

Тот же работник партаппарата, который изучает определенную отрасль работы, ведет учет ее опыта, должен также вести изучение и учет работников, ведущих работу в этой отрасли. Пример: инструктор по хозяйственным вопросам изучает кадры хозяйственных работников; инструктор по массовой работе изучает кадры работников массовой работы, профработников (фабзавком), совета, кооперации. АПО ведет учет и изучает состав работников, ведущих пропагандистскую и агитационную работу, печати, культучреждений; отдел работниц—своих работников и т. д. Этот порядок дает возможность, ведя изучение определенной области, изучать работника на его работе, как он справляется, как выявляются его способности, как он растет. И выдвижение новых работников должно быть поставлено также в порядок и систему. Из того актива, с которым работает тот или иной работник партаппарата, наиболее успевающих он намечает к выдвижению на большую работу. Этим путем мы будем иметь определенный, изученный кадр выдвиженцев.

Нужен ли при такой системе учраспред? Сказать нет не могу, окончательно это должен показать опыт. Полагаю, что учраспред должен быть в качестве функционирующего отдела, занося у себя в материалы характеристику о том или ином работнике, взяв на учет во всю номенклатуру вновь выдвигающегося работника в той или иной области, и в нужное время представить его для выдвижения или назначения. Давно партией установлено,

что крупнейшее значение в партийной работе имели «подбор работников и проверка выполнения». Эти задачи стали основным звеном работы всего партаппарата, это стержневые организационные задачи. В настоящей статье я и ставлю вопрос о способах в работе, осуществляющих и проводящих в жизнь эти директивы партии.

Все, что предложено выше в отношении инструкторов и разделения партаппарата по видам работ, противоречит идее единого инструктажа партаппарата; решение о нем нужно поставить на пересмотр.

Важную роль в деле повышения качества партруководства играет информация. Сейчас это дело приобретает важное значение. Мне нужно немного добавить к тому, что сказал тов. Каганович на всесоюзном совещании по партинформации. В практике работы информ. отделов нужно создать такой актив, через который можно было бы своевременно иметь отражение живых, действительных фактов, выявляющихся в практике работы на местах. События, происходящие на предприятиях, которые приковывают внимание рабочих масс, должны получать своевременное отражение в партийном комитете. Парткомитету своевременно нужно знать, какие запросы у рабочих масс имеются, с тем, чтобы знать какого вида, о чем нужна информация с в е р х у вниз. Этим путем усилится связь рабочих масс с партией. Бывает, что работник партаппарата идет на предприятие и не знает, что больше интересует рабочую массу, о чем больше говорят. Наша информация недостаточно помогает в таких случаях. Бывает и то, что работники, идя на какое-либо предприятие, на собрание, совсем не пользуются информацией, не берут в партаппарате хотя бы те сведения, которыми здесь располагают. Как сделать информацию живой, быстро реагирующей на жизнь, как сделать более гибкой работу информации?

У нас есть по этой отрасли актив и основная его работа та, что он ведет учет настроений на собраниях, больше на партийных. Если даже этот актив бывал регулярно на всех рабочих собраниях и давал оттуда весь живой материал, то и это не решает дела. Нужно иметь информаторов на каждом предприятии не только приходящих, но постоянно живущих, работающих на предприятии из партактива ячейки. Мы иногда от рабкоров имеем более живой и значительный материал. Почему бы из рабкоров не создать такой кадр партинформаторов, который под углом критики давал бы освещение жизни своего предприятия? Нужно поставить на должную высоту дело информации сверху вниз и обратно, чтобы мы с ее помощью могли вести лучше учет работы по вовлечению рабочих масс, именно беспартийных, в дело социалистического строительства. Это есть вместе с тем задача установления бо́льшей связи партии с широкими рабочими массами.

Нужно внести более определенное понятие в слово «актив». Активист—не только тот, кто всегда выступает и умеет высказаться, а тот кто активен в какой-либо области партийной работы. Надо добиться такой постановки работы, чтобы мы имели рост партактива и его квалификации. Нужно актив парткомитетов сделать продолжением партийного аппарата, чтобы он был неразрывно связан с аппаратом, нес его работу. Сейчас работа расширилась не только чисто внутрипартийная (в связи с ростом парторганизаций), но по руководству и организации масс, по руководству хозяйством и культурной работой, что требует все нового и нового усиления в руководстве. На ряду с этим мы поставили задачу удешевления и сокращения партаппарата, чего мы частью и добились. Решительно становится необходимым еще больше работы партаппарата перекладывать на актив. Мы уже имеем добровольный инструктаж в парткомитетах. Нужно это дело расширять, чтобы ту работу, которую делал партаппарат, в значительных размерах переложить на партактив с тем, чтобы она делалась бесплатно, в порядке добровольного выполнения ряда обязанностей, как выполнение партнагрузки.

Работа партаппарата требует наиболее квалифицированных работников. Тут эта задача правильно решена ЦК по линии улучшения материального положения кадрового состава партаппарата. Нужно провести подбор более квалифицированных работников в самом партаппарате, чем те, которые должны выполнять директивы партаппарата. Пример: инструктор по хозяйственным вопросам должен быть не менее квалифицирован, чем х о р о ш и й директор. Так и по другим отраслям. Это нужно сделать решительно: этого требуют интересы повышенного партруководства.

В самое ближайшее время нужно добиться того, чтобы партруководство стало надлежаще квалифицированным. Самым квалифицированным должен быть партаппарат, четко работающий, умеющий не только быстро реагировать на запросы, на текущую жизнь, но и лучше организовать рабочие массы на дело социалистического строительства, поднимать все новые слои беспартийных рабочих, и новых рабочих в первую голову, воспитывать массы в коммунистическом, большевистском духе, подтягивать массы к уровню больших вопросов, большой политики. Решительней бороться с отсталостью масс, вести руководство хозяйством так, чтобы мы создавали все новые ведущие начала для роста хозяйства, чтобы социалистическое накопление росло все быстрее, чтобы социалистическое хозяйство шагало твердой поступью. Партийный аппарат, его руководство должно еще больше укреплять, сплачивать партийные ряды, воспитывая своих членов в большевистской партийности, решительно бороться и уметь бороться с уклонами от основной большевистской линии, преодолевать трудности умело, решительно, твердо, воспитывать дух воинствующего большевизма. Надо добиться более высокого качества руководства.

Н. Ленцнер.

„Броненосная" кампания и кризис реформизма в Германии.

Немецкая с.-д.—гордость Второго Интернационала, главный оплот капиталистической Германии—переживает кризис. Наличие этого кризиса признается всеми. О нем панически кричат буржуазный пацифист Герлах в своем «Welt am Montag» и лево-соц.-дем. журнал «Der Klassenkampf», о нем пишет и «наш» Абрамович. «Соц.-дем. находится в состоянии кризиса. После раскола в годы войны соц.-дем. не переживала еще такого тяжелого кризиса, как иынешний» (Герлах). «Партия переживает тяжелый кризис. 10 августа 1928 г. (день голосования с.-д. министров за ассигновки на постройку броненосца. *Н. Л.*) является черным днем рабочего движения. Его можно сравнить лишь с 4 августа 1914 г.» (Курт Розенфельд) [1].

Сейчас еще иет полной картины того кризиса, который переживает немецкая соц.-дем., ибо соц.-дем. печать тщательно скрывает резолюции, принимаемые на партийных собраниях, и еще более тщательно замалчивает ту критику (подчас стихийно коммунистического характера), которая раздается на этих собраниях. Но уже то, что проникло на страницы коммунистической печати [2], отчасти лево-соц.-дем. и буржуазной [3]) позволяет подвести некоторый итог.

Голосование соц.-дем. министров за ассигиовки на постройку броненосца вызвало бурю возмущения в массах соц.-дем. партии и ее избирателей. На партийном собрании в Эрфурте соц.-дем. функционер с предприятия образно выразил все возмущение с.-д. рабочих в следующих словах: «Надо было бы посадить этих 4 с.-д. министров на пароход, поехать вслед за ними на броненосец, за постройку которого они голосовали, и разнести в пух и прах этот пароход вместе с министрами» (den Dampfer mit den Ministern in Klumpen schiessen).

Еще не высохли чернила, которыми с.-д. писали избирательные плакаты: «тот, кто против постройки броненосца, тот голосует за список № 1», а с.-д. министры уже плюнули на эту избирательную программу. Соц.-дем. министры еще подлили масла в огонь, согласившись голосовать за ассигиовки без всяких прений [4], согласившись голосовать за ассигновки, хотя знали, что, в случае их голосования против ассигновок, с ними вместе голосовали бы и демократы, т.-е. нынешнее большинство кабинета.

---

[1]) См. его статью «Die Kreuzerkrisis» в № 17 «Der Klassenkampf».

[2]) При чем отчеты в ком. газеты доставляются участииками этих собраний. Реформистская печать в бессильиой злобе кричит о коммуи. «шпиках»

[3]) Интересио отметить, что демократическая газета «Montag Morgen», отражая иастроения перепуганных мелких буржуа, обрушилась иа с.-д. за их близорукую политику — «Неужели партийный вождь Герман Мюллер так важен (в правительстве. *Н. Л.)*, чтобы из-за этого расплачиваться перспективой превращения компартии в сильиейшую партию, а следовательио, и перспективой роста правого движения, а затем: параграф 48 или революция?».

[4]) «Левых» с.-д. фразеров особеиио возмущает тот факт, что вопрос об ассигиовках был решеи в совете мииистров в 5... мииут. Хоть поспорили бы для виду, тогда легче было бы защищаться, таков, примерио, смысл их критики.

1. Признаки кризиса.

Каковы призиаки партийного кризиса?

Этот кризис находит свое выражение:

Во-первых, в том, что все партийные собрания порицают образ действий с.-д. министров, почти все собрания требуют созыва рейхстага и голосования против последующих ассигновок на броненосец «А». Поток протестов партийных собраиий так велик, что, например, франкфуртская с.-д. газета обратилась даже с открытым письмом к своим местным корреспондентам, в котором она рекомендует не пересылать ей текстов решений по вопросу о голосовании с.-д. министров за постройку броненосца, чтобы этим-де исключить повторения.

Во-вторых, в том, что целый ряд партийных организаций (не только «левых», но и таких, как Кельн, Дюссельдорф и др., которые были оплотом официальной линии) требуют созыва чрезвычайного партийного с'езда, требуют выхода с.-д. министров из правительства, т.-е. требуют разрыва коалиции.

В-третьих, в том, что целый ряд партийных собраний (в Берлине, Саксонии, Бадеие, Тюрингии и др. районах) требуют исключения с.-д. министров из партии, требуют поддержки лозунга плебисцита, как известно, выставленного коммунистами, угрожают приостановкой партийной работы и прекращением уплаты членских взносов в случае, если ЦК партии не изменит своей линии. Такие резолюции были приняты в Хемнице, Плаузне и других городах. Партийное собрание в Плаузне в своей резолюции заявляло: «Местная оргаиизация Плаузна вносит предложение партийному правлению, тт. Мюллера, Гильфердинга, Зеверинга и Висселя из-за их вредного для партии поведения, исключить. Если это предложение не будет принято партправлением до ближайшего с'езда, внести его на обсуждение партс'езда».

На Хемницком активе резолюция об исключеиии из партии соц.-дем. министров была принята всеми голосами против 30.

Другая местная организация Обершлема (Саксония) на своем месячном собраиии постаиовила приостановить уплату членских взносов до тех пор, пока с.-д. министры не выйдут из правительства. В Мюнхене ряд кассиров сложили с себя обязанности, так как почти все члены с.-д. партии, с которых оии должны были собирать членские взносы, заявляли: «На броненосец мы взносов не платим».

Такая крупная и старая с.-д. организация, как лейпцигская, в своей резолюции от 23 августа заявляла, например, следующее: «Собрание считает, что одобрение милитаристских вооружений несовместимо с принципами партии и решениями брюссельского коигресса Соц. Интернационала... 4 с.-д. министра не пользуются больше доверием лейпцигской парторганизации, и партийная демократия требует того, чтобы был немедленно созван чрезвычайный с'езд. Далее лейпцигская организация требует от правления партии, чтобы оно со всей силой выступило за плебисцит, запрещающий морские вооружения».

В-четвертых, в том, что налицо миогочисленные факты отказа (в знак протеста против «броненосной» политики) с.-д. функционеров и членов партии от участия в вербовочной кампании партии [1]), выхода из партии ее старых членов и особеино выход молодняка из с.-д. союза молодежи, переход бывших и нынешних с.-д. функционеров и членов партии в ряды компартии и комсомола.

---

[1]) Так, напр., 10-й и др. районы Берлина приняли резолюцию, в которой говорится, что «актив отвергает всякую вербовочную работу в октябре, пока ие станет ясным, что броненосец не будет построен, а министры, одобрившие постройку броиеносца, ие будут удалены из партии».

В Берлине, например, 61 исключенных и вышедших из с.-д. партии и с.-д. союза молодежи, активистов подали коллективное заявление о вступлении в КПГ и комсомол. Интересно отметить, что 24 активиста молодежи не смогли поставить свои подписи под заявлением, ибо бюрократия с.-д. союза молодежи об'явила им, что в случае публичного перехода к коммунистам их имена будут сообщены предпринимателям и родителям, от которых эти юные товарищи экономически еще зависимы, и они будут подвергнуты принудительному воспитанию. Такие коллективные переходы налицо в Нюренберге, Ганновере и др. местах.

«Мы не можем защищать партию, нас рабочие шельмуют, как обманщиков»—так говорят с.-д. активисты, еще верные партии. На партсобрании в Грейце (Тюрингия) профсоюзный функционер Фарр, например, заявил: «Как можно теперь итти в массы и вербовать членов партии и абонентов. Тяжелее всего приходится функционерам на предприятии, которые бомбардируются разными вопросами» (иенское «Новое Время», от 7/IX).

Хемницкая с.-д. газета «Народный Голос» вынуждена признать, что «наши партийные товарищи в предприятиях в эти дни (т.-е. дни после голосования с.-д. министров. *Н. Л.*) находились в тяжелом положении. Коммунисты их высмеивают и пытаются оттянуть их от партии. Мы знаем, что многим нашим товарищам было нелегко противопоставить убедительные аргументы аргументам коммунистов».

«Народная Газета» в Плауэне поместила письмо одного функционера, который пишет: «Возмущение масс так велико, что требует не только выхода из правительства, но и исключения министров из партии. Что это, наши вожди ослепли, что ли? Имеют ли они хоть чуточку связи с массами, хоть какое-либо представление о тяжелой нищете забытого ими пролетариата? *Имеют ли эти товарищи понятие о том, что значит агитировать за нашу партию при таких условиях?* Было бы очень желательно, чтобы наши тт. министры сделали агитационный тур по стране и защищали свои деяния, *они увидели бы необыкновенные вещи.* Еще никогда возмущение не пускало таких глубоких корней, как ныне».

Факт кризиса доверия масс к с.-д., факт морального, а не только политического кризиса, должен был констатировать и руководитель берлинской организации—Кюнстлер. «Я не знаю сегодня, сможем ли мы быстро все это (кризис доверия. *Н. Л.*) преодолеть. Еще более серьезной, чем политическая сторона событий, является моральная сторона. Как мы будем в будущем выступать перед нашими избирателями и пропагандировать наши требования, если нам в ответ заявляют: *мы вам не верим*, и в качестве аргумента приводят нашу двойственную политику в вопросе о постройке броненосца. Я могу напомнить, как националистские избиратели отнеслись к обману националистов в связи с возмещением потерпевших от инфляции и какое фиаско потерпели националисты при снятии закона о так наз. «возмещениях за потери от войны». *Теперь все это коснется и нас*».

Нам стыдно, что мы с.-д.... Мы «потеряли веру в партию»—так говорят другие, поколебленные в своей реформистской вере [1]).

---

[1]) Интересно отметить, что на некоторых с.-д. собраниях рабочие с.-д. противопоставляли с.-д. вождям... Ленина. Так, напр., в отчете об уездной конференции в Дрездене, который был опубликован в комм. печати, отмечается, что под гром аплодисментов собрания один молодой функционер заявил, что «нужно брать пример с Ленина, который был не только смелым революционером и великим вождем, но и имел постоянно тесную связь с рабочими массами».

Подыгрываясь под настроение масс, «левые» докладчики, напр., Граф, на лейпцигском собрании также заявляли, что партийные вожди потеряли связь с массами. Граф заявил даже, что ему стыдно, что он социал-демократ.

На собрании ламбрехтской организации (Пфальц) была принята, напр., следующая резолюция: «Местная организация Ламбрехта единодушно заявляет, что голосование за постройку броненосца является актом, наносящим вред партии и *должно быть оценено, как предательство по отношению к немецкому пролетариату.* Собрание заявляет, что эти вожди не обладают больше доверием местной группы Ламбрехта» (цитирую по «Роте Фане» от 26 августа).

В своем отчете о партийном собрании в Плауэне (Саксония), местная с.-д. газета вынуждена была привести следующую выдержку из речи рабочего Низера: «*Четыре министра являются ренегатами, у которых ничего не осталось от социализма.* Все губернские организации Саксонии, несмотря на возражение т. Цвейлинга (Цвейлинг—редактор с.-д. газеты в Плауэне, выдает себя за архи-«левого». *Н. Л.*), *должны требовать их исключения из партии.* Если не будет иначе, нужно перейти к более резким мерам. Никаких больше резолюций, нужно прямо сказать министрам: «*идите туда, где вы уже по существу находитесь—к буржуазии*»

«Голосование с.-д. министров открыло нам глаза. Оно показало нам, что классово-созидательному рабочему не место в с.-д. партии», так говорят третьи [1]). Наиболее красочно это настроение выразил рабочий Пауль Ригер из Кенигсберга, 24 года состоявший членом соц.-дем. и ныне перешедший в ряды КПГ: «Еще на последних выборах *на всех собраниях я выступал в дискуссиях против КПГ за цели* с.-д. Тем больше мое возмущение вождями с.-д., которые растоптали мою веру в них. В то время, как мы, *низовые функционеры и рабочие на предприятиях, стремились всеми силами бороться с буржуазией*, эти люди сидели вместе с буржуазией в правительстве и предавали наши интересы. Постройка броненосца является красочным к тому доказательством. *Эта* политика коалиции с буржуазией, которую вожди с.-д. сознательно проводят, предавая интересы рабочих, гонит меня из рядов с.-д. Полный возмущения, я обращаюсь к вам, рабочие в с.-д. партии и рабочие на предприятиях: теперь уже стало невозможно заставить с.-д. свернуть с дороги предательства интересов рабочего класса. *Нам, пролетариям-активистам, нечего больше в с.-д. партии сказать. Пролетарские товарищи в СПГ! Я призываю вас последовать моему примеру. Оставьте ряды с.-д., оставьте вождей наедине с буржуазией. Наше место больше не там. Мы должны пойти к нашим братьям по классу, которые ведут борьбу в рядах КПГ*». (Цитирую по газете «Эхо Востока» от 27 августа).

Эта мощная волна возмущения, протеста, разочарования расходится по всей Германии, захватывает один район за другим. Эта волна захватила не только членов партии, но и с.-д. избирателей, вторых еще больше, чем первых. Письма рабочих, служащих, домашних работниц, мелких рантьеров, голосовавших на выборах за с.-д., а ныне бичующих ее как «броненосную» партию (Panzerkreuzerpartei), успех коммунистической агитации за плебисцит даже в тех предприятиях, где господствуют с.-д., показывают, *что налицо не только кризис доверия партийных масс к руководству, но и кризис в отношениях между с.-д. партией и избирателями, стало быть, кризис реформистского влияния в немецком рабочем классе.*

---

[1]) «Голосование с.-д. министров за постройку броненосца не единичный случай, а является звеном в цепи отдельных актов, вызванных коалицией», пишет Гейнц Заидер, функционер мерзебургского отдела металлистов в своей статье «Мой переход из СПГ в КПГ» (цитирую по галльской «Классовой Борьбе»).

Панически настроенный Герлах считает, что с.-д. партия потеряет ныне до половины своих избирателей. Сами с.-д. на своих заседаниях констатируют, что в случае выборов они вернутся в рейхстаг лишь с 90 мандатами (т.-е. потеряют 2,5 млн. голосов). Пауль Леви вынужден констатировать, что удар, нанесенный с.-д. голосованием ее министров, свел на - нет многолетнюю вербовочную работу.

2. Причины и значение кризиса.

Кризис немецкого реформизма служит ярким подтверждением правильности того анализа международного положения, борьбы классов, процессов в рабочем движении, который был дан VI конгрессом Коминтерна. Лишь в обстановке обостряющихся классовых противоречий и растущей угрозы войны, полевения масс, голосование с.-д. министров за ассигновки на постройку броненосца могло вызвать такое возмущение масс. Германский империализм возрождается, снижая жизненный уровень рабочего класса. Капиталистическая рационализация выбрасывает на улицу сотни тысяч пролетариев. Остающиеся на предприятиях вынуждены работать с интенсивностью, хищнически расточающей их рабочую силу. С помощью института принудительного арбитража предприниматели повышают рабочий день. Трестированная буржуазия, выкачивая миллиарды прибавочной стоимости, в то же время ведет систематическую кампанию (и проводит в жизнь) за снижение социальных расходов.

Капиталистическая стабилизация, возрождение империалистической политики в Германии вызвали глубокое брожение в массах. Полевение масс, выявившееся уже в конце в 1925 г., в последние годы росло из года в год. Майские выборы (1928 г.) в рейхстаг знаменовали собой крупнейшее поражение буржуазных партий. Около 3½ млн. избирателей потеряли крупные буржуазные партии. Свыше 1 млн. голосов выиграли с.-д. и свыше ½ млн.— компартия, отвоевавшая у реформистов минимум 300 тысяч голосов в основных промышленных центрах страны. Выборы показали, что германский империализм возрождается, имея под собой сужающийся базис своего политического влияния в массах.

Были попытки представить эти выборы, как известную победу буржуазии, ибо-де реформисты одержали крупный успех, получив свыше 9 млн. голосов (в декабре 1924 г.—7,8 млн.). Но уже тогда было указано, что так ставить вопрос нельзя, ибо реформисты имели успех, как партия, развернувшая критику правительства буржуазных партий (Bürgerblockregierung), как партия, выступающая с лозунгами, направленными против вооружений, как партия, выступавшая в послевоенные годы, как пацифистская партия, как партия, выступающая с обещаниями вести в правительстве рабочую классовую политику. Широкие слои рабочих и служащих, разочарованные в политике буржуазных партий, голосовали за с.-д., выражая этим свое элементарное классовое недовольство. Для значительной части с.-д. избирателей смысл их голосования состоял в том, что они голосовали против капитализма и милитаризма, полагая, что реформисты будут вести борьбу против милитаризма и капитализма. Перефразируя слова Ленина, можно сказать, что эти миллионы рабочих (и других слоев трудящихся), голосовавших за реформистов, были «добросовестными» реформистами. И именно потому, что массы были лишь «добросовестными» реформистами, голосование с.-д. министров за ассигновки на постройку броненосца было для них, в известной мере, таким же ударом, каким была апрельская нота Временного Правительства для «добросовестных» оборонцев.

Реформисты, ведя избирательную кампанию под лозунгами борьбы с вооружениями, знали, что они ведут демагогическую агитацию, что настоящая коалиция может быть создана лишь на основе платформы, включающей и постройку броненосцев. Но «добросовестные» реформисты — миллионы избирателей—принимали всерьез с.-д. заявления. Они понимали под коалицией такое соглашение, которое предполагает значительные уступки со стороны буржуазии, предполагает отказ от империалистических вооружений в Германии.

Голосование с.-д. министров за ассигновку на постройку броненосца, заявления с.-д. лидеров, что им было и ранее известно о неизбежности голосования за постройку броненосца, решение ЦК с.-д. партии, упрекающее с.-д. министров лишь за то, что они не посоветовались с ЦК [1]), и по существу поддерживающее с.-д. министров, открыло глаза «добросовестным» реформистам. С.-д. массы увидели, что коалиционная политика—это политика империалистических вооружений. С.-д. массы увидели, что коалиция лишь служит целям возрождения германского империализма. С.-д. массы увидели, что реформистские министры плетутся в хвосте буржуазных министров, что коалиционное правительство продолжает политику старого буржуазного правительства. Реформисты всячески превозносили коалицию, а ее «достижениями» были, во-первых, провал попыток с.-д. об'явить день принятия веймарской конституции национальным праздником; во-вторых, ассигновки на постройку броненосца. Коалиционная политика с.-д. выступила в глазах масс главным образом как политика с.-д. соучастия в империалистических вооружениях.

Нынешний кризис с.-д. есть поэтому кризис коалиционных иллюзий масс, кризис реформизма, выявлявшего перед массами свое социал-империалистское нутро.

Голосование с.-д. министров за ассигновки на постройку броненосца всколыхнуло широчайшие массы. Оно заставило их еще раз пересмотреть всю политику с.-д., особенно в последние годы. Оно заставило их вспомнить о коммунистической критике реформизма и коалиционизма, подумать о двух стратегиях — стратегии реформистской и стратегии революционной. Реформистские лидеры, подняв — в ответ на кампанию КПГ — кампанию против СССР и ее «милитаризма», лишь помогли известным слоям осознать разницу между политикой соглашения и политикой классовой борьбы и революции. Социал-империалистски настроенные вожди настолько потеряли чутье, что не сообразили, что их кампания против СССР (в момент голосования с.-д. министров за постройку броненосца) является палкой о двух концах, ибо известным слоям с.-д. избирателей и членов партии эта кампания лишь помогает усвоить разницу между пролетарским и буржуазным государством. Голосование с.-д. министров за постройку броненосца произошло в тот момент, когда гамбургский с'езд профсоюзов открыто высказался за экономический мир, т.-е. против отпора экономическому наступлению буржуазии, открыто поддержал систему принудительного арбитража, лишающую рабочий класс свободы стачек, свободы экономической борьбы, открыто провозгласил политику раскола рабочего движения, аннулировав мандаты делегатов берлинских металлистов, приняв ряд драконовских организационных решений против профсоюзной оппозиции.

---

[1]) При чем и это заявление с.-д. ЦК является насквозь лживым, так как вопрос об ассигновках обсуждался на совещаниях верховных партийных инстанций с.-д. партии и разногласие между с.-д. лидерами имелось лишь по след. вопросу: подготовить ли массы к предстоящему голосованию или, наоборот, поставить их перед фактом? Мюллер и К°, защищавшие вторую точку зрения, имели за собой большинство. Т. н. левые (Кюнстлер и др.) защищали другую линию. Но видя возмущение масс, Кюнстлер не постеснялся выступить на берлинском с.-д. активе и, ударяя себя кулаками в грудь, кричать о плохих порядках в партии, при которых с.-д. министры принимают важнейшие решения, не посоветовавшись с ЦК. Интересно отметить, что Кюнстлер был уличен во лжи на страницах «Роте Фане» с.-д. функционером и в своих последующих статьях в «Форвертсе» он не опроверг тех фактов, которые были приведены в письме с.-д. функционера.

Одной рукой реформисты подписывали ассигновки на постройку броненосца, т.-е. подписывались под политикой империалистических вооружений, а другой рукой они подписывали обязательство поддержать экономическую конкурентную борьбу трестированной буржуазии на мировом рынке, сдерживая напор масс, не допуская развязывания экономических боев. Буржуазная Германия оценила эти верноподданнические заверения профсоюзной бюрократии, заявив с'езду устами... Зеверинга, который выступал на с'езде, на ряду со штреземановцем Куртиуссом, как член правительства, примерно, следующее: так как профбюрократия начинает не плохо справляться с ролью штрейкбрехера экономической борьбы масс, то можно постепенно ликвидировать *специальные* штрейкбрехерские организации, так называемую техническую помощь.

Голосование с.-д. министров за постройку броненосца выступает таким образом перед массами не как изолированный акт, не как «случайная ошибка», а как составная часть всей политики реформизма, поддерживающего *империалистическую* Германию.

Именно потому, что с.-д. массы левеют, а реформистская бюрократия правеет, разоблачая себя, как социал-империалистскую агентуру буржуазии, голосование с.-д. министров вызвало кризис реформизма.

Если возрождение германского империализма вызвало революционизирование масс, в том числе и масс, идущих за с.-д., заставляет их искать новые, боевые методы борьбы, то *это возрождение немецкого империализма ускорило процесс врастания реформистской бюрократии в систему буржуазного государства.*

Государственно-капиталистические тенденции, наиболее ярко проявившиеся как раз в Германии, создают экономическую и социально-политическую основу для этого врастания. Обострение империалистских противоречий, обострение борьбы за рынки заставляет реформистскую бюрократию активнее выступать в роли социал-империалистов во-вне и внутри страны. Чем больше сужается базис политического влияния основных партий немецкого империализма, тем необходимее становится участие реформистской бюрократии в *парламентском* правительстве буржуазной Германии. Германскому империализму, как наиболее слабому из главных партнеров империалистической игры, необходим максимальный классовый мир в своей стране. Обеспечить этот классовый мир немыслимо без активной помощи реформистской бюрократии. *Коалиция является поэтому необходимой частью нынешней политики немецкого империализма.* Коалиция является поэтому [1]) характерной чертой нынешнего периода *возрождения* немецкого империализма.

Коалиция делает с.-д. «формальным» соучастником империалистической политики. Коалиция еще больше сужает маневренные возможности для реформистской бюрократии, ибо она боится распада коалиции, так как коалиция является знаменем реформизма, «гвоздем» его политической идеологии. Войдя в правительство, реформистская бюрократия вынуждена проводить самые непопулярные в массах мероприятия, ибо буржуазия законно считает, что, собственно, только для этого и нужны с.-д. министры в правительстве, ибо буржуазия гарантирует этим свои основные партии от несения полной ответственности за эти империалистские мероприятия.

В этой обстановке возрождения империализма, когда от реформистов требуется активная помощь, когда реформистам предоставлена возможность осуществить то, о чем они возвещали ряд лет, а именно: коалицию, — для

¹) Ибо коалиция до июня 1928 г. (и после 1923 г.) не имела места только потому, что этого не хотела буржуазия.

них создается своего рода заколдованный круг: сидя в коалиции, потеряешь массы, уйти же из коалиции, это значит расписаться в банкротстве своей политической стратегии. Именно этой перспективой банкротства и аргументировало правое большинство парламентской с.-д. фракции, благословляя с.-д. министров на голосование за постройку броненосца. Эта аргументация произвела убийственное впечатление на «левых» фразеров. «Партия, которая боится новых выборов, никудышная партия»,—панически кричит «левый» фразер Зейдевиц[1]). Сидя в правительстве, мы будем безостановочно терять своих сторонников,—кричат «левые» фразеры. Правы и те и другие. Прав Мюллер и К°, ибо уйти из правительства, это значит, во-первых, вызвать новые выборы, которые продемонстрируют, по заявлению правых, факт потери 40 мандатов (2,4 млн. голосов), это значит, во-вторых,—и это самое главное—расписаться перед массами в банкротстве политической стратегии реформизма. Но правы и «левые»—Зейдевиц, Розенфельд, Леви и К°. Каждый месяц пребывания с.-д. в коалиционном правительстве открывает глаза новым сотням тысяч «добросовестных» реформистов. Коалиционная практика с.-д. усиливает рост влияния партии революции—КПГ. Такова уж «зловредная» диалектика истории.

Реформистская бюрократия твердо идет за Мюллером, Зеверингом и К°. Она отвергла не только идею плебисцита, но даже и такое требование, как отказ от голосования за *вторые* ассигновки на броненосец. Больше того. Анализируя кризис, вызванный голосованием с.-д. министров, «Форвертс» заявлял, что партия должна выработать программную линию в вопросе о вооружениях, должна создать в своей среде ясность в этом вопросе[2]).

Отказ реформистской бюрократии от идеи плебисцита ярче всего характеризует политику реформизма в период возрождения немецкого империализма, сужение поля для ее маневров.

Почему с.-д. верхушка согласилась,—правда, под давлением масс — в 1926 г. участвовать в плебисците по вопросу о безвозмездной конфискации имуществ бывших владетельных особ и категорически высказалась ныне,— хотя давление масс во втором случае несравненно более сильное,—против плебисцита по вопросу о постройке броненосца? Потому, что в первом случае острие плебисцита было направлено против *монархическо-юнкерской* Германии, а не против *основ* буржуазной Германии. В кампании за плебисцит в 1926 г. участвовали даже демократы — партия торгового и банковского капитала, ведущая за собой широкие слои служащих. Естественно, что с.-д. могла нажить политический капитал за счет правых партий, участвуя в плебисците, ибо этот плебисцит не противоречил основным интересам буржуазной Германии. Другое дело плебисцит по вопросу о постройке броненосца. *Этот* плебисцит своим острием направлен против буржуазной, империалистической Германии. Кампания за этот плебисцит [3]) неизбежно развертывается в кампанию против всех империали-

¹) См. его статью «Die Shädrgung der Partei» в № 17 «Der Klassenkampf».

²) Второй председатель союза «Республиканского флага» (респуб. фронтовики) с.-д. Хейтерман выступил в магдебургской с.-д. газете со статьей, в которой он открыто требовал ясности в вопросе о вооружениях: «На вопрос о том, одобряем ли мы вообще ассигновки для постройки военных судов, должен быть дан ясный ответ: да или нет... Ближайшему партс'езду должна быть предложена для обсуждения и решения программа обороны ((Wehrprogramm), — такова задача, которая вытекает из урока с броненосцем «А».

³) Необходимо отметить, что плебисциту (Volksentscheid) предшествует предварительный плебисцит (Volksbegehren), задачей которого является сбор подписей в размере 10% общего числа избирателей. Если эти 10% подписей будут собраны, тогда вопрос ставится на решение рейхстага. Если рейхстаг отвергает, тогда происходит плебисцит, имеющий задачу мобилизовать 50% избирателей, т.-е. кампания за плебисцит растягивается на месяца.

стических вооружений, против всей империалистической политики немецкой буржуазии. Но принять участие в такой кампании, это значит отказаться от основ реформизма и социал-империализма. Именно потому, что реформистская бюрократия является социал-империалистской, срослась с буржуазно-империалистской Германией, она с пеной у рта агитирует против плебисцита. Реформистская бюрократия неистовствует. Чего только она не придумывает в своей травле коммунистов, в своей агитации против плебисцита! Тут и крики о вооружении в СССР (а потому и о «двойной бухгалтерии» коммунистов), тут и неожиданные аргументы о смене в последние годы руководящих групп КПГ.

Реформистская бюрократия неистовствует, ибо она превосходно понимает, что лозунг плебисцита, кампания за плебисцит вбивает клин между ней и теми массами, которые она до сих пор вела. Массы хотят бороться с империализмом, они против империалистических вооружений. Они поэтому за плебисцит. Реформистская бюрократия не может не бороться против плебисцита, со скрежетом зубовным видя, как лозунги компартии завоевывают симпатии ее реформистских избирателей. Реформистская бюрократия видит, как массы от нее отходят, и тем не менее она не может изменить своей тактики.

3. Кризис с.-д. и роль левых с.-д.

Одним из характерных явлений нынешнего кризиса с.-д. является саморазоблачение т. н. «левых» с.-д., их полная капитуляция перед официальной линией. В первый момент, в первые дни после голосования с.-д. министров, когда «левые» растерялись, видя возмущение масс, они пытались поплыть по течению. Именно в эти дни (первые две недели после голосования) саксонские с.-д. окружные комитеты вынесли резолюции, требующие поддержки лозунга плебисцита. Именно в эти дни «Лейпцигер Фольксцейтунг»—главный рупор «левых»—в № от 23 августа заявлял: «Предстоящий плебисцит направлен не только против ассигновок для данного броненосца, он направлен против постройки броненосцев и военных судов вообще. Что же может удержать с.-д. партию и ее рабочих от кампании за плебисцит? Только то, что коммунисты выдвинули идею плебисцита первыми?»

Но эта игра в «левизну» продолжалась недолго. «Левые» быстро сообразили, что плебисцитная кампания может вызвать движение, с которым не справится с.-д. Они сообразили, что плебисцитная кампания по вопросу о постройке броненосца, неизбежно превращающаяся в кампанию против вооружений германского империализма, может нанести непоправимый удар и самому реформизму, не могущему вести иной политики, кроме политики социал-империализма. Они увидели, что партийные массы подымают форменный бунт. Они стали бить отбой, во-вторых, под давлением партийной бюрократии, составной частью которой они сами являются. Партийные верхи, несомненно, окрикнули «левых», и этого было достаточно, чтобы мягкотелые «левые», и без того испугавшиеся размаха движения, капитулировали перед «правым» ЦК. Они вначале стали выступать против «крайностей». Резолюции об исключении с.-д. министров, принятые на собраниях актива Хемница, Плаузна и др. городов, принимались, несмотря на выступления «левых» лидеров, и замалчивались «левыми» редакторами с.-д. газет. Потом «левые» стали бить отбой и в вопросе о плебисците. Дрезденский, а за ним лейпцигский и др. комитеты выступили против плебисцитной кампании, которая-де ведется коммунистами исключительно в целях дискредитации с.-д. партии. «Будьте верны партии. Будьте дисциплинированы. Не входите в плебисцитные комитеты. Помните, что участие в кампании возможно лишь как участие всей партии»,—с такими лозун-

гами выступили теперь «левые», имея определенную цель сорвать намечающийся единый фронт между с.-д. и коммунистическими рабочими.

«Кампания против постройки броненосца должна вестись с.-д. партийной массой самостоятельно. Присоединение к инсценированному коммунистами предварительному плебисциту означало бы удар по с.-д. Поэтому окружной комитет (Bezirksvorstand) отвергает идею создания т. н. местных комитетов для проведения плебисцита»,—заявляет о своем постановлении «левый» дрезденский губком.

Другой «левый» лейпцигский окружной комитет опубликовал след. воззвание: «Устами «Роте Фане» коммунистические деятели открыто заявили, что коммунистический предварительный плебисцит (Volksbegehren) имеет целью разбить с.-д. партию. Таким образом, коммунисты сами раскрыли свои цели. Окружной комитет предостерегает как партийных товарищей, так и остальных рабочих и работниц от того, чтобы они не оказались в хвосте коммунистов. Окружной комитет предостерегает от вступления в коммунистические комитеты по подготовке плебисцита». Даже самый «левый» окружной комитет — комитет Плаузна-Цвикау опубликовал 28 августа воззвание ко всем членам партии, которое гласило: «КПГ вновь пытается создать комитеты единства для проведения плебисцита. На заседаниях самоуправлений вносятся предложения о порицании партии и ее министрам. Окружной комитет потребовал от высших партинстанций как созыва парт-с'езда, так и немедленного согласия на проведение плебисцита. Наши действия будут зависеть от этих решений. Так как руководство в проведении плебисцита может быть лишь централизованным, то мы отвергаем посылку членов нашей партии в местные комитеты единства. Вместе с тем, в самоуправлениях мы не должны голосовать за предложения КПГ, ибо явно или скрыто, но они направлены против нашей партии. Наше принципиальное отношение к поступку 4 с.-д. министров настолько выявлено, что совершенно излишни митинги, которые бы устраивались совместно с коммунистами. Товарищи! Никогда еще не была важна и необходима сплоченность партии, как ныне. Стойте поэтому сплоченно и единодушно за партию, борясь с нападками справа и слева» (цитирую по хемницкому «Кемпферу» от 29 августа).

В своем ответе на обращение губкома КПГ другой саксонский «левый» окружной комитет хемницкий заявлял: «В ближайшие же дни будут обсуждены все возможные мероприятия. Они будут обсуждены в сотрудничестве со всеми имеющими к этому вопросу отношение организациями и коллективами, но никогда в сотрудничестве с коммунистами» (там же от 30 августа).

«Левые» прекрасно понимают, что единый фронт с.-д. и коммунистических рабочих в плебисцитной кампании, проводимой против воли с.-д. партийных инстанций, может легко превратиться в единый фронт против империализма и социал-империализма вообще. Вот почему, стремясь спасти социал-демократическую партию, они идут на саморазоблачение, выступая единым фронтом вместе с «правым» ЦК против плебисцита [1]).

«Левые» с.-д., которые, напр., еще недавно пытались играть роль «друзей» СССР, писали архирадикальные статьи о Красной армии, как армии рабочего класса, писали о праве рабочего государства на вооружения для своей защиты, ныне выступили единым фронтом с «Форвертсом» в деле

[1]) За плебисцит до сих пор агитирует лишь «левый» с.-д. журнал «Дер Классенкампф», 17 № которого озаглавлен: «Буря возмущения против броненосца». Но

травли СССР, в обвинении коммунистов в «двойной бухгалтерии». «Коммунисты,—пишет теперь «Лейпцигер Фольксцейтунг»,—вовсе не являются принципиальными противниками милитаристских вооружений. Это видно на примере вооружений в «Советском Союзе».

«Саморазоблачение «левых» отражает, таким образом, степень серьезности того кризиса, который переживает с.-д. партия и реформизм. Саморазоблачение «левых» подтверждает, во-2-х, тезис VI конгресса о происходящем внутреннем сплочении реформизма. Чем больше обостряются классовые противоречия, чем больше обостряется борьба между реформизмом и коммунизмом, тем больше «линяют» «левые». Не раскол между «правыми» и «левыми» крыльями реформистской верхушки, как это предсказывали тт. из правого крыла КПГ [1]), а сплочение их,—таков результат развертывающегося кризиса с.-д. И не раскол в с.-д. партии по типу тех, которые были в годы империалистической войны, а откол рядовых с.-д. рабочих, рядовых активистов — такова совершенно ясная перспектива разложения реформизма, яркие признаки которого выявила плебисцитная кампания.

4. Борьба за с.-д. массы.

Результаты плебисцитной кампании, степень влияния этой кампании на процесс отхода масс в значительной мере будут зависеть от активности компартии, четкости ее политической агитации в массах. Основная задача плебисцитной кампании — ускорить процесс разложения реформизма и оторвать массы от реформизма. Не количество голосов, поданных за плебисцит, является определяющим моментом кампании. Где эти голоса будут, под какими лозунгами они будут собраны, таковы определяющие критерии. Главная задача состоит в том, чтобы с.-д. рабочих привлечь к участию в плебисците, чтобы единый фронт в этой кампании создался внизу, на фабриках и заводах, между с.-д. и коммунистическими рабочими. Главная задача состоит в том, чтобы плебисцитную кампанию проводить под лозунгами борьбы со всеми империалистическими вооружениями, со всей системой империализма, под лозунгами борьбы с опасностью войны, защиты первого пролетарского государства, чтобы плебисцитную кампанию проводить так, чтобы массы поняли связь между политикой капиталистической рационализации и политикой постройки броненосца, политикой империалистических вооружений, чтобы массы вынесли тот урок, что бороться нужно не только против постройки броненосца, но что одновременно нужно об'единиться для отпора по всему фронту — фронту экономическому и политическому.

Главная задача состоит в том, чтобы показать массам связь между фактом голосования с.-д. министров за постройку броненосца и всей их социал-империалистской политикой, чтобы показать связь между фактом голосования за постройку броненосца и всей системой коалиционной политики, всей системой реформистской помощи немецкому империализму (признание принудительного арбитража, саботаж экономической борьбы и т. д.). Именно под этим углом зрения борьбы со всей империалистической системой, со всей системой германского капитализма, разоблачения всей политики реформизма как социал-империализма; мобилизации масс для отпора на всех

этот журнал не отражает взглядов «левых» практиков—Липинского, Тони Зендер, Ауфхейзера, Флеснера и др.—руководящих «левыми» губкомами. В нем участвуют лишь «левые» литераторы, которые чувствуют себя менее связанными с партбюрократией, которым не нужно отвечать перед массами и ЦК за свои заявления и которые поэтому позволяют себе роскошь кричать о плебисците.

[1]) См., например, дискуссию между Остеном и Вальхером о тенденциях развития «левых» с.-д. в №№ немецкого «Интернационала» за 1926—27 гг.

фронтах классовой борьбы; отвоевания у с.-д. честных, сознательных рабочих — именно под этим углом зрения и рассматривает КПГ плебисцитную кампанию.

Партия быстро оценила обстановку, созданную голосованием с.-д. министров, и через 3—4 дня уже бросила в массы лозунг плебисцита, рассматривая эту плебисцитную кампанию не как какую-то самоцель, а как орудие мобилизации масс. В дальнейшем партия стала увязывать эту кампанию с кампанией против политики профсоюзной бюрократии (в связи с решениями гамбургского с'езда), стала постепенно развертывать эту кампанию на фабриках и заводах. Конференции фабрично-заводских комитетов в Берлине и Хемнице, созванные по вопросу о плебисците, являются доказательством того, что партия нащупала правильный и верный путь мобилизации масс. Углубляя и расширяя эту кампанию в низах, там, где только и возможен стык интересов с.-д. и коммунистических рабочих—на фабриках и заводах, создавая фабрично-заводские плебисцитные комитеты, увязывая кампанию против всей системы господства империалистической буржуазии, против всей системы предательств реформизма — КПГ, несомненно, углубит и расширит тот кризис с.-д., который вызвало голосование с.-д. министров.

20/IX—28 г.

P. S. Еще нет данных об исходе предварительного плебисцита, но ход голосования в первые дни показывает, что к этому предварительному плебисциту не удалось привлечь такое количество избирателей (4,1 мил.), которое было бы необходимо для устройства второго плебисцита. Не свидетельствует ли этот факт о переоценке нами тех процессов, которые происходят в массах с.-д. рабочих? На этот вопрос должен быть дан безусловно отрицательный ответ.

Исход голосования далеко не отражает тех процессов, которые были порождены голосованием с.-д. министров за постройку броненосца.

Можно отметить 3 группы причин, которые создали известные «ножницы» между настроением масс, вызванным фактом голосования с.-д. министров, и результатами предварительного плебисцита.

Это, во-первых, то временное замешательство в рядах КПГ, которое было вызвано решением ЦК по делу Витторфа, решением, принятым в результате фракционной атаки правых и примиренцев. Опубликование решения ЦК дало возможность всей с.-д. и буржуазной печати повести бешеную атаку против компартии и одновременно на известный срок отвлекло внимание партии от плебисцитной кампании. Трудно в цифрах учесть последствия фракционного выпада правых и примиренцев против партии и Коминтерна, но уже тот факт, что этот выпад был сделан за неделю до начала предварительного плебисцита и вызвал замешательство в рядах партии как раз в тот момент, когда все силы, все внимание партии должно было быть сосредоточено на агитации за плебисцит, позволяет судить о силе того удара, который был нанесен партии.

Вряд ли самые хитроумные враги могли бы придумать что-либо лучшее для того, чтобы деморализовать ее в эти решающие для плебисцитной кампании дни!

Вторая группа связана с известными организационно-политическими недочетами, выявившимися в ходе кампании. Главная организационная задача состояла в том, чтобы создать единый фронт с с.-д. рабочими внизу — на фабриках и заводах, создать фабрично-заводские плебисцитные комитеты, ибо только здесь был возможен стык между с.-д. и коммун. рабочими. К сожалению, партия не бросила все свои силы в этом направлении. Созыв фабрично-заводских конференций в Берлине, Хемнице, Дюссельдорфе был лишь выявлением добавочной, а не основной работы партии, которая

главное свое внимание устремила на агитацию на улицах, в жилищах, на создание плебисцитных комитетов из представителей симпатизирующих партии организаций.

Не систематической, а случайной была также работа по увязке антиброненосной кампании с развертывающимися экономическими боями. Тем самым оставалось в известной мере в стороне одно из лучших средств мобилизации масс.

Т р е т ь я группа причин, весьма существенная по своему значению, это—саботаж правительственных и муниципальных властей в отношении плебисцита; это—технические трудности, связанные с подписанием. Органы буржуазной власти (в том числе и особенно возглавляемые с.-д.) применяли все средства («забывали» вставлять в списки фамилии избирателей и т. п.), чтобы сорвать голосование. А так как эти средства применялись не только в мелких городах и деревнях, но и в Берлине, то они сыграли свою значительную роль.

Внесение подписей к тому же было сопряжено с техническими трудностями и в целом ряде мест с угрозой экономических репрессий со стороны предпринимателей.

«Броненосная» с.-д. печать облегченно вздыхает по поводу того, что компартии не удалось формально добиться плебисцита. Но это—преждевременное успокоение. Антиброненосная кампания КПГ всколыхнула широчайшие массы. Факт кризиса в реформистских рядах налицо, и этот кризис будет развиваться, ибо коалиционная политика с.-д. будет все ярче разоблачать социал-империалистскую роль с.-д.

Не помогут и маневры Вельсов, заявляющих, что с.-д. готовы в рейхстаге выступить за приостановку постройки броненосца, в рассчете на то, что они со своим предложением останутся в меньшинстве и тем самым «и волки будут сыты и овцы целы». Печать «центра» уже заявила, что «центр» не допустит таких маневров с.-д. в период ее пребывания в коалиции.

Антиброненосная кампания КПГ была началом ее широкого наступления на реформизм. Обострение классовых противоречий (одним из показателей чего являются нынешние экономические конфликты) открывает перед ней широчайшие перспективы.

Оправившись (а что она быстро сплотит свои ряды—порука тому—10-летняя большевистская закалка) от временного замешательства, КПГ развернет новое широкое наступление на реформизм, за завоевание большинства рабочего класса Германии.

Н. Л.

16/X—28 г.

М. Брудный.

Некоторые теоретические предпосылки к изучению советского хозяйства.

Центральной проблемой всякой устойчивой и длительно существующей экономической системы является проблема правильного пропорционального распределения труда между различными отраслями народного хозяйства. Если бы могло быть достигнуто постоянное, никогда не нарушаемое пропорциональное распределение всего общественного труда раньше в национальном масштабе, а затем в международном, то капитализм не знал бы кризисов. Безработица сама по себе, хотя бы и миллионов людей, ни в коем случае не выражала бы тогда кризисного состояния всего народного хозяйства, а была бы лишь показателем разрыва между системой организации труда и наличными ресурсами рабочей силы. Такой разрыв можно себе теоретически мыслить и вне связи с нарушенной пропорциональностью распределения труда. Но это — чистая абстракция, иллюстрирующая следующую мысль.

При изучении экономической системы, сравнительно давно возникшей и устойчивой, проблема использования народного труда остается на заднем плане. Исследователь не задается вопросом рационального использования всех трудовых ресурсов общества. Он принимает за аксиому, что для того, чтоб существовать, люди должны производить, а самый важный факт из этой области—«добровольное» согласие десятков миллионов людей итти под ярмо наемного труда—относится к истории хозяйства, а не теоретической экономии в узком смысле этого слова. «Общественно-обусловленное производство индивидов—таков исходный пункт» (Маркс). Задача исследователя понять законы уже приведенного в движение труда, его распределения и распределения продуктов труда.

Принципиально иначе должен быть поставлен вопрос в отношении советской экономической системы. Разумеется, что необходимость пропорционального распределения труда, эта естественная необходимость, выход за пределы которой означал бы голод членов общества — абсолютно остается в силе и для советского хозяйства, и, как вполне правильно считают, только советское хозяйство начинает ее планомерное осуществление.

Но на ряду с этим другая проблема требует нашего исключительного внимания, занимая первое место и подчиняя себе все другие проблемы в системе советской экономики. Это—проблема приведения в движение всех наличных ресурсов рабочей силы. Чтобы быть правильно понятыми, необходимо об'ясниться.

Для того, чтобы существовать, люди должны производить. Но этого мало. Они должны производить в известных пропорциях. Для удовлетворения потребностей членов общества необходимо такое-то количество хлеба, столько-то мануфактуры, машин, электрической энергии и проч., и проч. В буржуазном хозяйстве, где нет и не может быть точного предварительного учета потребностей населения, где размеры производства движутся конкуренцией, относительно пропорциональное распределение труда достигается

стихийными законами. И осознание этих законов политической экономией не уничтожает, разумеется, их стихийного характера. В социалистическом обществе пропорциональное распределение труда будет достигнуто плановой организацией труда.

Что конкретно означает проблема использования рабочей силы?

Имеется миллион «душ». Работоспособного населения—шестьсот тысяч. В переводе на рабочие дни общество может распоряжаться шестью стами тысяч рабочих дней. «Кто не работает, тот да не ест» это — литературная формула. В действительности, кто живет, тот ест. Каждый неиспользованный рабочий день, это — растрата не труда, а продуктов труда. Однако, буржуазная экономия никогда не ставила и не могла правильно поставить проблему использования рабочей силы. Почему? Потому, что стихийные законы движения буржуазного общества распространяются и на использование рабочей силы. Приведение в движение массы труда является априорным для буржуазного хозяйства. Осознание же тех экономических факторов, которые освободили огромные массы людей от средств производства, относится, как это уже было отмечено, к хозяйственной истории. Для капитализма типичен не кризис предложения рабочей силы, а кризис ее сбыта. Тем менее проблема использования рабочей силы могла быть в центре внимания экономистов, исследующих буржуазное хозяйство.

Радикально и принципиально иначе стоит вопрос в отношении советского хозяйства.

Что является главным устремлением, решающей тенденцией советского хозяйства? Это—хозяйство, движущееся к социализму. Это движение не стихийное, не «самотеком», а планомерно организуемое экономической политикой пролетариата.

Два момента выдвигают на первый план изучения советского хозяйства проблему использования рабочей силы:

Во-первых, советское хозяйство возникло и продолжает развиваться за счет гибели и разрушения предшествующей экономической формации. Весь предыдущий строй отношений производства материальных благ не только нарушен, но в огромной степени разрушен и продолжает разрушаться. Тем самым нарушены все предыдущие основы приведения в движение труда народных масс. Мы имеем в виду не стимулы к труду, так как и в нашем хозяйстве нужда еще осталась погонщиком, но нарушение условий труда в широком смысле этого слова.

Во-вторых, советское хозяйство направляется социалистической политикой. «Право на труд» всегда было самым элементарным и вместе с тем самым трагическим требованием рабочих масс. Пролетариат, ставший у власти и организующий новое, социалистическое общество, не может не поставить во главе своей экономической политики обеспечение всех трудом. При этом дело не в справедливости, а в известных всем особенностях социалистического способа производства.

Для упрощения терминологии мы могли бы сказать, что если центральной проблемой буржуазной экономии является пропорциональное распределение наличного труда, т.-е. труда, уже приведенного в движение, или труда, приводимого в движение стихийным развитием капитализма, то центральной проблемой советской экономии является распределение всего общественного труда, т.-е. превращение всей потенциальной трудовой энергии членов общества в действенную.

Это—вопрос практики советского хозяйства, конкретной экономической политики, в частности, политики форсированной индустриализации, но для того, чтобы его всесторонне выяснить, необходимо остановиться на некоторых теоретических пунктах.

Действенный источник всех богатств—труд. Но непосредственно в этой роли труд выступал лишь в тот ранний период человеческой истории, когда средства производства занимали незначительное место в процессе созидания материальных благ. В дальнейшем же наступает контроверза между трудом настоящим и трудом прошлым, заключенным в средствах производства. В настоящее время производить можно только опираясь на труд прошлый, владея средствами производства. Прошлый труд выступает в застывшей овеществленной форме, притом действительно «мертвый хватает живого». В отношениях между прошлым и настоящим трудом все могущество на стороне прошлого труда. И таким образом источник богатств—живой труд—оказывается прикрепленным к колеснице, ведомой стальными конями, заключающими в себе мощь и силу прошлого, застывшего и овеществленного труда. Эти отношения между прошлым и живым трудом,—и в этом с а м о е г л а в н о е,—закрепляются социальным обручем буржуазного способа производства. Средства производства, монополизированные классом капиталистов, становятся в глубочайшие противоречия с трудом настоящим, трудом живым, становятся капиталами.

Что такое капитал?

Известные исторические условия превращают средства производства—этот накопленный человеческий труд—в капитал, но капитал не может быть определен как накопленный труд, средства производства. «Бумагопрядильная машина есть машина для пряжи хлопка. Только определенные отношения делают ее капиталом. Вне этих отношений она будет капиталом столь же мало, как золото само по себе является деньгами и сахар—сахарной ценой. Капитал есть буржуазное производственное отношение... Он есть сумма товаров, меновых ценностей, общественных величин» (Маркс).

Все растущие массы накопленного труда непрерывно капитализируются. Труд текущий, труд живой все больше отступает вглубь производства. Труд застывший, занимающий все больше места в средствах созидания богатства, сам испаряется, принимая волшебную форму капитала—общественных отношений, воспроизводящих себя во все более расширенном масштабе. Постоянный капитал обгоняет переменный—это экономическая формула успехов мертвого труда по сравнению с трудом живым.

Капиталистический способ производства ткет все новые одежды для труда: не труд, а ценность; не труд, а капитал; не труд, а прибыль; не труд, а процент—и так без конца. Взглянешь на старую, новую или новейшую «систему» буржуазной экономии—и в глазах начинается пляска общественных буржуазных покровов труда, а труд... только один из элементов производства. Но можно плюнуть на все учебники буржуазной экономии. Важнее всего, что в реальной действительности в пределах буржуазного способа производства т р у д является творческим источником всех богатств только в конечном счете. Труд, превращенный в наемный труд, труд, оторванный и постоянно отрываемый от накопленного труда, не может быть рычагом производства. Рычаг производства—капитал. Движение буржуазного производства это непосредственно не движение труда, а капитала. Распределение труда принимает форму распределения капиталов. Фетишизм буржуазных экономистов не в том, что они утверждают гегемонию прошлого труда над настоящим, капитала над трудом в процессе созидания материальных благ, а в том, что им невдомек, что лишь определенные, исторически преходящие общественные отношения превращают накопленный труд в капитал и что «плодовит» не капитал-вещь, а труд, приводимый в движение капиталом—общественным отношением. С другой стороны, разоблачение товарного фетишизма и фетишизма капитала не устраняет самого факта—овеществления

труда в ценности и затем на высшей ступени подчинения текущего живого труда труду накопленному и превращенному в капитал. «Позднее научное открытие, что продукты труда, поскольку они суть стоимости, представляют лишь вещественное выражение человеческого труда, затраченного на их производство, составляет эпоху в истории развития человечества, но отнюдь не уничтожает вещественной видимости общественного характера труда» (Маркс).

Процент в конечном счете сводится к известному вычету из прибавочного труда рабочих; однако, уровень процента, скажем, в случае регулирования вексельного курса непосредственно живет самостоятельной и обособленной от процесса труда жизнью.

Резюмируем: проблема воспроизводства буржуазных общественных отношений это не проблема распределения труда, как он конкретно выступает в процессе производства, а проблема цен, процента, перераспределения прибыли и проч. Проблема живого текущего труда—единственного источника всех богатств—сводится в пределах капитализма к узкому вопросу рынка рабочей силы.

Это обусловлено монополией класса капиталистов на средства производства. Эта монополия означает сращивание прошлого накопленного труда с такой социальной формой, в пределах которой труд живой постоянно противостоит труду прошлому. Капитализирование прибавочной стоимости означает постоянное воспроизводство глубочайшего противоречия между трудом прошлым и настоящим. Поэтому, пока речь идет о капитализме, самый пламенный сторонник трудовой теории стоимости не может поставить в центре своего исследования ни проблему использования рабочей силы, ни проблему распределения труда, как он конкретно выступает в производстве.

Как ставится тот же вопрос у нас в СССР?

В условиях СССР уничтожена монополия класса капиталистов на средства производства—главное, решающее основание подмены труда капиталом, противоречия между трудом накопленным и трудом текущим, подчинения второго первому. Является ли сохранение у нас товарно-денежной формы достаточным основанием для оставления в неприкосновенности всех экономических категорий капитализма?

Поставим вопрос яснее. При научном исследовании овеществления труда принято исходить из простого товарного хозяйства. Этот вполне правильный методологический прием не может, однако, сам по себе быть доказательством того, что овеществление труда налицо всюду, где имеется товарно-денежная форма экономических отношений, безотносительно к тому, существует ли монополия класса капиталистов на средства производства или нет. Буржуазная экономическая структура общества является молчаливой предпосылкой при анализе Марксом овеществления труда в «Критике». Но Маркс не давал этим ответ на вопрос, как выглядит овеществление труда при сохранении товарно-денежной формы и уничтожении вместе с тем монополии капиталистов на средства производства и что составляет общественное содержание овеществления труда при движении общества к социализму, хотя бы это экономическое движение совершалось в товарно-денежной форме.

Овеществление труда никогда не понималось Марксом технически. Тем менее мы имеем основания для нашей переходной эпохи трактовать его технически. Со стороны технической «труд—потребление рабочей силы» всегда овеществляется независимо от социальной формы производства. Со стороны технической фраза «овеществление труда» представляет чистейшую тавтологию, так как труд, который не может быть не чем иным, кроме потребления рабочей силы, если он направляем на переработку элементов при-

роды — неизбежно должен овеществляться. Овеществление в этом случае, есть необходимый результат потребления рабочей силы и лишь логически можно отделить одно от другого.

Социальное же содержание овеществления труда заключается в следующем: «труд» в буржуазном хозяйстве остается в своем девственном состоянии лишь до тех пор, пока он не является трудом, т.-е. потреблением рабочей силы. Но как только начался процесс труда, возникают ценности и все дальнейшее движение является движением ценностей, а не трудовых затрат, составляющих на ряду с элементами природы их действительное содержание. Движение ценностей скрывает содержание труда, как он конкретно выступает в производстве, обезличивает его, превращая его лишь в мерило. Для того, чтобы труд дал новое качество, ценность, для этого необходимо абстрагировать от его естественных особенностей, необходимо исходить не от конкретного, а абстрактного труда, т.-е. физиологической траты труда вообще. Своеобразное социальное содержание овеществления труда заключается в том, что здесь подразумевается не овеществление конкретного, а абстрактного труда. Все трудовые затраты принимаются за одинаковые независимо от их конкретной формы в процессе производства, для того, чтобы будучи овеществлены, они могли быть сопоставлены по отношению друг к другу, как качественно однородные и соизмеримые. Абстрактный труд — это первый прыжок в неизвестность, который совершает труд в буржуазном обществе. У самых истоков буржуазного производства, в самом первоначальном процессе труда, труд уже выступает завуалированно. Но здесь это еще является не результатом отрыва средств производства от производителя, а товарного способа производства. Продукты труда производятся не для потребления непосредственно производителем их, а на рынок. Однако, уже здесь следует отметить то, что можно было бы оставить в стороне при изучении буржуазного хозяйства, но что приобретает другой смысл при сравнительном рассматривании буржуазных и советских форм хозяйствования. В ценности овеществлен абстрактный труд не потому, что продукт труда идет на рынок и будет отчужден только через механизм рынка, а потому, что на рынке он будет отчужден только через механизм цен, т.-е. сравнения n-го количества абстрактного труда, заключенного в нем, с n-ым количеством абстрактного труда, заключенного в деньгах. Допустим такую абстракцию. Все продукты труда производятся не для непосредственного их потребления производителем, а для продажи на рынок. Но те пропорции, в которых эти продукты обмениваются друг на друга, устанавливаются не стихийным движением на основе закона ценностей, а скажем, нормируются государством или «рабочим банком» и проч. Спрашивается: в этих условиях, являлась ли бы ценность овеществлением абстрактного труда, т.-е. сохранилась бы ценность в буржуазном значении этого слова? Нет, так как развитое понятие абстрактного труда означает не самый факт отчуждения продуктов труда на рынок, а их отчуждение через механизм цен с достаточной свободой стихийного развития производства, денег и пр. Наша абстракция чисто логического характера. Для нас важно лишь установить следующее: овеществление труда может быть рассмотрено абстрактно само по себе, под углом зрения производства товаров на рынок, но с отвлечением от механизма цен; овеществление труда может быть далее рассмотрено, как основа к всеобщему распространению меновой ценности и, наконец, овеществление труда может быть рассмотрено в своей высшей форме, в форме капитала. Различение этих моментов, имеющее лишь значение логического приема, пока идет речь о капиталистическом хозяйстве, приобретает об'ективно-научное значение, когда мы рассматриваем хозяйство, ликвидирующее капитализм.

Прежде чем перейти к основному интересующему нас вопросу,—модификации экономических категорий в советском хозяйстве под влиянием уничтожения монополии класса капиталистов на средства производства, — мы должны рассмотреть проблему овеществления труда, своеобразного социального содержания овеществления труда в СССР. При этом мы должны еще раз настойчиво подчеркнуть следующее: товарно-денежная форма, исследуемая хотя бы отдельно от развития капиталистических отношений, всегда предполагалась Марксом, как форма экономических отношений движущихся к всеобщему распространению меновой ценности, к развернутому капитализму. Поэтому троякое рассмотрение овеществления труда, которое было указано нами выше могло быть оставлено Марксом в тени. В условиях развития к капитализму научный анализ обязан рассматривать динамику овеществления труда по восходящей линии от простейших форм овеществления—простой формы стоимости—вплоть до ее блистательной денежной формы. В этом анализе степень овеществления труда (как мы его всюду понимаем в социальном смысле—овеществления абстрактного труда) все больше нарастает и в дальнейшем является ступенью к фетишизму капитала, в котором все следы живого текущего труда исчезли. О простейшей форме стоимости, случайном обмене Маркс говорит, что она уже чревата деньгами, т.-е. высшим выражением обезличивания труда. Марксов анализ овеществления труда есть анализ по восходящей линии от потенции абстрактного труда вплоть до денег и капитала.

При изучении советского хозяйства мы, оплодотворяясь марксовой методологией, не можем все же следовать за его анализом. Наша задача прямо противоположная. Если Маркс в случайной встрече двух обмениваемых товаров улавливает музыку рождающихся денег, то мы в блестящем червонце должны проследить поступь социализма. Это не означает, что мы должны исходить из товарно-денежной формы и от нее заключать к простейшим элементам. Мы должны скорее исходить из противоречия товарно-денежной формы и социальной формы процесса труда, чтобы установить ограниченное значение первой. Если бы мы начали в этой связи с исследования товарно-денежной формы, то неизбежно оказались бы в тупике, так как нельзя от сохранившейся формы умозаключать к изменившемуся содержанию. Единственно возможный путь—это абстрагирование от нее и исследование овеществления труда по ступеням. Тут мы опять возвращаемся к указанному нами раньше троякому рассмотрению овеществления труда.

Первое. Овеществление труда, взятое само по себе — здесь имеется в виду производство товаров на рынок, но с отвлечением от механизма цен.

Второе. Овеществление труда, как основа всеобщего распространения меновой ценности и существования денег.

Третье. Овеществление труда в форме капитала.

Последний пункт мы пока оставляем в стороне, так как его подробно рассмотрим в дальнейшем.

При отвлечении от механизма цен нас интересует не отклонение цен от ценности. Такое абстрагирование допускается на первых ступенях анализа капиталистического хозяйства, хотя там с самого начала предполагается всеобщее распространение меновой ценности (анализ денег сюда не относится). Если бы цены, действительно, всегда совпадали со стоимостями, то это, разумеется, не уничтожило бы стоимости, не уничтожило бы абстрактного труда, как своеобразной социальной формы процесса труда. Мы имеем в виду абстрагирование от механизма цен в специфическом смысле. Допуская на первой ступени рассмотрения капитализма совпадение цен со стоимостью, Маркс, однако, всюду предполагает конкуренцию и стихийность. Конкуренция и стихийность капиталистического развития находят свое завершение в механизме цен. Мы ставим вопрос так: какую социальную метаморфозу претерпевает труд при условии производства товаров на рынок, при подчинении хозяйственного развития велениям государства, при отсутствии конкуренции? Мы осознаем всю «необычность» такой постановки вопроса, но в свое оправдание можем лишь призвать изумляющихся товарищей осознать всю «необычность» советского хозяйства. При этом, разумеется, приходится пройти мимо терминологических неясностей. «Рынок без конкуренции»,— это в учебнике не написано; однако, огромная доля всей продукции СССР идет на рынок, но не подчиняется конкуренции, по крайней мере, в обычном смысле.

Не следует поэтому отдавать слишком много дани традициям даже хороших учебников.

Плодотворность нашей постановки вопроса мы обосновываем следующим образом: теория стоимости всюду предполагает всеобщее и господствующее значение абстрактного труда. В той своей части, где она рассматривает формы стоимости и дает не сплошную, а дифференцированную постановку проблемы овеществления труда, она все же базируется на постоянном наличии господствующего значения абстрактного труда. Некритическое применение этого анализа к советскому хозяйству ровным счетом ничего не может дать, так как своеобразие советского хозяйства заключается как раз в том, что, унаследовав развитую товарно-денежную форму, оно начинает новое, «необычное» экономическое развитие, постоянно и во все более расширенном масштабе изменяющее социальное содержание самой этой формы.

Расчленение же трех ступеней овеществления труда разрывает цепь восходящих определений абстрактного труда и дает, таким образом, опорный пункт для понимания своеобразного социального содержания овеществления труда в СССР.

В целях полноты мы должны прибегнуть еще к одному принципу.

Мы раньше говорили, что своеобразие овеществления труда при капитализме не в том только, что продукты труда производятся как товары, а в том, что они реализуются как товары в условиях стихийной конкурентной рыночной борьбы. Здесь сказывается свойственное капитализму противоречие между частным и общественным трудом, противоречие, сводящееся к тому, что на основе частной собственности все продукты производятся как продукты частного труда и лишь путем обмена могут быть реализованы как элементы общественного труда. Мы не можем подробно останавливаться здесь на этом пункте. Но для нас важно отметить в связи с нашей специальной темой, что движущей формой этого противоречия является абстрактный труд, что именно абстрактный труд создает форму движения этого противоречия. Для нас это важно в следующем отношении: развитый абстрактный труд налицо лишь в условиях развитого противоречия между частным и общественным трудом. Там же, где это противоречие сужено и ограничено, там неизбежно сужен и ограничен абстрактный труд[1]).

Понятие развитого абстрактного труда обязательно предполагает наличными если не все условия капиталистического хозяйства, то все условия товарного хозяйства. Но раз даны все условия товарного хозяйства, то необходимо даны не только возможность, но необходимость капиталистического развития. Особенность же товарно-денежной формы в СССР как раз заключается в том, что она базируется не на развитом абстрактном

[1]) Еще раз напоминаем читателю, что в полном соответствии с марксовой теорией стоимости мы понимаем абстрактный труд как физиологическую затрату труда в таких общественных условиях, когда отвлечение от конкретных свойств труда является условием реализации товаров в стихийной рыночной борьбе.

труде, а на суженных условиях товарного хозяйства, на значительных ограничениях стихийного развития экономических отношений.

Принципиальное отличие анализа советского хозяйства от анализа Маркса должно будет заключаться в следующем.

Давая в «К критике» анализ возникновения товарно-денежной формы, Маркс исходит первоначально из товарного мира, еще не породившего денег. Из противоречий товара, развивающихся на основе всеобщего распространения меновой ценности, приобретения абстрактным трудом господствующего значения вырастает историческая необходимость денег. У нас же наоборот: мы исходим из готовой денежной формы и хотим «напасть на след» процесса отмирания товара, трансформации социального содержания овеществления труда. Но эта трансформация ни исторически, ни логически не вытекает из этой товарно-денежной формы. Скорее своеобразное содержание овеществления труда в СССР определяет ряд особенностей товарно-денежной формы. Об этом уже говорилось выше. Логический анализ должен следовать за исторической и причинной необходимостью. А эта необходимость зиждется на отмене монополии класса капиталистов на средства производства, на переходе решающих областей хозяйства в руки государства и пр., и пр. Из этой предпосылки следует поэтому исходить.

Общественное регулирование процесса производства, имеющееся в СССР, еще не заменяет механизма цен, но во всяком случае в огромной степени его видоизменяет. Законам товарообмена и цен в СССР мы посвятим специальный очерк. Здесь же мы отметим методологическую сторону вопроса: в той же степени, в какой общественное регулирование процесса производства уже заменяет стихийный, рыночный механизм цен, в той же степени абстрактный труд, как условие движения ценностей, суживает свое значение. Именно конкретный характер труда и в соответствии с этим потребительский характер благ выступает на первый план. Труд сбрасывает социальную оболочку, которую он принимал в товарно-капиталистическом хозяйстве.

В самом деле. Если в соответствии с определенными конкретными потребностями личного и производительного потребления выбрасываются на рынок на миллиарды рублей продукты, реализация которых происходит вне каких бы то ни было стихийных законов, продукты труда, которые a priori являются продуктами общественного труда, то здесь мы имеем исходным пунктом общественной формы производства не абстрактный, а конкретный труд. Труд в его естественной форме, как новая своеобразная субстанция общественной формы производства,—в этом величайшее революционное значение советского хозяйства. Возвращение к конкретному труду, как исходному пункту общественной формы производства на базе современной техники, открывает величайшие, невиданные возможности в области удовлетворения человеческих потребностей. Конкретный труд — подлинный источник богатства, скрытый своей буржуазной социальной формой—абстрактным трудом, загнанный в подполье одного из элементов издержек производства—при общественном регулировании хозяйства воскресает из мертвых[1]).

Мы прекрасно понимаем, что конкретный труд еще далеко не заполнил целиком все элементы советского хозяйства. Не говоря о крестьянском и капиталистическом хозяйстве, даже государственная промышленность

[1]) Мы говорим о конкретном труде, как о субстанции (основе, исходном определяющем пункте) новой социальной формы производства, но не как о содержании этой формы. Ее содержанием может быть не конкретный труд, взятый сам по себе, а известный строй общественных отношений, производственных отношений, сознательно организующих конкретный труд.

вынуждена учитывать ряд моментов, характеризующих буржуазный механизм цен, и в этом случае абстрактный труд, эта буржуазная форма процесса труда и предпосылка стихийного регулирования цен, сохраняет свою силу. В этом смысле можно сказать, что точно так же, как современный капитализм в СССР мало напоминает черты капитализма прошлого, так же и современный социализм в СССР еще не дает законченного образа социализма будущего. Но в этих общих методологических замечаниях для нас важно отметить, что абстрактный труд, как чисто буржуазная форма труда, отступает на поле советского хозяйства, и в поединок с ним вступает конкретный труд, как новая основа общественной формы хозяйства. Их «соотношение сил» можно определить лишь при анализе законов товарообмена в СССР, но уже из сказанного выясняются общие черты нового социального содержания процесса труда в СССР. Эти общие черты сводятся к соревнованию конкретного труда, как основы общественного регулирования хозяйства, с абстрактным трудом, как основой буржуазного механизма цен.

Хозяйственная жизнь человеческого общества не представляет собой, как это думают новейшие экономисты, цепь хозяйственных явлений, связанных круговращением. Может быть и очень привлекательно для людей с ограниченным буржуазным кругозором изображать хозяйственную жизнь наподобие шара, где никому не известны ни начало, ни конец, но это не отвечает об'ективной действительности. В хозяйственной жизни можно различать ряды явлений, связанных между собой не только цепью круговращения, но и отношениями большей и меньшей зависимости.

Так, анализ капиталистического хозяйства продвигается от стоимости к прибавочной стоимости, от последней к капиталу и т. д., от товара к деньгам, от последних к капиталу, прибыли и т. д. Анализ развивается по линии усложнения хозяйственной жизни, нарастает вместе с развертыванием причинных рядов хозяйственных явлений. То, почему исследователь начинает со стоимости, а не с денег или капитала, представляется с точки зрения узкого содержания экономической науки произвольным. Но с более широкой точки зрения, упирающейся в методологию наук об обществе и выходящей за пределы экономии в узком смысле этого слова,—начало анализа со стоимости и дальнейшее последовательное его развитие, как это имеет место в «Капитале», не только не произвольно, но представляется единственно научным. Почему? Потому, что здесь берется предпосылкой то, что может быть доказано лишь в результате всего экономического исследования, именно определенная причинность рядов хозяйственных явлений. В этом и заключается, к слову сказать, смысл известной спорной фразы Маркса, что метод изложения необходимо отличается у него с формальной стороны от метода исследования.

Восхождение к все более развитым экономическим категориям буржуазного строя является вместе с тем непрерывным триумфом абстрактного труда над конкретным; социальная форма буржуазного хозяйства «поглощает» труд и, плохо переваривая его, создает тысячу фикций, которые, однако, достаточно могущественны, чтобы служить рычагом современного гигантского производства.

Установление причинности отдельных рядов явлений еще не раскрывает конкретного содержания экономических законов, но зато освещает основоположную закономерность всего экономического развития.

Восхождение к все более развитым экономическим категориям советского хозяйства гораздо сложнее, чем при капитализме, потому что это восхождение является двусторонним. Развитие причинных рядов здесь знает не одну только основоположную и развивающуюся закономерность, но и вторую закономерность, хотя и не основоположную, а унаследованную и потухающую.

В советском хозяйстве, как и во всяком другом хозяйстве, имеющем под собой широкую экономическую базу, налицо лишь одна закономерность, определяющая решающую тенденцию развития. Но это не исключает существование другой, потухающей закономерности, унаследованной от предыдущего общественного строя и накладывающей свой отпечаток на все, или почти все, экономические категории. Мы имеем в виду товарно-денежную форму. Спрашивается, можно ли говорить о какой бы то ни было закономерности, имея в виду одну только товарно-денежную форму. Но здесь идет речь о форме не в житейском значении этого слова, т.-е. не в значении абстракции от всякого содержания, а о форме, олицетворяющей содержание, чуждое решающим, важнейшим особенностям советского хозяйства. Что товарно-денежная форма, как и вся совокупность общественных отношений, представляемых ею, живет самостоятельной жизнью в порах советского хозяйства, обороняется и наступает, выступает обнаженной и замаскированной—это бесспорный факт. Но товарно-денежная форма не только господствует в частном хозяйстве у нас, целиком соответствуя там системе общественных отношений, но она также играет громадную роль в развитии обобществленного сектора. В чем заключается эта роль? Поставлена ли здесь буржуазная форма труда—товар и деньги—на чисто техническую службу или она дает социальную примесь к своеобразному новому социальному содержанию процесса труда в СССР? Имеем ли мы здесь дело с формой в абсолютной абстракции от ее содержания, или с формой, как олицетворением ее содержания? Это порождает и другой вопрос: индиферентно ли своеобразное социальное содержание процесса труда в СССР к той форме, в которой оно движется, или наоборот, оно определяет известные контуры этой формы?

Всякая социальная форма заключает в себе одновременно и технический момент. Ее задача сцеплять разрозненные общественные отношения, служить техническим средством их единства. Товарно-денежная форма также включает в себя и технические задачи, являясь средством технической связи и учета в области производства и обмена. Однако, для товарно-денежной формы, как и для всякой другой социальной формы, существенны не ее технические функции, а тип социального сотрудничества, который она выражает, тип производственных отношений. Поэтому, когда говорят, что товарно-денежная форма в СССР играет лишь техническую роль, и это противопоставляют ее роли в буржуазном хозяйстве, то поступают неправильно прежде всего методологически. Забывают, что и для буржуазного хозяйства учет и техническая связь имеют громадное значение и что этот учет в пределах экономических отношений поддерживается как раз товарно-денежной формой. Действительная задача экономиста, изучающего советское хозяйство, гораздо глубже: надо показать «выветривание» буржуазного типа производственных отношений, заключенного в товарно-денежной форме в процессе ее «сожительства» с новым социальным содержанием. Надо показать динамику потухания товарно-денежной формы, как формы буржуазных общественных отношений, так же, как Маркс показал динамику ее развития.

Здесь не помогает также ссылка на пресловутое простое товарное хозяйство. Последнее является чистой абстракцией. В действительности до сих пор известна была лишь товарно-денежная форма, как форма развития всеобщего господства меновой ценности, как форма развертывания буржуазных общественных отношений. Советское хозяйство показывает новые, «невиданные» виды: применяя товарно-денежную форму к социалистическому типу общественных отношений, оно создает потухающую закономерность этой формы.

Мы отвергаем статическое рассмотрение товарно-денежной формы. Абстракция простого товарного хозяйства теоретически оправдывается лишь при исследовании возникновения товарно-денежной формы. В дальнейшем последнее может быть рассмотрено либо под углом зрения развивающейся закономерности, как это имеет место в любом буржуазном государстве, либо под углом зрения потухающей закономерности, как это имеет место в СССР.

Более подробное рассмотрение вопроса относится к проблеме товарообмена.

Самое важное принципиальное значение имеет установление основоположной закономерности советского хозяйства: высвобождение труда, как фактора, производящего все материальные блага, из социальной оболочки буржуазных общественных отношений: абстрактного труда, капитала и пр. Раскрытие этой закономерности имеет огромное значение именно потому, что в условиях советского хозяйства говорят о капитале, ценах и пр., не отдавая себе ясного отчета в новой социальной форме организации труда. Все развитие советского хозяйства представляется, как развивающаяся закономерность новой социальной формы труда—общественных отношений, организующих конкретный труд,—и потухающая закономерность товарно-денежной формы. Последняя является лишь функцией первой.

Последний вопрос, который здесь нас занимает, это—отношение между трудом и капиталом в свете новой закономерности хозяйственного развития — нарастания общественных отношений, организующих конкретный труд.

Общеизвестно, как Маркс зло высмеивал людей, отождествлявших капитал с накопленным трудом. Это вполне понятно, ибо смешение капитала с накопленным трудом предполагает идиллию гармонического сожительства труда текущего, живого с трудом накопленным, мертвым, воплощенным в средствах производства. Между тем вся действительная история капитала, это—история все растущих глубочайших противоречий труда накопленного и труда живого. Капитал, это—общественное отношение, монополизирующее средства производства и постоянно во все более расширенном масштабе противопоставляющее их рабочей силе. Сам труд расщепляется, распадается на свои составные части: рабочую силу живую и рабочую силу мертвую, застывшую в средствах производства, и абстрактный труд выступает, как специфический способ их соединения, как своеобразная форма труда или потребления рабочей силы. Это составляет новый оттенок в различении между трудом и рабочей силой.

В СССР нет монополии класса капиталистов на средства производства. Это означает, что в СССР нет социальных противоречий между трудом накопленным и трудом живым. Это значит, что материальная «субстанция» капитала поднимает настоящий бунт против своей социальной буржуазной оболочки. У нас продолжают говорить: «капитал», «капитальные вложения», «постоянный капитал» и пр. в то время, когда речь идет о совершенно другом типе экономических отношений. Воистину язык не поспевает за революцией. Но это полбеды. Зачастую за ней не поспевает и понимание экономических отношений. При отсутствии монополии класса капиталистов на средства производства центральной проблемой экономики становится организация конкретного труда, использование рабочей силы.

В условиях современной техники применение рабочей силы возможно лишь при наличии развитых и достаточных средств производства. В СССР ресурсы живого труда во много раз превосходят ресурсы накопленного

труда. Таким образом, встает во весь свой рост техническое противоречие между трудом прошлым и текущим, противоречие, разрешение которого составляет главную суть практики советского хозяйства. Но это техническое противоречие, не будучи осложнено социальным фактором — монополией капиталистического класса на средства производства—разрешается совершенно иными способами, иными масштабами и иными темпами. Ведущим началом выступает организация конкретного труда.

Мы ставим вопрос следующим образом.

На различных этажах советской экономики по-разному отражается основная ее закономерность—развитие общественных отношений сотрудничества на базе организации конкретного труда. Только при полном отмирании товарно-денежной формы и скрываемых ею буржуазных производственных отношений скажется весь эффект общественного регулирования производства. Однако, важнейшее практическое значение имеет выяснение того, какого непосредственного практического результата можно достигнуть уже сегодня благодаря ликвидации социального противоречия между трудом накопленным и трудом живым, благодаря тому, что «капитал» выступает в СССР, как общественное отношение взаимного сотрудничества пролетариев, организованных в государство и организующих плановым образом конкретный труд. Здесь имеется в виду не уничтожение только паразитического класса со всеми вытекающими отсюда последствиями, а нечто совсем другое: новая социальная форма организации труда, возможность гармонического сочетания накопленного труда и живого труда, выступление труда собранным, как единого процесса, об'единяющего рабочую силу и средства производства, исходя не из интересов частных собственников средств производства.

Предвосхищая результаты дальнейшего, мы замечаем, что новый способ производства дает хозяйственный эффект, еще далеко нами не использованный. То, что казалось и действительно было утопией в пределах капитализма,—всякие планы массовой организации конкретного труда, не уничтожая монополии капиталистического класса,—эти фантазии лучших людей раннего социализма, приобретают практическую базу после уничтожения монополии капиталистического класса, хотя бы и было еще очень далеко до полной победы социализма. В специальном очерке мы займемся этим вопросом. Но условием для решения практических вопросов, как и отдельных теоретических вопросов советской экономии, является понимание некоторых особенностей нашего хозяйства, понимание, которое мы пытались развить в настоящем очерке.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Пацифистские откровения командора Кенворти.

(О книге М. Кенворти «Накануне грядущих войн. Цивилизация на распутье»).

Одной из составных частей весьма сложной системы идеологической подготовки новой империалистической войны является пацифизм. Пацифистские иллюзии о возможности предотвращения и «отмены» войн в условиях капиталистического общества прекрасно используются воинствующим империализмом для своих, далеко не пацифистских, целей.

Социальным базисом, на котором пышным цветом расцветают всевозможные пацифистские теории, является мелкая буржуазия. А отсюда идет перекачка пацифистских иллюзий в рабочий класс. Послевоенная литература прекрасно отражает новые настроения мелкой буржуазии по вопросу о войне.

Современная буржуазная тактика подготовки войны в известной мере отличается от довоенной. Новая техника войны, новые формы ее стратегии, настроения широчайших масс населения ставят перед руководящими кругами воинствующего империализма в первую очередь, задачу нейтрализации и успокоения этих масс. До войны 1914—18 гг. можно было широко, никого и ничего не стесняясь, пропагандировать милитаризм и необходимость войн. В наше время буржуазия подготавливает новую войну в тиши химических лабораторий и военных штабов, уверяя почтеннейшую публику устами услужливых пацифистов, что достаточно какого-нибудь сверхтрибунала для того, чтобы прекратить войну в самом ее зародыше.

Однако, военная техника еще не дошла до того предела, при котором сражаться будут не люди, а лишь технические средства войны. Еще до сих пор вопрос о вооруженных и хорошо обученных широчайших кадрах населения играет решающую роль в подготовке новой войны.

Несмотря на все свое желание скрыть опасность новой войны, милитаристические агенты империализма вынуждены выносить на улицы и площади ее подготовку. Народные массы не могут не видеть тех грандиозных подготовительных работ к войне, которые ведутся в каждой стране. Рабочие, мелкая буржуазия, интеллигенция видят, как растут военные бюджеты, как выпускаются новые и новые смертоносные орудия, как идет военизация молодежи и т. д., и т. д. Появляется тревога, сомнение, недовольство. Тогда на сцену выпускается пацифистская идеология.

Пацифисты нещадно громят на словах коварных милитаристов. Они не жалеют красок для описания новой войны. И весь этот понос громких фраз и красноречивой патетики кончается каким-нибудь жалким рецептом, импотентным паллиативом в стиле евангельских заповедей. Мы намерены здесь несколько подробнее остановиться на книге члена английской рабочей партии Кенворти «Накануне грядущих войн. Цивилизация на распутье», наделавшей шум в Европе, и иллюстрировать отдельными ее положениями смысл и содержание современного пацифизма.

Война—инстинкт.

Капитан-лейтенант Кенворти, член фракции рабочей партии английского парламента—пламенный пацифист. Но как это часто бывает в буржуазной Европе, пацифизм не мешает ему быть весьма опытным военным спецом со связями в английских и американских военных кругах.

Книга Кенворти вышла сначала на английском языке под названием «Will civilisation crach», а затем была переведена на немецкий язык некоей баронессой Веркман—дамой самых строгих правил, снабдившей книгу своими подстрочными примечаниями. Так, например, когда Кенворти недостаточно почтительно отозвался по поводу умственных способностей австрийского императора Франца-Иосифа, благовоспитанная переводчица соответствующим примечанием одергивает Кенворти.

Книга сопровождается предисловием Уэльса, который, отдавая должное интересному материалу, подобранному в книге, однако, заявляет, что пути борьбы с войной, намеченные Кенворти, его, Уэльса, не удовлетворяют. Цель книги Кенворти дать картину грядущих войн, их движущие силы и меры борьбы с новыми войнами.

Кенворти дает весьма яркую картину готовящейся войны, ее «ужасов», техники разрушения и т. д. Автор в общем довольно подробно рисует противоречия, существующие между отдельными государствами и являющиеся причинами возможных новых войн.

Книга Кенворти особенно интересна в наше время, когда буржуазные и социал-демократические там-тамы создают неистовый шум вокруг пресловутого пакта Келлога—заведомого блефа, имеющего целью якобы «отменить» войну. В пакте Келлога по существу перепеваются рецепты Кенворти. И весь ход торгов и переторжек империалистических держав вокруг пакта Келлога, поправки и «поправочки», внесенные в основной текст, являются не плохим послесловием к книге Кенворти.

В начале своей книги Кенворти предается глубокомысленным философическим размышлениям на тему о том, что такое война.

«Под войной, — пишет Кенворти, — я понимаю применение силы для решения споров между двумя сильными, богатыми, современными и цивилизованными народами, или группами народов» (стр. 18)[1].

Эта дефиниция войны прекрасно отражает подлинную сущность пацифизма во всех его модификациях от религиозно-буржуазного до буржуазно-«социалистического». По Кенворти выходит, что сфера пацифизма должна и может распространяться лишь на богатые и сильные народы. Только на них могут распространяться всякие «запрещения» войн, третейские примирения и т. д. Но какая-нибудь война в Марокко или экспедиция в Китай—это уже не война, а экскурсия просвещенных мореплавателей с педагогическими целями, и препятствовать ей никто не имеет права.

С большим презрением относится Кенворти и к внутригосударственным, сиречь гражданским, войнам.

«Сообщество, группа или класс граждан Англии, Америки, Франции или Германии, — пишет Кенворти, — которые втайне сейчас вооружаются, собирают артиллерию и начинают подготавливать аэропланы для того, чтобы выступить против центрального или союзного правительства, будут рассматриваться остальным миром с величайшим презрением и отвращением» (стр. 22).

Понятно, что аэропланы и артиллерия фигурируют у Кенворти лишь для пущей важности и художественного оформления, ибо ни в одной стране правительство не позволит враждебному классу подготавливать артиллерию и авиацию для собственного свержения. Дело идет о гражданской войне, о подготовке к ней путями несколько отличными от мобилизации авиации и артиллерии. Но любая гражданская война вне зависимости от оружия, которое будет в руках восставшего класса, представляется Кенворти исчадьем ада.

Вооруженное восстание, по мнению Кенворти, анахронизм. Имеются, конечно, социальные и экономические несправедливости. Но эти вопросы решаются в наше время не оружием.

Война представляется Кенворти имманентной категорией, врожденным инстинктом человеческой природы. Войны происходят потому, что различные авантюристы и политики используют этот инстинкт для своих целей. Отсюда мораль: надо об'явить войну незаконной, запретить ее так, как теперь запретили дуэль,—и тогда все и вся на земном шаре будет пребывать во взаимном расположении друг к другу.

[1]) Страницы приводимых цитат отмечаются по немецкому изданию книги Кенворти.

Пацифизм и СССР.

Одним из вернейших реактивов для определения классовой сущности пацифизма любой формации является в наше время отношение к СССР. Ни для кого не секрет, что из всех возможных в ближайшем будущем вариантов военных столкновений, наиболее реальной является возможность вооруженного выступления европейских империалистических держав непосредственно или через своих лимитрофных вассалов против Советского Союза.

Каких же взглядов держатся в этом вопросе пацифисты, в том числе и почтенный мистер Кенворти, выступающий столь ревностным защитником мира? Кенворти вынужден признать, что в современном мировом положении «столкновение двух противоположных экономических теорий можно считать наиболее возможной причиной великой войны будущего. Если условия на земле не изменятся, новая грандиозная война неизбежна» (стр. 31).

Что понимает Кенворти под изменением условий на земле, мы увидим ниже. Но симпатии Кенворти в борьбе двух экономических систем, или, как он скромно выражается, «экономических теорий», довольно явно склоняются в сторону враждебной Советскому Союзу. Об этом можно судить между прочим и по одной цитате, которую приводит Кенворти и с которой он вполне солидаризируется. Эта цитата представляет собой большой интерес и, заранее извиняясь перед читателями за ее размеры, мы все же ее здесь воспроизводим.

Некий полковник Фюллер прочел в королевской морской военной академии в Гринвиче лекцию об условиях новой войны. Между прочим он там заявил следующее:

«С 1914 года изменились не только политические условия, но и социальные перспективы. Грубый созидательный материализм XIX столетия был сокрушен действиями войны, и несознательный, несколько истерический идеализм заменил его. Этот идеализм внешне направлен против войны, ибо человечеству надоела бойня, и в то же время полон пафоса борьбы за новый культ. В 1914 году в Европе были две противостоящие друг другу враждебные группы государств, в то время как не принадлежащие к ним народы являлись лишь наблюдателями их споров. Обе группы благодаря обоюдному страху превратились в соперников; с тех пор этот страх пропал, но вместе с ним и стабильность Европы, ибо с тех пор, как исчезла опасность германской гегемонии, одинаково угрожавшей всем, народы могут сколько им вздумается ворчать друг на друга, точить зубы, кусаться и драться. Боязнь германского флота сплотила воедино Британскую мировую державу, а боязнь германских армий повела к основанию «Антант Кордиал». С прекращением этой опасности значительно изменилось Британское государство, изменились условия и в других странах: все сделалось самолюбивым и материалистичным.

И в то время, как нации, из которых многие стремятся восстановить по-старому потрясенный войной мировой порядок, бесконечно болтают, по-

явился новый противник, враждебность которого направлена не столько против политики какой-нибудь отдельной нации, сколько против всей социальной основы западной цивилизации. Этим врагом является Советская Россия, которая свыше девяти лет ведет не прекращающуюся, ни с чем не считающуюся войну против остальной Европы.

Для того, чтобы понять конечную цель России, надо знать, что русские в этическом отношении являются азиатской народностью. Затем надо установить, что социальные процессы брожения, которые мы проделываем, вызваны не войной, хотя последняя их ускорила и в большой мере усилила; причину этих процессов надо искать в индустриальном перевороте, который нам принесло последнее столетие. Сегодня каждая страна имеет врага внутри своих границ, общественный класс, который против материализма, против правительства большинства. Идеалы этой группы еще очень неясны, но несомненно, что они направлены против идей демократии. Демократическая правительственная форма постоянно подрывается, и мы имеем уже в полдюжине государств диктатуру. Исходным пунктом всех этих беспорядков является Россия».

Мы нарочно подробно привели эти рассуждения солдафона его королевского величества, с которыми по существу, солидаризируется и Кенворти, для того, чтобы показать те основные положения, из которых исходят и пацифисты и империалисты в оценке войны против СССР. Россия является первоисточником всех смут и потрясений, начиная от экономических забастовок и кончая... фашистскими диктатурами Муссолини, Пилсудского, Хорти и т. д.

Но мало сказать, как это откровенно делает Фюллер, что СССР является союзником всех так называемых «внутренних врагов». Надо доказать, что это делается не во имя революции, а во имя империалистических целей новой России, бредущей по проторенным тропинкам внешней политики царизма. На этот предмет Кенворти предается воспоминаниям о своей поездке в СССР на шестом году революции. Кенворти убежден, что в России появится свой Наполеон. Кенворти уверяет, что «офицеры» Красной армии «не интересуются политикой, марксизмом, ленинизмом, большевизмом, социализмом: все эти слова им ничего не говорят. Они говорили лишь о России, о триумфах прошлого и о победоносном будущем. Казаки говорили, что они поскакали бы в Берлин и Париж, и они это сделают в конце-концов» (стр. 36).

Командиры Красной армии и солдаты, которые слепо за ними пойдут, думают лишь об интересах России, национально настроены, казаки готовы хоть завтра скакать в Париж, несмотря на все транспортные трудности — здесь, таким образом, подобран весь ассортимент «развесистых клюкв», которым можно запугать европейского мещанина. А отсюда мораль: если казаки намерены итти на Европу для разрушения всей европейской цивилизации, то не проще ли европейским державам об'единиться для того, чтобы предупредить во-время это нашествие гуннов.

Опасность новой войны со стороны СССР увеличивается, по мнению Кенворти, еще и благодаря тому, что от России отторжен ряд ее областей, как, например, Бессарабия, с потерей которой не соглашается ни один русский к какой бы он партии ни принадлежал.

Но всем этим еще не исчерпывается весь арсенал ужасов, грозящих мирному европейцу со стороны коварных большевиков. Кенворти раздражает себя на ходу. Он рисует ужасный план, как 150 миллионов русских об'единятся с 440 миллионами китайцев и вся эта азиатская орда хлынет на Европу.

Россия, какое бы правительство ни стояло во главе ее, будь то царь, ответственное перед парламентом министерство или советы, будет проводить политику экспансии.

Новое российское империалистическое движение определяется не количеством пехоты. Здесь идет речь о более опасном: о продвижении .. идеи. «Большевистское учение проникает через политические границы России на базары Индии» (стр. 52), — в ужасе восклицает Кенворти, и этой фразой он разоблачает подлинный смысл всех его гнусных измышлений.

Революционное движение в колониях, поднимающаяся волна национальной революции в колониях английской короны, — вот первоисточник всех треволнений нашего капитана-лейтенанта в пацифистской тоге. Опасения за судьбы индийской жемчужины вдохновляют Кенворти на все его мнимо-пацифистские рассуждения и одновременно разоблачают их подлинный смысл. Член «рабочей» партии Кенворти в трогательном единении с тупоголовыми консерваторами видит источник революционного движения на Востоке н... советской пропаганде.

Правда, временами Кенворти пытается иронизировать над теми, кто склонен приписывать «руке Советской России» любой беспорядок или смуту в колониях. Он вынужден даже признать, что «в современных мировых условиях неизбежной предпосылкой каждой войны является раскрытие большевистских козней» (стр. 113). Однако, все эти припадки неожиданных симпатий к СССР совершенно не вяжутся с основной линией книги Кенворти. А эта линия сводится в основном к утверждению, что СССР продолжает в своей внешней политике линию царского империализма, особенно на Востоке.

По мнению Кенворти, продвижение большевизма в Индию является частью империалистической политики СССР. На пути в Индию лежит Афганистан. Эта маленькая храбрая страна, первая поднявшая меч восстания против английского империализма, пытавшегося превратить ее в форпост наступления на советский Туркестан,—является предметом сентиментальных излияний Кенворти.

«Бедный, отсталый Афганистан, — скорбит Кенворти, — жертва современного русского империализма, а Афганистан — ключ к Индии» (стр. 52).

Мы не будем останавливаться на ряде других благоглупостей о СССР, которые Кенворти пытается представить как перл ученейшего анализа. К ним относятся весьма неудачные исторические экскурсии в глубь французской революции, которые должны оправдать утверждения Кенворти о неизбежности появления в СССР Наполеона, глупейшие рассуждения о религиозных войнах большевизма (религией большевизма является «наступательный социализм») и т. п.

Основную опасность новых войн видит Кенворти в периоде, когда Россия хозяйственно оправится и сможет напасть на своих соседей, особенно на Востоке.

Таким образом, во всех случаях жизни, слаба ли Россия, сильна ли она, она явится и является серьезнейшим препятствием делу мира. Вот принципиальная установка, из которой исходят пацифисты из рабочей партии в «борьбе за мир». И вполне естественно, что за такую обработку мозгов английского обывателя Кенворти может смело рассчитывать на получение нового военного ордена самого короля Георга.

О пользе империализма и вреде национального движения.

Как мы уже указывали выше, Кенворти довольно подробно останавливается на интернациональных противоречиях капитализма. Методология этого анализа у Кенворти несколько своеобразна, но в общем удачна. Он берет отдельные географические пункты и доказывает те условия, которые создают там неизбежность новой войны. Так, например, Кенворти подробно

останавливается на Балканах, этом извечном пороховом погребе Европы. Нельзя, конечно, требовать от Кенворти какого-нибудь глубокого законченного анализа внутрибалканских противоречий, стимулируемых и обостряемых соответствующим давлением империалистических держав. По Кенворти получается, что великие державы, за исключением разве Италии, пытаются умиротворить Балканы.

Единственным средством установления на Балканах «длительного мира» явилось бы, по мнению Кенворти, создание «Соединенных Штатов Балкан». Только это могло бы спасти Балканы от «интриг» Франции и Италии. Смысл этого пожелания более или менее ясен. До сих пор в ряде балканских государств сильно влияние французского империализма. Между ним и английским империализмом ведется борьба за влияние на Балканы. Проект «Балканских Соединенных Штатов», выдвигаемый Кенворти, в значительной мере согласуется с политикой английского империализма на Балканах, который стремится противопоставить так называемой «Малой Антанте» новое англофильское об'единение.

В тесной связи с балканской проблемой Кенворти ставит и турецкую. Кенворти считает, что Англия должна изменить свою политику в Турции. Нужно во что бы то ни стало добиться дружбы Турецкой республики. Нужно вовлечь Турцию в Лигу Наций. Дружба с Турцией поможет укрепить английское влияние на 100 миллионов магометан в Индии. Правда, камнем преткновения для тесной дружбы между Англией и Турцией являются спорные территориальные вопросы, в частности, проблема Моссула. Кенворти предлагает Англии пойти на уступки: вернуть северную часть провинции Моссул Турции, а полузависимый Ирак связать договорными отношениями и с Англией и с Турцией. Естественно, что Кенворти исходит при этом не столько из интересов Турции, сколько из интересов английского империализма и его дальнейшего процветания. «Положение Великобритании усилится в стратегическом и, конечно, моральном отношении» (стр. 199)—уговаривает Кенворти своих империалистических друзей.

Весьма занятны и характерны рассуждения Кенворти о национальном движении в колониях и доминионах Англии. Этому вопросу посвящена специальная глава «О новом национализме и новом империализме». Значительное внимание уделяет Кенворти Индии, которая, по его мнению, явится плацдармом новой войны. Не случайно уже сейчас Англия в предвидении войны с Россией готовит экспедиционную армию в Индии. В Индии растет национальное движение, которое в силу многочисленности населения Индии, его вооружения, а также зловредного влияния России, может принести не мало бедствий Англии. Между Советским Союзом и Англией на Востоке ведется борьба, и Кенворти весьма меланхолически признается, что «история отношения Великобритании к восточным народам показывает одну неудачу за другой... (стр. 73)...—и это,—несмотря на богатство и мощь Британской мировой империи и ее союзников».

Кенворти пытается весьма осторожно подойти к национальному движению в колониях. Кенворти не решается, конечно, откровенно заявить, что во имя интересов английского империализма необходимо подавить национальное движение в колониях. Он пытается проводить более хитрую тактику и для этого, как матадор свой плащ, он начинает бешено развевать свою пацифистскую тогу. Национализм в общем вещь не плохая, считает Кенворти, но современный национализм значительно отличается от национализма эпохи французской революции. Современный национализм «представляет собою болезненное явление демократии, которое в силу развитого сообщения в наши дни становится опасным» (стр. 74). Мы живем в очень нервный век. Кино и джаз-банд так расстроили нервы, что возбужденные массы могут в самый неожиданный момент «прорваться». И с этой точки зрения националистическая пропаганда является опасностью для мира и цивилизации.

«Каждый честный, благоразумный гражданин, который желает мира и работает для него, должен это (приведенное выше рассуждение об опасности национализма. *Дм. Б.)* принять во внимание. Нация вовсе не должна быть гомогенной» (стр. 74).

Как ни изворотлив господин Кенворти, весьма не трудно заметить ослиное копыто империалистического лакея, которое вылезает из-под пацифистского одеяния. Необходимым логическим дополнением к шельмованию национализма, естественно, является восхваление империализма.

«Империализм,—заявляет Кенворти,—это понятие, которое покрывает много несправедливого, но которое включает и много хорошего» (стр. 78). Что же хорошего имеет, по мнению Кенворти, империализм? Доктрина Монроэ, — пишет Кенворти, — является тоже формой империализма. Ее успехи себя оправдали. Доктрина Монроэ, оказывается, спасла Южную и Центральную Америку от хищнических авантюр европейских милитаристических держав. Конечно, при этом Кенворти скромно умалчивает о той роли, которую сыграла вышеупомянутая доктрина для порабощения и эксплоатации северо-американским империализмом государств Латинской Америки.

Большое положительное значение до сегодняшнего времени имеет английский империализм и в Индии. «Британский империализм в Индии, — заявляет Кенворти, — привез много богатства в метрополию и создал обеспеченный культивированный класс, который много сделал для цивилизации и прогресса; он, наконец, способствовал улучшению условий жизни рабочего класса и этим укрепил его политическое положение» (стр. 78—79). Таким образом, Кенворти видит пользу английского империализма в том, что он, нещадно эксплоатируя индийские массы, вывозил богатства в Англию, которыми пользовались «культурные классы», а подачки доставались и рабочей аристократии. Правда, сознается Кенворти, английский империализм не смог обеспечить огромные массы индийского народа, но зато он приспособил интеллигенцию к участию в самоуправлении. Другой заслугой британского империализма в Индии является то, что он действует «как тормоз слишком быстрого продвижения к самоуправлению еще неспособного к этому народа» (стр. 79). К этим рассуждениям и откровеннейшей защите английского империализма нечего прибавить. Они слишком откровенны, чтобы стоило с ними полемизировать.

„Юнион Джек“ и „Старс энд Страйпс“.

Большое внимание уделяет Кенворти противоречиям между Англией и Соединенными Штатами Северной Америки. Кенворти довольно детально рассматривает проблему возможной англо-американской войны и ту роль, которую в этой войне сыграют английские доминионы, в частности, Канада. Войну между «Юнион Джек» (английский национальный флаг) и «Старс энд Страйпс» (американский национальный флаг) Кенворти считает вполне реальной. Одной из возможностей такой войны Кенворти считает выступление европейских держав во главе с Англией против американского кредитора.

Интересна у Кенворти VIII глава, посвященная вопросу о том, как будет протекать война между Соединенными Штатами и Великобританией. Кенворти считает основной проблемой этой войны проблему союзников. Англия должна будет искать себе союзников как в Европе, так и на Востоке. Америка же за любую цену будет вынуждена найти себе европейских союзников, ибо она нуждается в базах для флота.

Кенворти понимает, что на Канаду в случае войны Америки с Англией, последней особенно надеяться не придется. Понятно, что выпадение Канады, где сейчас имеются крупные арсеналы и базы для флота, значительно ослабит маневренные способности английского флота. В связи с этим Кенворти предвидит необходимость укрепления морского арсенала на острове Ямайке в Караибском море.

Мы полагаем, что вряд ли в случае войны Ямайка сумеет стать базой для английского военного флота, ибо остров окружен со всех сторон американскими владениями, и вряд ли Соединенные Штаты захотят оставить английские военные укрепления в такой непосредственной близости от Панамского канала. В такой же мере это относится и к Бермудским островам. Значительно большая роль в деле морских операций английского флота выпадает на Сингапур, в котором сейчас построена прекрасная усовершенствованная база для английского флота.

Большое значение играет вопрос, на чьей стороне выступит Япония. Военные действия английского флота будут в первую очередь направлены на Панамский канал. Если Англия поведет наступление с Востока, а Япония—с Запада, положение Америки будет довольно трудное. Разбив американский флот, заняв зону Панамского канала, англо-японский флот сумеет окончательно блокировать Америку и сорвать ее внешнюю торговлю.

«Страшно подумать об англо-японском союзе против Америки,—пишет Кенворти,—но мы должны об этом думать» (стр. 143). Страшно потому, что это будет означать гибель цивилизации.

Главный удар англо-японских сил будет направлен на Караибское море. А это будет означать полную изоляцию Америки, ее отрыв от внешних рынков.

Кенворти довольно подробно останавливается на роли Канады в англо-американской войне. Идеальным Кенворти считает положение, если Канада об'явит себя нейтральной. Конечно, было бы не плохо,—мечтает Кенворти,—превратить Канаду в плацдарм для высадки англо-японских войск.

Это, конечно, бессмысленное мечтание· первым шагом Америки в случае войны будет оккупация Канады, занятие Ванкувера на западном побережье. Галифакса на восточном и ряда других портов и приморских арсеналов Канады.

Кенворти разбирает и другой вариант англо-американской войны, по нашему мнению, менее вероятный. Кенворти представляет себе возможность войны между Англией и Америкой изолированно от других государств, без определенных союзников.

Кенворти очень подробно останавливается на средствах разрушения и уничтожения людей, которые будут применяться в новой войне. Специальную главу он посвящает «научному ведению войны», в которой он подробно освещает роль авиации, танков, кавалерии и других видов оружия в новой войне.

Эта часть книги Кенворти, где подробно разбирается вопрос об условиях англо-американской войны и о военных средствах, которые будут применяться во время ее, приоткрывает уголок занавеса, скрывающего от посторонних глаз тайны подготавливающейся войны. И в этом отношении книга Кенворти может дать не мало материала, конечно, не для пацифистского словоблудия, а для классовой революционной антивоенной пропаганды.

Рецепты мистера Кенворти.

На протяжении всей своей книги Кенворти рисует ужасы новой войны и реальность ее опасности. Как же бороться с этим? Что противопоставить надвигающемуся смерчу, грозящему снова повергнуть мир в пучину разрушения? На этот вопрос Кенворти пытается дать ответ в последних главах своей книги.

Кенворти с прискорбием должен признать, что на Лигу Наций, как на орудие сохранения мира и предупреждения войны, надежд мало. Он приводит ряд фактов, иллюстрирующих беспомощность Лиги Наций в деле разрешения военных конфликтов.

Лига Наций, считает Кенворти, явилась после войны союзом победителей для закрепления территориального передела мира. Затем Лига Наций превратилась в орудие французской внешней политики — придаток Quai d'Orsay. Вхождение Германии в Лигу Наций еще более ослабило последнюю, превратив ее в орган обсуждения мелких вопросов. Серьезные же вопросы обсуждаются в дни заседаний Лиги Наций за закрытыми дверьми женевских отелей. Заседания Лиги Наций являются лишь ширмой, за которой скрываются манипуляции худших форм тайной дипломатии. Известную часть вины за это Кенворти возлагает на Аустина Чемберлена—дипломата старой формации.

«Его манера,—пишет Кенворти про Чемберлена,—проводить внешнюю политику напоминает одноглазого, который отступая назад, указывает путь толпе слепых. И он ведет нас всех к войне» (стр. 330).

Вывод из всего этого Кенворти делает следующий: покуда война не будет признана незаконным средством разрешения противоречий, Лига Наций не будет в состоянии что-либо предпринять.

Кенворти посвящает отдельную главу критике отдельных пацифистских течений и школ и выдвигает в качестве панацеи свой рецепт, «скромно» рекомендуя его «единственным выходом». Так и называется его последняя глава.

В декабре 1926 года американский сенатор Бора предложил свой проект запрещения войны. Это предложение состояло из трех пунктов:

1. Международное право должно охватить все интернациональные отношения.

2. Необходимо создать интернациональный трибунал, руководящийся международной юрисдикцией и имеющий право и возможность разрешать все возникающие конфликты.

3. Война должна быть об'явлена преступлением и должна рассматриваться во всех случаях и во все времена, как противоречащее международному праву средство разрешения противоречий.

Кенворти солидаризуется с этими предложениями Бора и особенно подчеркивает значение третьего пункта. Он приводит другие варианты запрещения войны, более детализированные, но по существу сводящиеся к предложению Бора. Так, например, американский посол в Англии в частной лекции студентам Гавардского университета предлагал созвать «конференцию представителей тех народов, которые по расе, происхождению, языку и литературе стоят близко друг к другу и которые движимы одинаковыми идеями и чувствами». На этой конференции надо выработать план, по которому война может быть об'явлена только в результате референдума и то лишь через сто лет.

Кенворти живописует идиллическую картину грядущих евангельских времен на грешной земле. Однако, несмотря на все усилия Кенворти идеали-

зировать эту картину, она получается не слишком веселой. Планы Кенворти по существу сводятся к новой, модернизованной форме ультра-империализма.

«Америка, Англия, Голландия и Швейцария имеют совместный контроль над финансами всего мира. Никакая власть на земле, которая нарушит мир, не может рассчитывать на финансовую помощь, если эти государства об'явят ей бойкот. Англия, Америка и Голландия, вместе взятые, владеют большей частью нефтяных запасов мира. Только одна Россия может без них и независимо от них прозводить огромные массы нефти. Англия и Голландия владеют всей продукцией каучука» и т. д., и т. д. А без денег, нефти, каучука, хлопка и т. д. вести войну невозможно.

Это, конечно, очень симпатичная картина, но Кенворти забывает об одной «мелочи»: об устранении глубочайших противоречий между отдельными империалистическими государствами, хотя бы в вопросах сырья. Уже сейчас мы имеем англо-голландскую монополию в области каучука. Но разве это хоть в какой-либо мере устраняет жесточайшее противоречие между Англией и Америкой. В общем балансе движущих сил новой войны каучуковое противоречие играет далеко не маловажную роль. Это же относится и к прочим видам сырья и другим источникам противоречий. Все эти вопросы Кенворти грациозно обходит, считая, что достаточно будет только признать войну незаконным средством, как все противоречия исчезнут, «аки дым», и империалистические львы будут мирно вместе пастись на хлопковых и нефтяных пастбищах.

Кенворти вскользь упоминает о кое-каких «несправедливостях», которые могут помешать установлению мира. В частности, он говорит о послеверсальских ненормальностях в Центральной и Восточной Европе: о Трианонском договоре, польском коридоре, Верхней Силезии, репарациях и т. д. Все эти «мелочи»,—ничтоже сумняшеся, заявляет Кенворти,—будут легко разрешены мирным путем.

Серьезной предпосылкой для установления мира Кенворти считает предоставление Германии каких-нибудь колониальных владений.

«Если действительно хотят,—пишет Кенворти,—перетянуть Германию на сторону западных держав и оторвать ее от восточных сил—другими словами, от СССР—нельзя придумать ничего более целесообразного, как этот жест» (стр. 375).

Почтенный пацифист проболтался и этой фразой разоблачил подлинные движущие силы великого братства народов и запрещения войны, которое он так ревностно проповедует. Невольно выплывает вопрос: если во всем мире будет царить всеобщая благодать и миролюбие, зачем отрывать Германию от кого-то и привлекать к кому-то? Ведь, сам Кенворти указывает, что при тех отношениях, которые сложатся после подписания договора о незаконности войны, не одно государство не сможет поднять меч. Но ларчик просто открывается. Все эти комбинации Кенворти являются по существу своеобразным вариантом политики английского империализма, стремящегося создать антисоветский и антиколониальный блок капиталистических государств. Запрещение войны — бессмысленнейшее само по себе предприятие — должно и может иметь силу, по мнению его авторов, лишь в отношении «цивилизованных» и «родственных по духу» государств.

Характерно, что, когда Кенворти пытается подойти практически к вопросу о снабжении Германии колониями, он оказывается в тупике. Германские колонии поделены и переделены, и ни Англия, ни Южно-Африканский союз, ни Франция не вздумают возвращать захваченные колонии, да

и Кенворти на этом не настаивает. В конце-концов он любезно перебирает все колонии и приходит к выводу, что единственным исходом будет, чтобы Франция уступила Германии часть Камеруна, а Англия—часть Танганайки, и этой подачки будет достаточно для того, чтобы вовлечь Германию в тихую семейку западных держав.

Так выглядит панацея нашего пацифиста из рабочей партии. Мы уже указывали выше, что первые итоги переговоров о пакте Келлога являются не плохим послесловием к книге Кенворти. Пакт Келлога является практическим осуществлением тех идей, которые проповедует Кенворти. Но совершенно очевидно, что он не только не является инструментом мира, а, наоборот, осью, вокруг которой разворачиваются новые противоречия, новые комбинации сил, неизбежно ведущие к новым военным конфликтам.

Дм. Бухарцев.

От редакции:

1. Ст. М. Брудного «Некоторые теоретические предпосылки к изучению советского хозяйства» печатается в дискуссионном порядке.

2. В № 17 18 «Большевика» в ст. т. М. У. редакция просит сделать следующие исправления: на странице 131, в стр. 17 сверху напечатано: «отношениями», надо: «машинами»; на той же странице, в строке 25 сверху напечатано «тихотворных», надо: «тлетворных».

В том же номере, в рецензии А. Герценштейна, на стр. 148, в 4 абзаце сверху, занумерованном цифрой 2, последнюю фразу следует читать так: «Кондратьев не доказал, что и период под'ема образование ссудных капиталов не может происходить быстрее, чем в период депрессии». *Ред.*